

1785—1795

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

*

1785—1795 гг.

*

Магаданское
книжное
издательство
1978

902
Э91

Составитель З. Д. ТИТОВА

Перевод рукописей К. Мерка выполнен З. Д. Титовой под редакцией доктора филологических наук Н. М. Александрова

Под общей редакцией доктора исторических наук И. С. Вдовина

Введение

Восьмидесятые годы XVIII в. были в России богаты крупными исследовательскими экспедициями. Одной из таких экспедиций была Северо-Восточная географическая экспедиция 1785—1795 гг., известная в литературе как экспедиция Биллингса—Сарычева¹. По своим задачам она во многом отличалась от предшествующих правительственных морских экспедиций, так как перед ней стояли не только научные, но и важные политические задачи — закрепить за Россией все открытые земли и острова на Тихом океане.

Активная деятельность здесь иностранных государств создала серьезную угрозу для русских земель на северо-востоке Азии. Правительство Екатерины II, зная об усиленной подготовке экспедиций в Тихий океан правительствами Англии и Франции, стремилось само снарядить экспедицию в эти края в самые кратчайшие сроки.

Организация экспедиции была поручена Адмиралтейств-коллегии, во главе которой стоял выдающийся государственный деятель И. Г. Чернышев. Адмиралтейств-коллегия разработала детальный план, изложенный в «Наставлениях» начальнику экспедиции. Здесь указывалось, что частной, конкретной задачей экспедиции было географическое исследование северо-востока Азии, описание Чукотского берега от Колымы до Берингова пролива, исследование северо-западной Америки и Алеутских островов. В статье 7-й «Наставлений» было сказано: «Сколько возможно сведать о земле чукчей, силе и нравах сего народа, и при случае потщитесь своим поведением споспешествовать утверждению сего народа в зависимости сей России».

8 августа 1785 г. последовал именной указ Екатерины II об экспедиции, которая была объявлена совершенно секретной. Начальником ее был назначен И. И. Биллингс, англичанин по происхождению. По словам М. И. Белова, он «принадлежал к числу тех иностранцев, которые, находясь на русской службе, служили России честно и с пользой для дела»². Ближайшими помощниками Биллингса были лейтенанты Г. А. Сарычев

---

¹ В XVIII в. эта экспедиция называлась еще Северо-Восточной географической и астрономической.

² Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. Т. 1. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956, с. 423.

и Р. Галл. В экспедиции принимали участие армейский капитан Т. И. Шмалев, доктор К. Мерк, гидрографы А. Ботаков и С. Бронников, геодезисты А. Гилев и Ф. Елистратов, переводчики И. Кобелев и Н. Дауркин (чукча), рисовальный мастер Л. Воронин и другие. Работа экспедиции продолжалась десять лет.

Необходимо кратко проследить ход экспедиции, чтобы правильно оценить ее результаты.

Члены экспедиции выехали из Петербурга в конце 1785 г. Путь шел через Москву, Казань, Екатеринбург, Тобольск, Иркутск до Якутска. В Якутск приехали 30 мая 1786 г., но еще раньше Сарычев был послан в Охотск. И. И. Биллингс и другие члены экспедиции пробыли в Якутске до 10 июня и оттуда выехали в Охотск. Отсюда, оставив капитана Галла для наблюдения за постройкой судов, Биллингс со значительной частью команды отправился к реке Колыме. В июне 1787 г. на двух судах экспедиция вышла из Нижне-Колымска и предприняла попытку пройти «Ледовитым морем» в Тихий океан через Берингов пролив. Однако проникнуть на восток дальше Баранова камня из-за льдов и густых туманов не удалось. Экспедиция в июне 1788 г. по суше возвратилась в Охотск, чтобы оттуда, построив новые суда, пройти к Берингову проливу по Тихому океану, обогнув Камчатку.

На построенном в Охотске судне «Слава России» в сентябре 1789 г. И. И. Биллингс двинулся к Камчатке и первую зиму провел в Петропавловской гавани. Отправившись затем к берегам Америки, он из-за недостатка провианта снова был вынужден вернуться на вторую зимовку в Петропавловск. С мая 1791 г. Биллингс долго ждал прихода второго судна экспедиции у о. Беринга и о. Уналашки. Только 8 июля 1791 г. он решил не ждать второе судно и отправился к берегам Чукотского полуострова. 4 августа 1791 г. «Слава России» вошла в губу Св. Лаврентия. Здесь Биллингс узнал от чукчей, что по Ледовитому морю из-за тяжелых льдов на судне пройти к устью Колымы невозможно. Поэтому Биллингс отменил предполагавшийся переход вдоль побережья Ледовитого океана к Шелагскому мысу. Он сдал командование судном Сарычеву, а сам с небольшим отрядом, в который вошли штурман А. Ботаков, естествоиспытатель доктор К. Мерк, переводчики И. Кобелев и Н. Дауркин, рисовальщик Л. Воронин и другие, 13 августа 1791 г. двинулся на оленях в Нижне-Колымск через Чукотскую землю³, намереваясь по пути также обследовать ее северное побережье.

Беспрецедентное путешествие в таких условиях по чукотской земле продолжалось 179 дней, то есть почти шесть месяцев. В течение осени и зимы 1791/92 гг. отряд прошел 1277 верст. После отдыха в Ангарской крепости 22 февраля 1792 г. Биллингс со своими спутниками двинулся по Анюю и вскоре достиг Нижне-Колымска. 8 марта он выехал в Якутск, куда прибыл 26 апреля. Сюда же 6 августа из Охотска приехали Сарычев и Галл. В марте 1794 г. Биллингс, Сарычев и Галл вернулись в Петербург. Официальный указ об окончании работ Северо-Восточной экспедиции был издан 10 августа 1795 г.

Вопрос о причинах организации Северо-Восточной экспедиции, ее значении для географического изучения Чукотки, островов севера Тихого океана, об ее конкретных

³ Путешествие по Чукотке, как весьма возможное, было заранее согласовано Биллингсом с Адмиралтейств-коллегией, как это видно из письма Екатерины II к И. Г. Чернышеву от 16 октября 1789 г. ЦГАВМФ, ф. 172, № 408.

задачах и результатах — тема специального исследования, которая уже получила довольно полное отражение в советской научной литературе⁴.

В дореволюционное время основными источниками для изучения этой экспедиции были работы Г. А. Сарычева, В. Н. Берха и Н. Ф. Крузенштерна⁵.

Мы лишь кратко остановились на организации, целях и основных этапах экспедиции, так как наша основная задача — показать ее этнографические результаты. А они были очень значительны.

Участники сухопутной и морской части экспедиции собрали этнографический материал о народах, населяющих Чукотский полуостров, Алеутские острова, остров Кадьяк и другие острова Берингова моря. Специальная инструкция, составленная профессором П. С. Палласом, предусматривала сбор не только ботанических и зоологических, но и этнографических коллекций, а также запись слов местных наречий. Экспедицией было собрано большое количество экспонатов для отечественных музеев. Как отмечает Т. В. Станюкович⁶, основная масса собранных предметов характеризовала быт чукчей, эвенков (ламутов) и других народов, населяющих северо-восток Азии; также были и предметы с «островов, против Америки лежащих» («алеутская парка из птичьих животов», «рубаха из кишок морских животных», «ожерелье из зубов», корзины и др.), с Гавайских островов и от «американцев», которые живут против чукчей, — два лука, кинжал, стрелы и так далее.

Этнографические материалы, собранные экспедицией, частично были опубликованы

⁴ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. и со вступит. статей д-ра ист. наук А. И. Андреева. М., 1948, с. 60; Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов. М., 1954, с. 123—131; Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. Т. 1. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956, с. 421—439; Гренадер М. Б. Научные результаты Северо-Восточной географической экспедиции 1785—1795 гг. — «Учен. зап. Петропавловского пед. ин-та», 1957, вып. 1, с. 261—280; Гренадер М. Б. Историческая обусловленность возникновения Северо-Восточной экспедиции 1785—1795 гг. — «Учен. зап. Петропавловского пед. ин-та», 1957, вып. 2, с. 119—178; Шведе Е. Е. Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959, с. 116—1247; Федорова С. Г. Письмо на моржовом клыке. — «Ежегодник Гос. Ист. музея» за 1958 г. 1960, с. 147—161; Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 153 и др.

⁵ Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана И. И. Биллингса с 1785 по 1793 г. Ч. 1—2. СПб., 1802; Сарычев Г. А. Путешествие капитана И. Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черный орел» по Северо-Восточному океану в 1791 г. С приложением словаря двенадцати диких народов. СПб., 1811 (2), IV. 191 с.; Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. (Подготовка текста Т. Д. Лавренко). Под ред. и со вступит. статей (с. 3—21) д-ра геогр. наук Н. Н. Зубова). М., 1952. 326 с.; Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Ч. 1. СПб., 1821, с. 180, 181, 189; Крузенштерн Н. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1808 гг. ... М., 1950, с. 5.

⁶ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петровской Академии наук. Л., 1953, с. 175—176.

в уже упомянутых книгах Г. А. Сарычева и в очень незначительной степени в книге М. Зауера⁷, секретаря экспедиции.

Г. А. Сарычев был самым деятельным членом экспедиции, и в научном отношении его первенство в экспедиции неоспоримо⁸. На основании собственных наблюдений он составил описание быта и обычаев якутов, чукчей, азиатских и американских эскимосов и алеутов. Он отметил этническую близость южно-аляскинских эскимосов — коняг и чугачей с азиатскими эскимосами. Сарычев довольно подробно описал весь путь экспедиции за исключением сухопутного похода, в котором он не принимал участия. О нем Сарычев писал на основании материалов экспедиции, поступивших в Адмиралтейств-коллегию. В предисловии к «Путешествию капитана Биллингса» Сарычев отмечает, что ему удалось воспользоваться журналами всех участников перехода, кроме журналов доктора Мерка, который после окончания экспедиции отправил их в Крым профессору П. С. Палласу. В том же предисловии Сарычев отмечает, что журналы прочих участников содержали «единообразные, вседневные, простые происшествия, без примечаний относительно нравов, обыкновений и образа жизни обитающих там народов. А капитан Биллингс и штурман Ботаков в своих журналах хотя и описывают некоторые обряды, происходящие при празднествах чукчей, но так необстоятельно, что без рисунков, снятых тогда рисовальным мастером Ворониным, и его устных объяснений невозможно было бы их понять. Я присовокупил к тому, также с рисунков и слов Воронина, описание чукотского жилища, езду чукчей на оленях и их упряжки»⁹.

Заслуга Сарычева неоспорима в отношении описания названных народов. Он первый ознакомил ученый мир с этнографическими результатами Северо-Восточной экспедиции, и эти материалы до настоящего времени являются ценным историко-этнографическим источником XVIII в.¹⁰.

Книга М. Зауера дает очень немного в отношении этнографии. Описывая те же народы, что и Сарычев, Зауер ограничивается очень краткой этнографической характеристикой того или другого из них. Подробнее всего он пишет о якутах.

Этнографические материалы экспедиции далеко не исчерпываются теми данными, которые были опубликованы у Сарычева и Зауера.

Имеются до сих пор малоизвестные или почти неизвестные рукописные материалы участников экспедиций, представляющие большую научную ценность как этнографические источники. Составитель настоящей книги в течение многих лет собирал относящиеся к экспедиции рукописные материалы, хранящиеся в различных архивах СССР и за рубежом. Особенно много в этом отношении дал Архив Военно-Морского Флота, где в различных фондах сосредоточено большое количество материалов на русском, английском и французском языках о подготовке, проведении и результатах экспеди-

⁷ An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia... Performed, by command of Catherina the Second, by Commodore Joseph Billings, in the years 1785 to 1794. The whole narrated from the original papers, by M. Sauer, secretary to the expedition. London, 1802. 332 p.

⁸ О Г. А. Сарычеве см. упомянутую выше книгу А. И. Алексеева.

⁹ Сарычев Г. А. Путешествие капитана И. Биллингса..., СПб., 1811, с. 11.

¹⁰ Рукописные журналы Г. А. Сарычева, хранящиеся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (в дальнейшем ЦГАВМФ, ф. 913, д. 179, 237, 256 и др.), не дают ничего нового по сравнению с опубликованными материалами.

ции¹¹. Здесь в фонде Гидрографического департамента нами были найдены дневники самого Биллингса в трех частях на английском языке¹² и переводы этих дневников на русский язык, сделанные Ф. К. Каржавиным¹³, состоявшим переводчиком при Адмиралтейств-коллегии. Перевод был осуществлен во время службы И. И. Биллингса на флоте и при нем был подготовлен к печати, однако опубликован не был. Большой известности этот перевод не получил, да и сами дневники упоминаются в литературе только вскользь¹⁴. А между тем они заслуживают большого внимания этнографов.

При сличении перевода с оригиналом можно заметить, что он сделан очень тщательно и почти дословно. При чтении этих дневников становится ясно, что ни Сарычев, ни Зауер не использовали этнографических записей, имеющих в дневниках. Сарычев сам упоминает, что пользовался журналами Биллингса, но использовал ли он английский вариант или русский перевод — неизвестно. Кроме того, Сарычев опубликовал только третью часть журнала Биллингса, а именно — записи, которые Биллингс вел во время чукотского перехода. Книга самого Сарычева «Путешествие...» написана на основании его личных наблюдений, и журналы Биллингса здесь не использованы. Зауер использовал записи Биллингса, однако в его книге мы не находим тех подробных этнографических сведений, которые есть у Биллингса.

Несколько слов о самом Биллингсе. Биографических данных о нем очень мало, а всем, что нам известно о Биллингсе, мы обязаны А. И. Алексееву, который провел большие архивные изыскания как в Советском Союзе, так и за границей через Лондонское географическое общество.

Иосиф Иосифович Биллингс (Joseph Billings) родился в 1761 г. в Англии (в местечке Гернем-Грин, вблизи Лондона)¹⁵. По послужному списку Биллингс — выходец из дворян и «реформатского закону», то есть принадлежал к англиканской церкви. С 1776 г. Биллингс числился на военной службе, был участником последней экспедиции Дж. Кука (в качестве астронома). После плавания с Куком Биллингс был рекомендован в 1783 г. русским послом в Англии на русскую службу. По одним источникам он в России остался в чине мичмана, который получил после плавания с Куком, а по послужному списку значился лейтенантом русского флота. Из сохранившегося письма самого Биллингса¹⁶ ясна цель его поступления на русскую службу — он хотел принять

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 214 (Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиция капитана И. И. Биллингса), д. 1—12, 28, 54, 60, 63; ф. 913 (Архив гидрографического департамента), д. 1—289; ф. 212 (Дела Адмиралтейств-коллегии), д. 1, 6, 7, 14, 451—467, 586, 587, 890, 891; ф. 172 (Дела гр. И. Г. Чернышева), д. 408—414. (Документы о Северо-Восточной экспедиции 1785—1790 гг.); ф. 198 (Дела гр. Г. Г. Кушелева), д. 79. (Об экспедиции И. Биллингса); ф. 179 (Бумаги из кабинета Екатерины II), д. 131. (Экспедиция И. Биллингса).

¹² ЦГАВМФ, ф. 913, д. 160, 243, 245, 258.

¹³ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 159, 215, 259. Кроме того, в отделе рукописей и редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся отдельные части перевода Каржавина дневников Биллингса — ОСРК, IV, д. 814, тетр. 6 и 8.

¹⁴ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. и со вступит. статей А. И. Андреева. М., 1948, с. 70; А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 88—90.

¹⁵ Эти сведения взяты из «Послужного списка Биллингса». — ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 55, лл. 184, 185 об.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 411, лл. 343, 344.

участие в намечавшейся экспедиции, так как хорошо знал район Северо-Востока России. По предположению А. И. Алексеева, это письмо, видимо, способствовало назначению Биллингса начальником экспедиции. Скончался Биллингс в 1806 г. в возрасте 45 лет¹⁷. Точная дата и место его смерти, а также обстоятельства последних лет жизни остаются неизвестными.

Обратимся к неопубликованным журналам И. И. Биллингса, которые содержат много этнографических данных о народах Сибири и Северо-Востока. В первой части¹⁸ имеются любопытные сведения о бурятах Балаганского острога и бурятах, живущих за озером Байкал, которые известны под именем хоринцев. Биллингс дает описание их внешнего вида, одежды, жилища.

На р. Аймекан Биллингс встретился с эвенгами (ламутами) и дал краткое описание их одежды, жилища и способа передвижения. Специальный раздел в рукописи посвящен «ламутским» оленям¹⁹.

Биллингс оставил первое этнографическое описание юкагиров²⁰. Он побывал в юкагирском селении, расположенном в 50 верстах от Верхне-Колымского острога. В этой поездке его сопровождали Карл Мерк, Робек, Зауер и «рисовальный мастер» Лука Воронин. В дневнике дается очень подробное описание внешнего вида, одежды, жилища, занятий, способов охоты, а также некоторых обрядов, которые уже в то время юкагиры в значительной степени утратили и едва могли вспомнить. Подробно говорит Биллингс о заключении брака у юкагиров, подчеркивая, что плата за невесту редко бывает больше, чем 40 оленей, почему зажиточный человек всегда и платит наличными. Много внимания уделяет автор роли первой жены в семье. Интересно сообщение Биллингса о «месяцеслове юкагирском»²¹. Автор замечает, что юкагиры начинают год с февраля, так как этот месяц на юкагирском языке означает первую весеннюю луну. В рукописи приводится название каждого месяца и говорится, чем юкагиры в какой месяц занимаются.

После встречи с юкагирами Биллингс написал секретное письмо в Адмиралтейств-коллегию, прося обратить внимание правительства на тяжелые болезни, которыми страдает этот народ.

От одного юкагирского старшины Биллингс получил некоторые сведения о коряках, кочующих по р. Омолону. Когда коряки встречаются с юкагирами, то дело никог-

¹⁷ Евгений (митрополит). Словарь русских светских писателей. Т. 1. М., 1838, с. 102.

¹⁸ Журнал, или поденник, флотского капитана Иосифа Биллингса. Путешествие из Санкт-Петербурга в Охотск, из Охотска на р. Ковыму и Ледовитый океан; возвращение в Якутск, в Иркутск и потом в Охотск, возвращение из Охотска в Якутск и описание якутского народа; возвращение из Якутска в Охотск и оттуда в Камчатку на судне «Слава России». От 1785-го до 1789 гг. С рукописного английского подлинника, хранящегося в Адмиралтейств-коллегской архиве. Перевод Ф. Каржавина. Ч. 1. — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 159.

¹⁹ Этнографические сведения о бурятах и эвенгах отсутствуют в книгах Сарычева и Зауера.

²⁰ Небольшой словарь юкагирского языка из бумаг И. И. Биллингса хранится в отделе рукописей и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 7 (Аделунг), д. 137.

²¹ Эти данные находятся в третьей части журнала, о котором мы будем говорить ниже (см. с. 58).

да не обходится без столкновения, причем победителями всегда из-за численного превосходства оказываются коряки.

Подробнее всего в первой части журнала Биллингса говорится о якутах. Таких сведений нет у Сарычева, не говоря уже о Зауере. Остановливаясь довольно подробно на преданиях якутов относительно их происхождения, Биллингс тут же высказывает свою точку зрения на этот вопрос. «Можно с довольной вероятностью сказать, что сей народ произошел от колена татарского, которое имеет жилища свои около Барабинской степи, что в Тобольской губернии; не только сие вероятно по сходству внешнего вида, но даже по языку их и по самому прозванию Саха, которое как у сего, так и у того народа есть одинаковое; а почему россияне прозвали их якуты, о том они сами ни малейшего сведения не имеют». Далее приводятся исторические сведения о том, когда якуты стали известны в России и где места их расселения. Затем в рукописи следует описание материальной культуры якутов, их обрядов, обычаев, верований, жертвоприношений при болезнях и во время праздников. Особенно подробно автор останавливается на описании шаманской одежды у якутов. Этнографические сведения о якутах занимают почти сто листов рукописи.

19 сентября 1789 г. Биллингс отправился из Охотска на Камчатку на корабле «Слава России». Вторая часть журнала описывает именно это его путешествие из Охотска на Камчатку, оттуда на Алеутские острова, затем в Берингов пролив и на Чукотский полуостров²². Здесь заслуживают внимания «Примечания об Уналашкинцах». Надо сказать, что описание алеутов Уналашки и других островов у Сарычева более полное, чем у Биллингса. У Зауера сведений об алеутах еще меньше. Все же описание алеутов Уналашки у Биллингса заслуживает внимания, так как содержит подробности, отсутствующие у Сарычева. Начинаются сведения об уналашкинцах с объяснения их происхождения. Раздел озаглавлен «О родоначальниках»; за ним следуют разделы: «О наименованиях»; «О наружном виде»; «О платье» — описаны отдельно одежды мужчин и женщин, много уделено внимания украшениям; «О веселостях их»; «О браках»; «О похоронах»; «О юртах»; «О домашнем уборе и упражнениях уналашкинцев»; «О байдарах»; «О дорогах».

Вслед за описанием алеутов Уналашки Биллингс дает сведения об эскимосах острова Кадьяк. Говоря о внешнем виде этих эскимосов, Биллингс отмечает их сходство с уналашкинцами и описывает эскимосское жилище, одежду, украшения, останавливаясь подробно на татуировке. В конце рукописи мы находим этнографическое описание конягов мыса Родней Американского берега (описаны их жилища, пища, одежда, утварь, средства передвижения, орудия и внешний вид).

Третья часть рукописи Биллингса — описание сухопутного похода по Чукотке до Анюйской крепости²³. В качестве приложения дан тринадцатизычный словарь. Эта часть в этнографическом отношении беднее, чем две предыдущие. И хотя Сарычев

²² Путешествие господина Биллингса из Охотска на Камчатку; пребывание его в сей стране, отправление на американские острова; возвращение на Камчатку, вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны; отсюда в Берингов пролив и на Чукотский нос. 1789—1790—1791. Перевод Ф. Каржавина. Ч. 2. — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 215.

²³ Журнал, или подневник, флота капитана И. Биллингса. Поход землемерный по чукотской стране до Анюйской крепости в годах 1791 и 1792. Перевод Ф. Каржавина. Ч. 3. — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 259.

опубликовал материалы этого похода по журналам Биллингса и Ботакова (в том числе опубликован и словарь), некоторые сведения из рукописи Биллингса у Сарычева отсутствуют.

В рукописи мы находим подробное описание приезда в Мечигменскую губу в стойбище чукотского старшины Имлерата Киренева, церемонии окуривания при встрече с чукчами и обмен добрыми пожеланиями. Имлерат поздравил Биллингса и его спутников с благополучным приездом в его стойбище, пожелал счастья в дальнейшем путешествии и разрешил ехать по стране чукчей куда им угодно. За этим последовало угощение Биллингса и всех бывших с ним. Другой факт, сообщенный Биллингсом и отсутствующий в описании Сарычева, касается старых больных чукчей, которые, чувствуя себя в тягость своим родственникам, просят их убить и считают это большой милостью. О «сидячих» чукчах Биллингс замечает, что их последнее селение находится между устьем р. Карпи и устьем р. Екех-тумы на берегу Ледовитого океана. Селение это называется Рир-Карпи²⁴.

Оценивая в общем рукописи И. И. Биллингса с этнографической стороны, надо сказать, что собранные им материалы о бурятах, юкагирах, якутах представляют большую ценность, не говоря уже о значении его этнографических наблюдений, касающихся чукчей, алеутов и эскимосов о. Кадьяк.

Другая интересная рукопись — журнал анадырского казачьего сотника Ивана Кобелева о втором его путешествии по Чукотке вместе с отрядом Биллингса в 1789—1791 гг.²⁵ Сарычев в предисловии к книге «Путешествие Биллингса...» сообщает, что в 1787 г. в августе сотнику Кобелеву и переводчику Дауркину было приказано «следовать в город Гижигинск, где, дождавшись прибытия чукчей, которые туда ежегодно приходят для торгу, отправиться с ними на Чукотский нос и, предвзя живущие там народы о нашем прибытии, ожидать судов наших у самого Берингова пролива».

Иван Кобелев²⁶ и Николай Дауркин²⁷ (чукча по национальности, но выросший среди русских и хорошо знавший русский язык) в продолжение двух лет не только подготовили чукотское население к дружественной встрече экспедиции, но и сумели с помощью чукчей побывать на Американском берегу. Доказательством этому служит письмо на моржовом клыке, найденное С. Г. Федоровой в фонде Исторического музея и опубликованное в ежегоднике музея²⁸. Из письма на клыке узнаем, что Кобелев и Дауркин ожидали экспедицию «на месте Ноняхмуне» — это местное название одного из селений на Чукотском полуострове (Нуньямо на современных картах), но экспедиция задержалась, и они ушли с чукчами. Когда «Слава России» 4 августа 1791 г. вошла в губу Св. Лаврентия, Биллингсу подали рапорт от сотника Кобелева. «Кобелев доносил, — пишет Сарычев, — что он с оленными чукчами ожидал здесь и на Восточном мысу прибытия наших судов с 26 июня по 26 июля, и как чукчи не хотели долее

²⁴ Мыс Шмидта (Рыркайпиян).

²⁵ Журнал И. Кобелева о втором его путешествии (1789—1791). — ЦГАВМФ, ф. 214, д. 28.

²⁶ Черненко М. В. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника И. Кобелева в 1779 и в 1789—1791 гг. — «Летопись Севера», 1957, вып. 2, с. 121—141.

²⁷ Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.

²⁸ Федорова С. Г. Письмо на моржовом клыке. — «Ежегодник Гос. ист. музея» за 1958 г., 1960, с. 147—161.

ждать, то он принужден был отправиться морем на байдарках к о. Колочину, лежащему на Ледовитом море, где у чукчей оставлены были стада оленей и находилось главное их стойбище... Сотник Кобелев ничего не писал в своем рапорте о толмаче Дауркине, почему спрашивали мы о нем здешних чукоч, которые сказали, что он живет у оленного чукчи, называемого Имлератом Киреневым, кочующего не очень далеко от здешних мест, и обещали в то же время послать нарочного дать ему знать о нашем прибытии»²⁹.

Вскоре после того, как «Слава России» стала на якорь в губе Св. Лаврентия, прибыли и чукчи во главе со старшиной Имлератом Киреневым на 12 байдарках. С ними прибыл и Н. Дауркин.

В дальнейшем Н. Дауркин, как знающий чукотский язык, должен был сопровождать Биллингса в его переходе через Чукотский полуостров.

Отправляя 11 августа 1791 г. сержанта Гилева морем на чукотской байдаре описывать берег вокруг Чукотского мыса до о. Колочина, Биллингс приказал отыскать сотника Кобелева и с ним вместе выехать навстречу сухопутному отряду. Последний двинулся в путь 13 августа, а 4 октября 1791 г. Кобелев присоединился к отряду, где должен был вместе с Дауркиным исполнять обязанности переводчика с чукотского языка, который хорошо знал. Во время этого сухопутного перехода Кобелев вел журнал, содержащий оригинальные этнографические сведения о чукчах. Некоторые из этих сведений совпадают с тем, что мы находим в записках доктора Мерка, у которого Кобелев был переводчиком. В рапорте Кобелева, с которого начинается рукопись, сообщается, что «во время пребывания на земле чукчей довольно разговаривал с мужиками оленными чукчами о присоединении к России. Чукчи желают с русскими быть в дружбе и торговать будь то в городе Гижигинске или в Нижне-Колымской крепости». В его «Журнале» мы находим заметки об отдельных чукотских стойбищах, встречавшихся на его пути, и ряд этнографических сведений о жителях островов Имаглин, Ингелин и Окипен. Здесь же имеется глава, называемая «Чукотские как оленные, равно и пещные нравы, узаконения, обряды и случающиеся церемонии». В ней описаны некоторые жертвоприношения, обряды при рождении и погребении, заключение браков и другое. Приведенные Кобелевым сведения говорят об обособленности отдельных чукотских семейных общин. «Бога не знают, закону над собой не имеют, а живут каждый по своей власти... ни от кого судимы и наказаны не бывают, а кто к себе вздумает может, так и находится, да и впредь начальников над собой иметь не желают. Почему-де, как прежние деды и отцы находились в их землице, не имея у себя начальников, с тем же и они жизнь свою кончать имеют».

Далее следует описание обряда, связанного с завершением охоты на кита.

Здесь следует только добавить, что без Ивана Кобелева, как и без Николая Дауркина, ни Биллингс, ни Мерк, ни другие участники сухопутного перехода не могли бы собрать того большого материала, который дала экспедиция.

«Журнал» штурмана А. Ботакова³⁰, еще одного участника сухопутного похода Биллингса, также представляет интерес как источник этнографических сведений. В нем подробно рассказывается, как принимали членов экспедиции в стойбище оленных чук-

²⁹ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири..., М., 1952, с. 182—183.

³⁰ Журнал описания Чукотской земли от губы Св. Лаврентия до Ангарской крепости 1791 г. Подпись: «Штурман Ботаков». — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 260.

чей. Кроме того, автор рукописи приводит описание праздника у чукчей по случаю забоя оленей.

В сухопутном походе Биллингса через Чукотку принимал участие сержант А. Гилев. Как уже говорилось выше, Биллингс отправил Гилева на чукотской байдаре описывать берег вокруг Чукотского мыса до о. Колючина. «Журнал» Гилева³¹ кроме описания берега, рек и промеров глубины содержит данные о расположенных на морском берегу чукотских поселениях.

Обращает на себя внимание «Путевой журнал» экспедиции Биллингса³². В нем находим не лишние интереса этнографические сведения о якутах и тунгусах. Неизвестный автор «Журнала» рассказывает о занятиях, способе ловли рыбы, пище якутов и тунгусов.

В Архиве гидрографического департамента мы обнаружили «Дневную меморию»³³ геодезиста Ф. Елистратова. Часть его рукописи была опубликована еще в середине XIX в.³⁴ но нигде не было указаний, что Елистратов — участник экспедиции Биллингса. Дореволюционные и советские авторы, писавшие о Северо-Восточной экспедиции, не упоминали «Дневной мемории».

Геодезист Ф. Елистратов был послан на двух байдарках для описания западного берега Камчатки от Тигиля до р. Пенжины. В его дневнике находим сведения о камчадалах и коряках — об их материальной культуре, обрядах и увеселениях. Особенно много внимания автор дневника уделяет корякам. Он подробно останавливается на их происхождении, причем приводит существующую у коряков легенду о первом человеке, его жене и их детях. Обычай коряков татуировать лицо, особенно у женщин, вместо окрашивания краской, восходит якобы к событиям, описанным в легенде. Останавливается Елистратов на религиозных представлениях коряков, жертвоприношениях по разным случаям — при испрашивании хороших промыслов, при браках, болезнях и так далее. Браки заключались у коряков таким образом, что сначала жених должен был отработать за будущую жену в хозяйстве тестя. С ним обращались жестоко, подчас даже били, заставляя выполнять самую черную работу. По истечении некоторого времени, когда родители невесты убеждались, что жених незлобив, все может снести и достаточно ласков, его допускали до невесты. Это сопровождалось особой церемонией.

При рождении детей чаще всего давали им имена умерших, чем-либо прославившихся предков. Корякские дети очень почитали своих родителей и редко случалось, чтобы они ослушивались отца, а «если таковое случается, то все ими гнушаются и отшатаываются». Мужчины женились с разрешения родителей не ранее восемнадцати лет, а девушек отдавали замуж, когда появлялись женихи. Особое внимание уделяется в рукописи празднику кита.

Сообщение Елистратова о коряках, представляет большой интерес как документ XVIII в.

³¹ Журнал Чукотской земли от бухты Св. Лаврентия до Ангарской крепости, веденный геодезистом сержантом Гилевым с 11 августа 1791 г. по 17 февраля 1792 г. — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 257.

³² Путевой журнал группы командующего экспедицией И. Биллингса 1785 и 1786 гг. — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 162.

³³ Дневная мемория геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе... — ЦГАВМФ, ф. 913, д. 188, 189.

³⁴ Западный берег Камчатки по описаниям Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 гг. — «Записки Гидрографического департамента», 1852, т. 10, с. 136—155.

Особого внимания заслуживают рукописные материалы еще одного участника Северо-Восточной экспедиции — естествоиспытателя доктора Карла Мерка, на личности которого мы остановимся несколько подробнее.

Карл Генрих Мерк, племянник известного немецкого писателя И. Г. Мерка, друга И. В. Гете, был родом из Дармштадта. Сразу после защиты диссертации в Гессенском университете он был приглашен Екатериной II через агента Циммермана в Россию и взят на государственную службу в качестве врача Иркутского госпиталя, где он был уже в 1786 г. Участие в экспедиции Биллингса было для Мерка делом неожиданным, он заменил назначенного туда натуралиста Патрина, который вдруг заболел в Иркутске. Биллингс буквально накануне отправления экспедиции договорился с Мерком и передал ему инструкцию академика Палласа относительно сбора ботанических, зоологических и этнографических сведений, записи местных наречий и так далее. Мерк, напомнив, что он не является специалистом-натуралистом, охотно принял предложение и 10 мая 1786 г. вместе с остальными участниками экспедиции выехал из Иркутска в Якутск. Он был одним из спутников Биллингса во время сухопутного похода по Чукотке до Ангарской крепости (на Аное). После окончания экспедиции Карл Мерк жил в Санкт-Петербурге, работал в качестве врача и умер там же в 1799 г., едва достигнув 38 лет, от кровоизлияния в мозг.

О том, что Мерк вел записи во время путешествия, свидетельствовал еще Сарычев в предисловии к «Путешествию капитана Биллингса». Сарычев отмечал, что записи Мерка к нему не попали, так как были отосланы Палласу. Последний извлек много полезных сведений из этих записок для своей большой работы «*Zoologia Rosso-Asiatica*»³⁵. Можно было надеяться, что Паллас опубликует и все имевшиеся у него записи К. Мерка, но этого не случилось. Со смертью Палласа в Берлине его архив частью был утерян, исчезли и рукописи Мерка.

В 1806 г. в журнале «Любитель словесности» появилась статья «О происхождении, вере и обрядах якутов». Издатель журнала Н. Ф. Остолопов в предисловии ссылается на «Записки бывшего в экспедиции доктора Мерка», которые попали к нему в руки из неизвестного источника. Трудно говорить о степени использования рукописи Мерка Остолоповым, так как последний имел в своем распоряжении и другие сведения о якутах. Где находится эта рукопись в настоящее время, установить не удалось.

Другая работа К. Мерка «*Beschreibung der Tschuktschi. Von ihren Gebräuchen und Lebensart*» посвящена чукчам и хранится в рукописи в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³⁶. Некоторые части этой рукописи были опубликованы еще в 1814 г. в Германии³⁷. Неизвестный автор опубликовал только отрывки из рукописи, значительно их переработав. В частности, им были выпущены все названия предметов на чукотском языке и даже описания некоторых явлений жизни чукчей.

Отдельные места из этой рукописи в русском переводе были опубликованы в

³⁵ Pallas P. S. *Zoologia Rosso-Asiatica*. Petrop., 1831.

³⁶ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редкой книги. Фонд нем. F. IV, № 173.

³⁷ Nachrichten von den Sitten und Gebräuchen der Tschuktschen, gesammelt von Dr. K. H. Merck auf seinen Reisen im nördlichen Asien (aus einer Handschrift). — «*Journal für die neuesten Land-und Seereisen*», 1814. Bd. 16, ss. 1—27, 184—192; Bd. 17, ss. 45—71, 137—152.

1941 г.³⁸. Авторы перевода остановились только на взаимоотношениях чукчей с коряками, занятиях, военных действиях, описании подземного жилища и кратко — на занятиях жителей Анадырского острога.

Позже часть сведений К. Мерка о чукчах была использована в работе И. С. Вдовина³⁹.

Таким образом, названная рукопись К. Мерка до настоящего времени полностью не только не была опубликована, но даже не была переведена на русский язык. Между тем она заслуживает большего внимания, так как является документом, зафиксировавшим состояние жизни и быта чукчей в конце XVIII в.

Рукопись написана мелкими готическими буквами, содержит орфографические неточности, подчас довольно трудно ее разбирать и переводить. Она носит строго деловой характер, но есть в ней и несколько лирических отступлений, приводится много названий на языке оленных и оседлых чукчей (оседлыми чукчами К. Мерк называл сибирских эскимосов⁴⁰).

По содержанию рукопись распадается на три почти самостоятельные части: страницы 1—51 — описание языка, занятий, одежды, жилища, пищи, обычаев, религиозных представлений, семейного и общинного быта оленных и оседлых чукчей; страницы 51—53 — описание Анадырского острога и занятий его жителей; страницы 53—64 — путевой дневник Мерка за время переезда от Мечигменского залива до р. Колымы с 17 августа 1791 г. по 26 февраля 1792 г. Он содержит вначале подробные, а затем суммарные метеорологические и топографические сведения, описание растительности, наблюдения над животным миром.

Рукопись К. Мерка — первый и наиболее полный для своего времени труд по этнографии чукчей, их занятиям и бытовому укладу. До нее сведения о чукчах были менее подробны, отрывочны. Яркое описание Мерка нельзя даже и сравнивать со сбивчивыми, случайными сведениями Зауера или лаконичными заметками того же Биллингса. Большое значение рукописи Мерка в том, что он сам наблюдал некоторые явления из жизни чукчей, а не записывал их только с чужих слов, хотя и пользовался услугами переводчика. Одним из таких известных переводчиков был Н. Дауркин, а другим И. Кобелев⁴¹. Ценность рукописи еще в том, что Мерк описал много такого из жизни чукчей, чего уже не было в начале XX в. Так, например, В. Г. Богораз, который изучал жизнь чукчей в 1895—1897 гг. и в 1900—1901 гг., не застал там подземного жилища того типа, который подробно описан Мерком, а видел только его развалины; изменились и многие другие стороны быта чукчей.

Рукопись Мерка снабжена единственными в своем роде рисунками, выполненными Лукой Ворониным, бывшим при экспедиции Биллингса «рисовальных дел мастером». В рукописи 28 рисунков, из которых пять были опубликованы в «Альбоме» Сарычева, в книге Зауера и в «Путешествии капитана Биллингса», причем некоторые из них по-

³⁸ Бронштейн Ю., Шнакенбург Н. Записки доктора К. Мерка — участника экспедиции Биллингса — Сарычева в 1785—1792 гг. — «Советская Арктика», 1941, № 4, с. 76—88.

³⁹ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965, с. 14, 18, 19, 25, 26, 30—32, 35, 38, 40, 41, 43, 45, 47, 50, 82—84, 89, 91, 93, 95, 97.

⁴⁰ И. С. Вдовин писал о тождестве языка «оседлых чукчей» Мерка с языком эскимосов. — «Сибирский этнографический сборник», 1961, вып. 3, с. 52.

⁴¹ В записках И. Кобелева мы находим почти текстуальное повторение некоторых описаний Мерка.

вторялись. Советские исследователи, писавшие о Северо-Восточной экспедиции или вообще о чукчах, приводили некоторые рисунки из рукописи Мерка — изображения подземного жилища, татуированной женщины, чукотского воина⁴² и другие⁴³.

Долгое время существовало мнение, что рукопись Мерка о чукчах — его собственноручная выписка из дневника, который он вел во время работы экспедиции. Имея сейчас этот дневник, мы можем сказать, что он не охватывает сухопутного перехода по Чукотке с Биллингсом, хотя и доведен до 1792 г., и не содержит сведений о чукчах. Правда, в одном из писем к Палласу, включенных в дневник, Мерк пишет, что собирает сведения о чукчах и после полной их обработки вышлет их Палласу. Вероятно, черновики рукописи о чукчах не сохранились.

Теперь обратимся к дневнику Мерка. Он считался утраченным вместе с некоторой частью архива Палласа вплоть до 30-х годов XX в., когда в антикварном магазине Адольфа Вейгеля в Лейпциге дневник в оригинале был выставлен для продажи. Немецкий ученый А. Якоби, состоявший в родственных отношениях с исследователем, предложил фабриканту Люнсу Мерку из Дармштадта приобрести дневник для семейного архива широко разветвленной семьи Мерков. Самому Якоби было предоставлено право научного использования этой рукописи. В 1938 г. Якоби опубликовал отдельные части из дневника К. Мерка⁴⁴. Якоби поставил перед собой задачу извлечь из рукописи все, что ему казалось пригодным в этнографическом отношении, и сгруппировал материал по отдельным народам. Решить эту задачу было весьма нелегко, так как материал приходилось брать из разных частей текста и переделывать применительно к современному немецкому языку. Последнее было необходимо, потому что Мерк употреблял устаревшие, не всегда понятные формы немецкого языка. Трудные для прочтения места рукописи Якоби берет в кавычки. Вот что он пишет о языке дневника Мерка: «Не только старинный стиль, но также зачастую, особенно в описаниях, проявляющаяся беспомощность в выражениях, которая иногда переходит в едва доступную пониманию тарабаршину, заставляя подозревать, что Мерк за шесть лет сибирской жизни несколько отошел от употребления родного языка»⁴⁴.

В 1968 г. нам любезно была предоставлена фотокопия дневника К. Мерка из семейного архива Мерков в Дармштадте через библиотеку Hessische Landes und Hochschulbibliothek. Darmstadt Schloss. За это мы весьма благодарны как владельцам архива, так и сотрудникам библиотеки.

Рукопись состоит из 162 страниц in folio на немецком языке (113, 114 страницы отсутствуют). Почерк очень мелкий и изящный. Начат дневник в Охотске 16 августа 1789 г. и представляет собой начисто переписанный экземпляр рукописи со многими последующими добавлениями на полях, а также приложениями на отдельных листах. Перевод текста очень затрудняли те особенности языка Мерка, о которых писал Якоби.

Рукопись содержит богатые данные по этнографии народов, населяющих северо-западные берега Америки, особенно алеутов, а также и соседних с ними племен —

⁴² Рисунки опубликованы, например, в кн.: Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945, с. 96, 97; Бронштейн Ю., Шнакенбург Н. Указ. раб., с. 81, 83—85, 87; Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, с. 10 (и в других работах).

⁴³ Jacobi A. Heinrich Mercks ethnographische Beobachtungen über die Völker des Beringsmeers. 1789—1791. — «Bässler Archiv», 1938, Bd. 15, ss. 113—137.

⁴⁴ Jacobi A. Указ. соч., с. 114.

жителей о. Кадьяк, коняго⁴⁵, и чугачей. Материальная культура — пища, одежда, жилища, — обряды, семейные отношения, народная медицина, увеселения и верования описаны Мерком с большой тщательностью, с приведением множества названий на алеутском и «кадьакском» языках. В тексте и в конце рукописи дан небольшой словарь алеутских терминов, дополняющий словарь Робека, опубликованный в приложении к книге Сарычева «Путешествие капитана Биллингса»⁴⁵.

О народах, населяющих острова Берингова моря, сведения до экспедиции Биллингса были весьма скудные. В то время, когда проводилась экспедиция, многие из этих народов находились почти в первобытном состоянии, а у других, по словам Мерка, под влиянием русских «наступал распад» некоторых обычаев и обрядов.

Но если даже сведения Мерка и не лишены пробелов, некоторые из них основываются не на собственных его наблюдениях, а получены от переводчиков, то все равно взятые вместе они образуют богатый и ценный источник для истории и этнографии этих народов конца XVIII в. и заслуживают опубликования. Замечания на полях рукописи показывают, что к ней было приложено около 40 оригинальных рисунков, выполненных Л. Ворониным и изображающих жилище, утварь, оружие и так далее. Рисунки эти частично опубликованы.

Важнейшие результаты Северо-Восточной экспедиции в области этнографии сводятся к следующему. Путешествие Биллингса в 1791—1792 гг. по Чукотскому полуострову явилось выдающимся событием. Хотя русские и раньше бывали на Чукотке, все же о чукотском народе, его быте и нравах до экспедиции Биллингса было известно весьма немного. Участники экспедиции Г. А. Сарычев, К. Мерк, И. Кобелев оставили самое подробное для того времени описание жизни чукчей. Новый конкретный этнографический материал был собран и о других народах Сибири — о якутах, коряках, юкагирах, азиатских эскимосах. Сарычеву и Мерку принадлежит заслуга этнографического описания алеутов, эскимосов-чугачей, конягов конца XVIII в.

Среди трудов участников экспедиции мы имеем специальные этнографические исследования или главы в описаниях, целиком посвященные этнографии.

Участники экспедиции старались исследовать все стороны жизни этих народов. Однако особый интерес они проявляли к религии, браку, народной медицине, обычаям, обрядам, увеселениям. Вопросы общественного строя они касались гораздо реже. Собран был значительный языковой материал.

⁴⁵ Сарычев Г. А. Указ. соч., 1811, с. 91—125.

Журнал, или поденник, флотского капитана Иосифа Биллингса. Путешествие из С.-Петербурга в Охотск, из Охотска на реку Ковыму и в Ледовитый океан; возвращение в Якутск, Иркутск и потом в Охотск, возвращение из Охотска в Якутск и описание якутского народа; возвращение из Якутска в Охотск и оттуда в Камчатку на судне, именном «Слава России», от 1785-го до 1789 г. С рукописного английского подлинника, хранящегося в Адмиралтейств-Коллегской архиве

Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 1¹

В Судовом журнале И. И. Биллингса подробно рассказывается о подготовке экспедиции, дается описание местности, по которой ехали члены экспедиции от Москвы до Якутска, дальше следуют многочисленные записи метеорологических и астрономических наблюдений. Наряду с этим имеется много примечаний, в которых сообщаются этнографические сведения об отдельных народах, с которыми Биллингсу удалось встретиться.

Так как нас интересуют этнографические данные, заключенные в этом журнале, то мы публикуем только перевод тех мест, где эти данные имеются. Это относится ко всем трем частям журнала.

В некоторых случаях чтение Ф. Каржавиным отдельных английских букв и буквенных сочетаний в приводимых словах на языках местных народов расходится с общепринятым.

Текст публикуется в переводе Ф. Каржавина, но мы позволили себе, пользуясь английским оригиналом, в отдельных случаях внести уточнения.

11 мая 1785 г. выехали из Иркутска, и в 15 верстах дальше начиналась «бурятская степь». Буряты живут здесь в летнее время, а зимой живут в горах, покрытых лесами. Богатство их состоит в рогатом скоте и лошадях. Еще ловят рыбу в соседних речках. Прежде якуты жили на этой земле, но буряты их вытеснили.

Буряты лицом смуглы, волосы имеют черные, глаза у них черные же, но весьма малы; нос и щеки плоскоширокие, кость в лице высокая; вид человека молчаливого, но смелого; расположение тела слабое и сухощавое, а народ весьма неприятный. Платье их обыкновенное—есть нагольная шуба с короткими штанами из выделанной бараньей или козьей кожи с таковыми же чулками. Чресла их препоясаны широким поясом, под которым носят нож в ножнах и мошонку со всем тем, что

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 159.

нужно для удобнейшего получения огня, и к тому же поясу привешивают мешочек для табака. Употребляют трубку и прячут ее в сапог, который делается у них весьма просто: подошва пришивается из той же обыкновенной кожи, а каблуков нет совсем, и они принуждены подвизывать их под лодыжками и над коленями. Одежда как у мужчин, так и у женщин почти одинаковая; на шее и в ушах носят бисер и медные бляхи; волосы с самой макушки заплетают в косы с тем различием, что у мужчин одна коса, а у женщин две косы. У обоего пола вино и табак в великом почтении. Куши² их суть не что иное, как шалаши, выстроенные на время и поставленные все вместе как попало. Делают же их из тонких и коротких жердей, наложенных одна на другую, а в промежутки кладут мох; величина кушей от 6 до 8 футов каждая сторона, то есть 4 аршина с $\frac{1}{2}$ как в длину, так и в ширину, с небольшою дверью, а иногда и с окошечком, но по большей части оставляют только окошечко сверху, как для получения света, так и для выхода дыма. Огонь же раскладывают на голой земле посреди куши. Вместо кровли им служит древесная кора, а сверху трава. Сей народ, кроме лука и стрел, на охоту употребляет также и винтовки. Я говорил теперь о бурятах колена балаганского, но есть еще другое колено, живущее за озером Байкалом, которое известно под именем хоринцев. Мне кажется, что буряты и хоринцы суть люд отверженный от прочих монгольцев, которые вообще имеют довольно просвещение и очень привязаны к обрядам своей веры. У него ламы или попы в великом почтении; обряды духовные совершаются на тангутском языке, на котором и духовные все книги написаны, хотя у сего народа есть особый язык с собственными буквами. Бог на монгольском языке называется Гизаера; год начинается с февраля месяца, и сие время препровождается в наблюдении священных обрядов, в молитвах благодарственных за получаемую милость и в прошениях о продолжении божьей помощи; месяц начинается с новою луною и называется Цагán-чарá, то есть белая луна. По окончании духовных обрядов начинается конское ристание и народ веселится. Из молока кобыльего, коровьего и козьего посредством гонки умеют добывать напиток крепкий, наподобие водки; однако балаганцы и хоринцы суть безграмотные люди, ламов не имеют и поклоняются дьяволу, полагая всю свою надежду на шаманов. Все монгольцы имеют места определенные для совершения особых по закону своему обрядов. Например, в случае клятвы или, сказать справедливее, в случае предания проклятию какого-либо обвиненного человека в злодействе сие совершалось на особой горе, прежде сего почиталась святою славная гора Бургуттах неподалеку от Кяхты; кто бы такой ни был обвинен в содеянии зла против закона, посылаем был на верх оных горы и ежели оттуда возвращался благополучно и божился, что он не виноват, то уже весь народ его признавал таковым, ибо утверждают все

² Куш а — хижина, жилище (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955).

единогласно, что ни единый человек не может возвратиться с той горы жив, будучи действительно виноватым.

10 июня из Якутска отправились в Охотск. Пробыв некоторое время в Охотске, я в сопровождении ламутов³ на оленях добирался до Амекана. На р. Амекан простились я с ламутами и с их оленями, ездить на них хорошо, хотя сперва кажется от непривычки неспособно, потому что седло лежит у них прямо на плечных костях, а не на спине и без стремян; спина у оленя слаба, и для сего необходимо должно наложить седло поближе к шее; оно составлено из двух подушек, а между ними есть четвероугольное шести или семи вершковое плоское место, сделанное по спинной кости оленя, где должно сидеть. Сие животное идет свободно и проворно, а иногда бежит иноходью; оно самое смиренное и для перевозки тяжестей самое способнейшее для ламутов, потому что сей народ живет по горам, через которые никакая лошадь, никакое другое животное так легко переходить не может, как олень; по горам же каменным, на которых ничто не растет, кроме мха, а он-то и есть настоящая пища оленей. Способ, коим их ловят, весьма прост: ламут, как только увидел стадо диких оленей, слезает со своего и пускает его к диким, а сам идет с ним и прижимается к нему под бок; подошедши близко, или пускает в дикого стрелу, или накидывает ему на рога веревочную петлю; а как только олень чувствует, что рога у него несвободны, то он стоит смирно, и его нетрудно привязать к домашнему оленю, который следует за хозяином. Когда ламуты перекочевывают, то сперва накладывают на оленя свою пищу, то есть рыбу и прочее, после что-нибудь потяжелее, а наконец и сам хозяин на него садится; самец и самка имеют рога, которые в июне показываются на голове, покрытые тонкою и гладкою кожицею такого же цвета, как и само животное. Идучи в лесу, олень поднимает голову так, что рога его лежат по его бокам и не могут зацепляться за ветки древесные; ибо олень в рогах, пока молодые, весьма чувствителен и боится всякого прикосновения; из них течет кровь весьма легко, пока они покрыты вышесказанною, бархату подобною кожицею; а в сентябре месяце она спадает, рога же сами отваливаются в марте месяце. Быки и важеньки сходятся в октябре и ноябре месяце, потом важенька телится в марте и апреле. Сии животные страстно любят человеческую мочу, также небольшого рода мышь, живущую в горах, и особливо род гриба, растущего между мхом и оттого названного моховиком; однако мох есть главная их пища; олень никогда не потеет, хотя и в тяжелой работе, но сильно задыхается и тогда язык высовывает, как усталая собака после охоты.

Тунгусы⁴, или ламуты⁵, ведут кочевую жизнь около гор и с молодых лет своих сделали привычку к таким упражнениям, которые у всякого другого народа могут почестся трудами несноснейшими. Они и о пище

³ Ламуты — эвены.

⁴ Тунгусы — эвенки.

⁵ Биллингс ошибочно считал тунгусов и ламутов одним народом. (В английской рукописи стоит «ор» — «или»).

своей не пекутся более, как раз в двое или трое суток. Платья и все то, что нужно для их жизни, находят они в своих оленях; наижесточайшую стужу препровождают они в палатках, а назвать ее шалашом нельзя, сделанной из тонких палок и покрытых берестой; спят на оленьей коже, постланной на снегу, а покрываются просто платьем своим; жены у них не что иное, как невольницы их, но я намереваюсь дать о них подробнейшее описание в продолжение сих моих записок.

Прогулка к юкагирам. Погода стояла несколько полегче прежнего, а юкагиры находились тогда в зимовищах своих, расстоянием от Нижне-Колымского острога в 50 верстах; захотелось мне побывать в жилищах, посмотреть, как они живут, и собрать несколько слов по их наречию. Того ради поутру 14-го числа января 1787 г. поехал я с доктором Мерком и с г-м Робеком и Зауером и с рисовальщиком на нартах, что есть род саней, в которых запрягают собак. Первые 10 верст мы ехали по берегу р. Ясашной на полдень, потом река поворачивала на запад и начинала извиваться, однако, желая сократить дорогу, ехали прямо через острова и горки, покрытые весьма густым кустарником. В 4 часа приехали в селение юкагирское; оно именуется Нункунтунг-нагел (Nunkuntung-nagel) и стоит на веселом месте, на стрелке, где реки Налима⁶ и Ясашная соединяются в одну; обе сии реки рыбные. Жители обоего пола сошли с кругого берега, на котором стоит их селение, и встречали нас у самой воды в праздничном их наряде. Женщины одеты, почти как российские бабы, исключая верхнее платье, которое вместо шубы состояло в одной парке, сделанной из оленьей кожи, а парка делается точно, как у нас рубаха, только что прореза никакого нет внизу; по большей части делается она из оленины, а с той стороны, где шерсти нет, красят ее красной краской, которую достают из ольховой коры и щелока; воротник, прорез на груди, рукава и низ украшены опушкой из какого-нибудь меха; выбирают на то по большей части росомаший, соболий, куний или речной выдры мех и разрезают его на самые узкие ремешки; у других же весь подол вышиною на три вершка с половиной вышит весьма искусно разными шелками и волосами как конскими, так и оленьими, какие у сего животного висят под горлом; а на самом вороте такого платья бывает росомашья опушка; иногда сие шитье делается из золотых и серебряных нитей на полосе черного бархата, которую после нашивают на парку. Сей род платья у них в великом бережении, пока оно новое; и обыкновенно надевают еще верхнее платье из выделанной кожи или из китайки, которое называют камлей. Обувь их состоит в замшевых полусапогах с вышитыми головами наиприятнейшим образом, а чтобы они с ног не спадали, перевязывают их вокруг лодыжек красными ремешками. У замужних женщин голова повязана платком и волосы покрыты; незамужние же ходят с открытой головою, и волосы назади висят по всей спине. Мужчины одеты были в кожаную парку без разреза, подобитую заячьим мехом, в длинных узких брюках,

⁶ На карте Российской империи 1787 г. — Нелема.

сделанных по европейскому покрою, из выделанной кожи, а на ногах имели теплые сапоги. Волосы носят длинные, завязывают их назад и ходят все в шапках; и женщины такие же шапки носят, какие мужчины.

Нас проводили до жилища начальника, который был человек 50 лет, имеющий жену, двух сыновей и пять дочерей. Мы у него напились чаю, который принесли с собой. Спустя два часа угостили нас рыбой, изжаренной на палке, воткнутой в землю перед огнем, которую изредка переворачивали. Мы немного поели, когда вошли 8 молодых женщин и стали петь. Пение их было согласное и слуху приятное. Сей народ называет себя андондомнами (Andondomni) и не знает, кто ему дал название юкагиров. Он по сию пору разделяется на разные колена, которые живут на Колыме, на Омолоне, на Алазее и на низу Индигирки. Язык у всех юкагиров один, но всякое колено имеет особое наречие. Они в теле своем чисты, крепки, плотны, среднего роста, имеют черные длинные волосы, лоб высокий и широкий, глаза черные малые и вдавшиеся более обыкновенного внутрь своих ямин, нос очень малый, и кажется, будто в нем промежуточного хряща нет, а только выпучился несколько к концу; и расстояние между глазами совершенно плоско; в бровях волосы редкие, тако же и в ресницах; подщечная кость высокая и широка, губы очень толстые; между верхнею губою и носом пространство великое; подбородок плоский и вверху почти безволосый, также и на верхней губе мало волос. Юкагиры в прежние времена перенимали все от ламутов, которых они называют ергегами (Erpeghi); однако все их обыкновения, платье, обряды и веру бросили и принялись подражать во всем россиянам, живущим около их страны, выключая только то, что женский пол не позволяет волосу расти нигде на теле. Юкагирский народ чувствительно переводится, и в короткое время поколение сие пропадет совершенно. Сперва чукчи и коряки истребляли юкагиров и выгоняли от всех мест, потом явила над ними всю свою суровость болезнь, у нас именуемая оспою, а ныне вышеупомянутая язва так сильно въелась в сей народ, что хочет, кажется, истребить его все с лица земли. Жители сих бедных стран рассказывают, что она принесена к ним командою Павлуцкого, когда он впервые путешествовал по их жилищам, и утверждают, что все, даже соседние, народы заразились так же, как они сами.

...Мужской пол, как и все другие мужчины разных поколений, обитающих в тех суровых странах, весьма ленив и за верх блаженства почитает, чтобы всегда можно было есть, пить и спать. Удовлетворение скотоподобной похоти занимает место нежнейших чувств любовного желания, о котором нет у юкагиров ни малого воображения, ибо они в женах видят не иное, как подлейшую часть творения, определенную к трудам и работе. Пока у них есть что есть, то котел день и ночь кипят на огне. Женский пол в лености не подражает мужскому; бабы и девки ходят за дровами, готовят пищу и исправляют вообще всю черную работу; а по окончании ее шьют, и можно сказать, что во всякой работе, где потребна иглолка, они в рассуждении искусства никакой

другой женщине не уступят. Все платье юкагирское с ног до головы сделано женщинами и вышито не только чисто, но и со вкусом. У мужчин я видел всякие железные инструменты; но женщины имели недостаток в иголках, в шелке и других бабьих безделушках, в чем я постарался сделать им удовольствие. Юкагиры оставляют свои жилища около половины февраля месяца и ходят за зверями, по большей части за оленем, лосем, лисицею, зайцем и за всем, что ни попадется по дороге. (Куниц в их стране совсем нет, а достают куньи меха от чукчей или ижигинских казаков⁷). Женщины и ребята — все идут за охотниками; у них не более пяти оленей, которые служат им для примана диких; путешествуют они на плоских нартах, в которые запрягают собак, и едут таким образом 10 дней, по 30 верст в день. До самых вершин реки Ясашной и Колымы вся страна гориста и изобилует зверем, какой для них надобен. Зайцев ловят осилом⁸, западнею и пастью, однако последнюю ставят более для лисиц. Для лосей и оленей они имеют искусно сделанные самострелы, род луков со стрелами; лук натянут весьма крепко; ремень от него протянут до самых следов зверя, который одним к тому ремню прикосновением получает стрелу в бок. Они ловят лосей также и весною, когда солнце начинает нагревать воздух и умягчать поверхность снега, которая опять ночью промерзает так, что человека держать может, а зверь проваливается и не может никак бежать; тогда ловцы догоняют его на лыжах и убивают без труда; а по вскрытии рек всю добычу свою спускают на плотках в свои жилища и продают ее за безделицу казакам. В сентябре месяце или в октябре они посещают вторично те места, где водится зверь, а возвращаются с добычею в декабре. Во все время пребывания их на зверином промысле они без всяких затей спят на снегу в шалаше, сделанном из бересты, или возле кустарника, которого ветви прикрывают их несколько от непогоды и ветра. Женщины сдирают шкуры с убитых зверей, ловят рыбу и исправляют всю черную работу, какая быть должна при столь странной жизни. Зимние их жилища строить немудрено; то же самое что простая русская деревенская изба, только что употребляют на сие строение самый мелкий бревенчат, почти тонкие жерди, а между ними кладут мох. Такое жилище есть не иное что, как малая избенка с небольшим окошком, в которое вставляют тонкую льдину. В избе оставляют место для очага так, как у якутов, с продушиною сверху для выпуска дыма. Место другое, на котором сидят или спят, имеет около 10 вершков с половиною вышины над землею и занимает $\frac{3}{4}$ избы; пол не из досок делается, но просто из ветвей, уложенных по земле. Дверь, к избе приделываемая, всегда бывает мала, вышиною не более как в 14 вершков, а шириною в 12. Изба же сама по себе низка, и потому бывает в ней жарко,

⁷ Мех куницы поступал к чукчам в порядке обмена с жителями северо-западного побережья Америки. (Прим. ред.).

⁸ Осíл, силóк — накидная петля, аркан (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

пока огонь горит, а ночью, напротив, она очень холодна. Нарты у юкагиров такие точно, какие у казаков, я им описание сделаю далее. Начал я писать краткий словарь юкагирского наречия, но, к величайшему удивлению моему, нашел, что, исключая двух стариков, все сие поколение позабыло или совершенно не знало, какие были первые у народа юкагирского обряды, и с трудом могли мне сказать некоторые слова собственного своего языка, вышедшие уже из памяти их.

...Не мог я получить хороших сведений о прежних старинных обрядах сего народа, так как все юкагиры того места родятся в христианской вере и ничего не знают о своих предках, которые по подобию всех диких народов кланялись демонам, имели своих шаманов или колдунов и отдавали им великую почесть. Они были врачи народные в случаях болезненных и призывали дьяволов на помощь больному; для сего убивали они оленя и горячею кровью сего животного натирали больному грудь, а дьяволам они приносили жертвы для того, чтобы думали, что они имеют право наказывать человека, и надеялись, что подарки могли их умиловить. Они называли творца по своему наречию Хаил, однако не поклонялись ему и не знали ничего о свойствах божиих. В песнях своих они похваляют искусство свое в ловле звериной, а пляски их представляют движения звериные. При нас плясал мальчик с девушкою; они сперва подражали крику разных животных, потом ползали на коленях и на руках, терлись вместе головами, опять вставали, прыгая туда и сюда, взад и вперед, плескали руками, клали их себе на голову, мяли часто края своей одежды, подражая тому, как они умягчивают шкуры животных, и тем кончалось первое действие сего юкагирского балета. Потом двое мужиков начали плясать по-медвежьему, оба на коленках друг друга царапали руками и подняли столь странный рев, что все собаки вне избы начали выть. Во всех их плясках я не приметил ни приятности, ни живости. Обряды свадебные были у юкагиров точно такие ж, как у других азиатских народов, не что иное, как торговый договор между продающим и покупающим невесту. А сей договор у них называется айма (Aima). Обыкновенно выкуп сей состоит в некотором числе оленей или в определенном от 5 до 15 лет сроке отработки на тестя, с уступкою, ежели жених будет удачливым или отменно искусным в ловле звериной. А ежели жених и невеста познакомятся прежде выплаты аймы, то цена полагалась вдвое. Человек достаточный платил всегда наличными, ибо айма не бывает никогда выше 40 оленей, которые отдаются тестю с некоторым обрядом. Многоженство допускается у всех народов азиатских, однако с согласия первой жены, которая сущая в доме хозяйка, и ей все другие должны повиноваться, ибо без сего она не дает своего согласия, а они все ревнивы. Когда юкагир умирает без детей мужского пола, то старшая жена его остается совершенною хозяйкою в доме, берет всех других женщин под свою команду и ежели вздумает которую-нибудь выдать вторично замуж, то имеет право брать за нее айму, а в случае если одна из них, замуж не выходя, обратно пойдет в свою прежнюю семью, тогда большая часть аймы отда-

ется наследнице, то есть старшей жене; все же имущество покойного мужа разделяется между женами его по произволу старшей жены, которая лучшее оставляет себе. Но когда после покойника остается сын, тогда он бывает наследник неоспоримый всему имуществу. При рождении детей у них нет особенных обрядов. Когда женщина чувствует, что время ее родов приближается, то уходит в особый угол избы, отделенный дощатой перегородкою, с дверью, прорубленной на улицу так, что место ее не имеет никакого сообщения с тем местом, где пребывают мужчины. Там она освобождается, сидя на коленях у другой женщины, питается горячим кушаньем и несколько дней укрывается от взоров мужских.

Умерших хоронят следующим образом: одевают покойника в лучшее платье, сажают в избе, а по стенам развешивают остальную его одежду на деревянных брусках на целые сутки. Потом кладут тело в крепкий ящик и опускают его в землю, а при нем кладут топор, огниво, трут, лук, стрелы и прочее, а вокруг того места делают какую-нибудь загородку. Шаманы их тут же присутствуют и убивают при сем случае одного оленя, иногда двух и даже до десяти, смотря по достатку покойника. Все мясо съедают те люди, которые провожали тело, а кости все осторожно подбирают и, сделавши из них связку, вешают ее на дерево. Мнение у них такое, будто тело переходит из одного света в другой и что на другом свете оно будет иметь нужду во всех тех вещах, которыми оно пользовалось на сей земле. Траура у них никакого нет, и старшая жена или хозяйка выходит вторично замуж, как скоро случай к тому находит. Однако сие бывает редко, разве бедность принудит ее вступить опять в брак. Прежде сего они не знали никаких законов и наказания за преступления. Самое убийство у них злодейством не почиталось, когда оно сделано было вне границы их племени, а ныне они в подобных случаях прибегают к российским законам.

Оленина и рыбы разных родов составляют главную их пищу. При том они собирают разные ягоды, сушат их, иные варят; иногда же едят исподнюю кору березы и лиственницы, которую они на тонкие кусочки раздирают и варят. Сие кушанье имеет приятную горечь и питательно.

Топоры их были прежде сделаны из камня, также и наконечники их стрел и даже ножи. Однако на стрелы и ножи они охотнее употребляли кость, так же как и на иголки. И ныне, хотя у них есть довольно железа, они в некоторых случаях предпочитают наконечник стрелы, сделанный из кости, тому, который сделан из железа. Из бересты они делают туесы (бураки) и корзинки (кузовы). Употребляют небольшие, весьма чисто сделанные плоскодонные лодки, которые походят на гроб, только что концы сделаны островато. Снаружи они выкрашены красною краскою, а внутри обведены широким поясом двумя красками — белую и красную — наподобие шахматной доски. Оные краски добывают они из камней; красный камень называют на своем языке кайльрийль, а черный конбидчи. Женщины работают на ламутов и красят в желтую и

красную краску подольники⁹ их платья, т. е. широкие полосы, отделанные волосом каменных баранов, которыми обшивают низ или подол одежды. Оную же краску женщины достают из двух трав, называемых на их языке шавель и чакалипанка (Shavel и Tschakalipanka). Они вообще опрятны и чисты в работе, в одеянии, в scarpe домашнем и около себя, но очень мало пекутся о своем жилище. Селение их, в котором мы были, состоит из шести избушек, в которых живут 28 мужчин и 23 женщины, не считая ребятишек. Начальник сих юкагиров много путешествовал, и он мне дал о коряках следующее понятие. Язык у них свой собственный. Главное их упражнение состоит в скотоводстве, ибо олени у них ходят стадами, и начальники их имеют от 4 до 6 тысяч сих животных. Летнею порою они посещают страну, лежащую по реке Омолону и по другим рекам, где они ловят рыбу и сушат ее впрок на зиму. Ездят они на оленях, а не на собаках. Это сказано о коряках кочевых, но другие, усадебные, коряки живут на северо-восточной части полуострова Камчатского. Покойников своих они сжигают. Начальник юкагиров сказывал мне, что он был однажды при сем обряде и что он видел одного из приятелей умершего, который вскочил в огонь, как скоро тело было положено на костер. Около стоящие успели его выхватить, но он им сказал, что уже нет более счастья для него на земле, когда единый только бывший ему друг его оставил, и опять прыгнул в середину пламени, и оба друга превращены были в пепел. Коряки великие неприятели юкагирам и ламутам, так что когда встречаются в кочеванье, не расходятся без драки. Победитель уводит с собой оленей и жен побежденного, а по большей части победа достается корякам, потому что они путешествуют всегда в большом числе людей.

О казаках Колымского острога. Ездят они на собаках и впрягают их в сани, которые называются у них нарты. Длина их от 4 до 5 аршин, ширина их 10 или 14 вершков, высота 7 вершков. Наверху нарты в длину и ширину укреплен четырехугольная деревянная рама, украшенная переплетом из широких ремней, который не только придает нарте много крепости, но способствует тому, чтобы мелкая поклажа не вываливалась на дороге. Сия рама укреплена на 6 или 8 копыльях, по 3 или 4 с каждой стороны, а те копылья длиной в 7 вершков, сами крепко вколочены в два полоза, имеющие от 5 до 6 аршин в длину и 3 вершка только в ширину, весьма тонкие, у которых головка или передний конец круто загибается вверх, как у конька, а испод бывает гладкий, дабы способнее нарта катилась по снегу. К головкам тех полозов прикреплена поперечина, к которой привязывают собак попарно от 8 до 12 и до 13. Вожатый держит в руках крепкую палку длиной в 2 аршина с лишком и втыкает ее в снег между копыльями, когда хочет ехать тише или совсем остановиться. Ежели собаки хороши и здоровы, то могут они пробежать более ста верст в день. Вся их сбруя состоит из кожаных ремней, сделанных из коровьей или оленьей кожи, которые надевают собакам на

⁹ Подольник — опушка, нашивка на подоле (Даль В. И. Указ. раб., т. 3).

голову и которые укреплены так, что вся сила тяжести лежит у собак на груди, когда сбруя широка. Конец сбруи привязан к ремню, обвитому около поперечины нарты. Узды им не надобно, муштука¹⁰, ни цепочки не знают, собаки идут по слову хозяина, а хозяин полагается на покорность собак.

Описание Нижне-Омолонска. Омолонцы зиму препровождают, не имея другой пищи, кроме рыбы, мяса лосей и оленей. Диких оленей бьют они в то время, когда последние, возвращаясь осенью от морских берегов, переправляются через реки; тогда омолонцы догоняют их и бьют копьем, иногда до 2 и до 3 сот животных на артель; а случается часто, что не попадаетея им более 20 оленей. Кожа сих животных составляет все платье их. Из кожи с ног этих животных делают они сапоги, к которым пришивают подошву из полувыделанной кожи лося, которую они крепко коптят, что служит им вместо нашего обыкновенного дубления. Из этой же шкуры, содранной с ног, делают они себе изрядные шапки. Ясак платят они за живых и за мертвых от одной ревизии до другой. Часть жителей здесь русские, другие — смесь якутов, юкагиров, ламутов и коряков: роста малого, бороды почти нет, черные волосы и расположение лиц или черты представляют совершенно человека азиатского.

У Алдана отпустили наших ламутских проводников и продолжали путь на лошадях до самого Якутска, куда приехали 10 октября 1788 г.

О якутах. Можно с довольною вероятностью сказать о якутах, что сей народ произошел от колена татарского, которое имеет жилища свои около Барабинской степи, что в Тобольской губернии. Не только сие вероятно по сходству внешнего их вида, но даже по языку их и по самому прозванию саха, которое как у сего, так и у того народа есть одинаковое. А почему россияне прозвали их якуты, о том они сами ни малейшего сведения не имеют. О начале же своем и о перехождении из одной страны в другую рассказывают они следующее: Омогай-бей (Омогай-Веу), начальник батулинского поколения, коего число неизвестно, пошел с народом своим и с табунами через землю бурятскую, что возле Иркутска, к берегам реки Лены и, следуя течению сей реки, дошел до устья Олекмы, потом до места ли самого или до начала того места, где ныне стоит город Якутск, и поселился тут. Они говорят, что когда Омогай отходил к реке Лене, буряты сделали на него сильное нападение, но Омогай воспользовался ущербом луны, в которое время идолопоклонническое суеверие не дозволяло приступить к кровопролитию, и перешел ночью с табунами своими через реку Лену и одну, находящуюся на берегу ее гору и таким образом без дальнейшего препятствия дошел до вышеупомянутого места. Через некоторое время после поселения его на той стороне прибыл к нему один татарин, который, по-видимому, ушел от бурятов, имя ему было Еллей (Alley, или Eiley). Он был человек храбрый и с достоинствами, так что в скором времени Омогай его полюбил и дал ему в супружество одну из двух своих дочерей, от которой он

¹⁰Мушту́к, му́ндшту́к — удила с подъемной распоркой под нёбо с цепочкой (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

имел множество детей. Ганхаллас (Ghanhallas) был старший его сын и единый по нем наследник, от которого произошло поколение, называемое поныне Ганхалласским улусом. Сие поколение подведено под российское подданство во время наследования Тигинова (Tygin). Тогда отделился от него какой-то Миллах (Millach), имеющий начальство над небольшим поколением, последовавшим за ним. Сей человек более всех способствовал удаче россиян. Омогаево поколение не так усилилось, как Аллеево, или Эллеево. Однако оно усилилось присоединением своим к поколению бурятов-хоринцев, оставивших жилища свои за озером Байкалом. Там осталось несколько людей из сего народа, живущих и по сие время в той стране. Первое известие о сем народе дошло до россиян в 1620 г. через казаков, живущих на берегах реки Мангазеи и собравших первый яsak с него в 1630 г. Первый острог построен в 1632 г., однако не на том месте, где стоит нынешний Якутск, но 60 верст ниже по реке Лене, на другом ее берегу, на горе Чебедале (Tshebedal), которая тогда была во владении у Миллаха, принявшего россиян милостиво и давшего им потребные припасы и 40 человек, вооруженных стрелами, чтобы драться с поколением Тигина. А миллахов народ и ныне известен под именем Намшского улуса (Namshi-Ulutz), живущего в стране, окружающей вышеупомянутую гору. Якуты вообще живут по берегам реки Лены. Юрты или шалаши их начинают показываться близ реки Нюи, между реками Витимом и Олекмой, потом на реке Вилюе, на реке Оленеке, около устья р. Майи, по Алдану, около Удского острога и г. Охотска, по Яне, по Индигирке, по Алазее и по Колыме. Число душ мужского пола, как говорят, не превышает 50 000.

О вере, жертвоприношениях и прочем. Якуты суть совершенные демонопоклонники. Они признают бога, сотворившего все, и называют его Аав-тойон (Aav-Toion) — всемилостивым правителем. Говорят, что он имеет жену, которой они дают имя Кубей-Готюна (Kubey-Ghotüen), то есть светлосияющая госпожа. Сей бог являлся их праотцам в виде лебедя, почему редкий якут осмеливается употребить сию птицу себе в пищу. Другой бог молнии и грома называется у них Сугай-тойон (Sugai-Toion), а слово сугай у них значит топор. Есть у них еще третье особенное божественное лицо, которое подает им все то, что они желают, например детей, скот, богатство и другое, сему подобное. Называют его Шессугай-тойон (Shessugai-Toion), а жену его Аксит (Aksyt), то есть подательница. При них есть ходатай, который относит к ним молитвы или прошения якутов, а сам приносит решение от их божества. Сей стряпчий именуется Вехсит (Wechsyt) и показывается якутскому народу в разных видах — либо птицей, либо зверем и проч. Относительно жертвоприношений их богам якуты не имеют на то определенного времени и особенных дней, избирают к тому по большей части брачные празднества. Больше всего они почитают огонь и солнце. Огню они приносят в жертву все и первый кусок пищи бросают в огонь, почитая в нем особенное какое-то существо, могущее вредить им во всякое время истреблением всего их имущества и даже их самих. Солнце они считают также

особым существом, которому, однако, никакой жертвы не приносят, потому что оно делает им только добро — подает им свет и теплоту и никакого никогда им вреда не причиняет. Вышеупомянутые боги почитаются у якутов добрыми и творящими благо роду человеческому, почему весьма редко приносят им жертвы.

Напротив же того, очень часто кланяются и молятся своим злым богам, которых неисчислимо у них множество. Считают 27 колен воздушных духов. Начальник их — Улу-тойон (Uloo-Toion) имеет жену и детей. Другие колена получают имена от различного цвета скотины. Скот разного цвета принадлежит соответствующему воздушному духу и таковому приносится в жертву. Якуты признают еще 8 поколений разных демонов, живущих в бездонной пропасти, имеющих начальника своего, которого зовут Ашара и Биохо (Ashara у Bioho), то есть могущий. Сии демоны также почитаются женатыми, и посвящается им скот черного цвета. Тени умирающих колдунов обоего пола отходят к сим восьми коленам духов и там делаются им равными. Есть еще у якутов другой злой дух, которого они признают в виде старухи под именем Енахсис (Enachsys), то есть коровницы. Она творит зло коровам, когда они телются, и убивает телят, почему якуты всячески стараются умиловить ее частым жертвоприношением. Число крещеных якутов превосходит число тех, которые не крещены, причина сему такая, что они находят какие-либо свои выгоды в принятии христианства. А вообще они мало заботятся о соблюдении правил и обрядов веры христианской, может быть, оттого, что глубоко вкоренился в них исстари страх многого могущества демонов. И поныне в случае великого несчастья или продолжительной болезни крещеные якуты прибегают к своим колдунам, уповая посредством их заступничества и жертвоприношения умиловить гнев озлобленного духа, который мучает больного.

Празднества их бывают весной, начиная с июня месяца. Тогда кобылы ожеребились, и дается короткое время жеребенку, чтобы он поукрепился; потом отнимают его от матери и привязывают, чтобы он по своей воле не сосал. Кобыл доят и молоко льют в кожаные бутылки, называемые у якутов симирами (Symir). Прибавя воды известное им количество, целых 4 или 6 часов беспрестанно мешают палкою, нарочно для того сделанной. Когда оно закисает, то получает приятную кислоту, бродит и посему может сделать человека пьяным. Таковой напиток называется кумыс. Симиры делаются из коровьей кожи, вымоченной долго в крови, а после провяленной в дыму. Сие приготовление дает ей такую плотность и крепость, что она не пропускает уже никогда ни единой капли вливаемого в нее напитка.

Наделавши довольное количество кумыса, назначают день для празднества и для веселья, в который приглашены бывают все друзья, соседи и сродники. Всякий приезжает в лучшем одеянии и на лучшем коне. А многие приезжают и незванные, не ради приятности, но ради куска хлеба. В назначенный день, на рассвете, шаманы, богатые и именитые люди собираются в новый шалаш, построенный из бересты и украшен-

ный внутри и снаружи березовыми ветками, которые также раскидывают и на полу, на это только время сделанном. На главном месте, покрытом белыми кобыльими кожами, сидят шаманы; на втором возле них садятся начальники; потом простолюдины садятся все, где кому попадется, пока весь шалаш наполнится народом.

Потом старший шаман приказывает одному или двум якутам, которых он ставит в число отменных людей, то есть достойных совершать сей святой обряд, а именно, кто целый месяц не видал мертвого тела, кто никогда не был обвинен в покраже, во лжи, в ложном свидетельстве и прочем, взять сосуд, из которого пьют, и наполнить его кумысом из первой симиры, потом встать перед погасшим огнем, от которого осталась одна горячая зола, поворотиться лицом к востоку, поднять большой кубок до груди и, так пробывши около двух минут, лить три раза понемногу кумыс на золу. Это жертвоприношение Аар-тойону (Aar-Toion). Потом, поворотясь совершенно на полуденную сторону света, приносит он такую ж жертву всем добрым богам по их порядку. После этого он воротится к западу и приносит кумысную жертву всем 27 коленам воздушных духов; напоследок, став лицом на север, он ту же жертву приносит восьми коленам демонов и теням усопших шаманов и шаманок, к тем демонам присоединенных. Не забывает он тут принести особливим литьем кумыса жертву Ена́хсисе (Enachsyes), коровнице, о которой я упоминал выше.

По окончании всех жертвоприношений тот якут встает опять лицом на восток, и шаман начинает громогласную молитву своему богу: благодарит его за все полученные от него благодеяния, молит о подаче ныне и впредь благоденствия, счастья, доброго размножения их народу, долголетия и мирного жития. По окончании сей молитвы он снимает с себя шапку, омахивается ею трижды и громким гласом кричит «Уруй!» (Oogooi), на что и все перед ним сидящие отвечают трижды «Уруй!», которое слово на якутском языке значит «Подай!». Тут уже шаман берет из рук жречествовавшего сосуд с остатком кумыса и, немного испивши, подает другим шаманам, потом начальникам и всем прочим, включая и тех, которые из-за вышесказанных причин вообще не достойны того, чтобы пить напиток, который налит в первый смир и почитается освященным. Женский пол не пускается на сие празднество, и ему не позволено вквашать кумыса из того священного смира; но как скоро его опорожнили, то все идут вон из шалаша и садятся на поле перед ним, соблюдая такой порядок, чтобы каждая артель садилась полукругом на восток. Тогда выносят все симиры с кумысом и ставят их на землю по два между березовыми ветвями, прямо воткнутыми в землю и называемыми багах, что значит нечто возвышенное. Кумыс наливают в кубки и разносят по одному на целую артель, сидящую в полукруге. Тогда всяк пьет, и кубок переходит из рук в руки по ходу солнца. Когда все попили сколько им было угодно, тогда начинается веселье: борьба, бегание и скаканье поартельно. При этом всякий старается невозможным образом показать все свое искусство и проворство, ибо когда одна

артель другую победит во всяческих их схватках, то является общая радость, выраженная криком хвалебным, и победившая сторона имеет надежду на большее счастье впредь, нежели сторона побежденная, и остается в лучшем уважении перед всем обществом. Когда пора пришла разьезжаться и всяк напился как ему хотелось, то все садятся на своих лошадей и становятся на восток полукругом, выпивают еще прощальный кубок кумыса, поворачивают своих лошадей по ходу солнца и отъезжают домой. Сии празднества продолжаются во всем соседстве по очереди до 25 июня. Тогда всякий якут начинает собирать сосновую кору и запасается ею на всю зиму. Сия первая работа продолжается до сенокосной поры, потом приходит время собирать ягоды для зимней провизии. Сосуды, из которых они пьют, или кубки, сделаны из дерева с острой ножкой (без плоского дна), так что они не могут прямо стоять; поэтому у них такой обычай, что, взявши в руку кубок, выпивать из него все досуха. Оный кубок содержит около мерной бутылки напитка и называется по-якутски чорон (Tshoron). Но сия есть самая малая мера; а то есть другой гораздо больше, хотя сделан по тому же образцу, и называется аях, он содержит около восьми наших мерных бутылок. Все эти сосуды украшены чистою резьбою по вкусу того, кто их делает.

О шаманах и колдунах. Не одних мужчин, но и женщин принимают в чины шаманства, надобно только, чтобы они наставлены были которым-нибудь из старших шаманов. Последний уводит такого новичка с собой куда-нибудь в лес и там ему говорит, что духи воздушные и те, которые живут в бездне, любят посещать людей. Тогда надевает он на себя свое магическое платье, и посвящаемый делает то же со своей стороны. Оба крепко бьются, старший шаман между тем, как бешеный, бормочет какие-то непонятные слова для призывания демонов, а ученик его старается во всем ему подражать с насильственными телодвижениями. Вот тут и вся наука. О некоторых утверждают, что они имеют удивительную силу колотиться кинжалом, разрезать себе голени до самых костей и делать подобное без вреда себе.

Когда призовут шамана к больному якуту, он берет веточку от дерева и, привязавши к ней несколько сплетенных волос из лошадиной гривы, скачет, неистовствует, махая той веточкой над больным; потом целует его и старается вызывать мучительного духа из тела больного в свое собственное. Напоследок шаман говорит больному, что демон пришел было к нему, с тем чтобы его существование разорить; однако, снизойдя на просьбу своих друзей, он оказывает милостивое намерение и не желает уже отнять у него жизнь, но доволен будет тем, что отдадут ему живот лошадки или коровки такой масти, которая нужна и посвящена духу, мучившему больного. По сему объявлению ищут скотину той точно масти, какую описал шаман, и ежели у больного скотины такой масти не сыщется, то всякий сосед отдает свою охотно, лишь бы сыскалась такая.

Как скоро привели ее, шаман облачается в свою магическую ризу, берет в руки вышесказанную веточку, подходит к больному и повеле-

вает демону, чтобы он вошел в него самого; потом идет к приведенной скотине, которая назначена в жертву, и принимает ее за годную или отвергает. В сем последнем случае следует эту скотину увести и сыскать другую. Но ежели она пришлась по нраву шаману, то он с маху бросается к ней, схватывает ее за спину и начинает со страшным криком что-то возглашать; скотина со страха лягается, бьется и бодается; и чем больше она беспокоится, тем больше якуты утверждают, что она не хочет принять в себя высылаемого из больного тела демона. Когда шаман отошел от скотины, то она стоит смирно, находясь тогда в оцепенении от всего происходившего.

На следующий день отводят ее на место, назначенное для принесения ее в жертву, убивают, снимают с нее шкуру на низком помосте, который сделан из палок, положенных на четыре укрепленных в землю шеста и сверху накрытых веточками. Потом сию шкуру вешают на близстоящем дереве, наблюдая, чтобы морда повернута была к той стороне, где демоны в ту пору посещают людей; с тем еще различием, чтобы та морда поднята была кверху, когда жертва принесена воздушным духам, или опущена книзу, когда жертва совершена для умиротствления духов, обитающих в бездне. Жертвенное мясо на самом месте жертвоприношения готовят и едят без остатка, так как не позволяется ничего уносить домой. Все кости собирают бережно, связывают их в пук тем же ветвями, на которых животное убито, и вешают их на одном дереве под шкурою. Когда сие сделано, шаман начинает свои заклинания, которыми он выпроваживает демона из убиенной скотины в определенное демонам жилище, и тем кончается сей обряд. Ежели в назначенный день больной выздоровеет, шаман получает от него свою плату, состоящую в пяти рублях, когда больной человек имеет достаток, и менее, когда он беден. А ежели к назначенному времени больной не выздоровел, то принимаются за новые жертвоприношения от времени до времени, пока больной не умрет или не выздоровеет. Ежели он умрет, то шаману нет никакой платы. Таковые жертвоприношения бываю не только при болезнях, но всякий раз, когда шаман выдумает предьявить какой-либо семье, что такой-то дух имеет намерение наказать ее или только опечалить. Тогда не только скотину приносят в жертву, но даже драгоценные меха, так, шкуры соболей, лисьи, росомашьи или горностаечьи вешают в одном углу избы до самой смерти хозяина и хоронят их с ним.

Теперь опишу платье шаманское. Оно делается обыкновенно из выделанной телчьею или лисьей кожи, с рукавами наподобие русского кафтана. Спереди оно стянуто ремешками, но не вплотную, а так, чтобы виден был сделанный из такой же кожи нагрудник, который висит до колен наподобие епитрахили. Подол сего кафтана обшит кругом узкими ремешками, как будто бахрома висит до самой земли. К наружному шву рукавов пришиты таковые ж ремешки до самого локтя; на спине кафтана укреплены в пять рядов железные пластинки; на груди два железных кружка изображают самые перси, а третий кружок того

же металла покрывает пупок; а в расстоянии, которое есть между сими тремя кружками, висят дощечки железные с изображением на них какой-либо птицы; пониже пупка висят кругообразно другие железные пластинки, на которых изображены рыбы; а на спине есть также железные или медные кружки, изображающие солнце и луну. Шаман надевает такую одежду на голое тело, так как рубахи на нем нет. Кроме сих украшений есть у него на плечах еще тонкие железные пластинки, из которых одна пришивается от плеча до локтя, а другая от локтя до кисти. Сии оплечья и нарукавники называются у них крыльями. Признаюсь с моей стороны, что сия одежда не очень великолепна, а когда шаман провозглашает свои заклинания, то шорох всех этих железных штучек делает весьма неприятную музыку.

Счисление времени, звездословие у якутов и другие примечания. У якутов год начинается в мае и состоит из 12 месяцев, или лун, а для дополнения недостатка шестой год бывает у них приращенным, что у нас называется високосным, и содержит 13 месяцев. В ночное время они верно узнают часы по местоположению на небе Большой Медведицы, которую они по-своему называют Арагас-Солус (Araghas-Solus). Созвездие, которое мы (в Англии) именуем Палисадом, якуты называют Ургалл (Urgall) и судят по нему о продолжении зимы; то есть ежели созвездие сие является на небе в январе месяце прежде семидневной луны, то они ожидают, что весна начнется в начале апреля; ежели луна уже девятидневная, то они полагают, что весна начнется в последних днях апреля; но ежели те звезды появляются при десятидневной луне, то сие есть у них предзнаменование печальное, что весна начнется очень поздно, потому что снег уже не растает раньше мая месяца. В таком случае они везде ищут купить сена поболее, как у своих одноземцев, так и у русских людей, и кормят скот свой с крайней бережливостью. У них есть еще другое наблюдение по луне, а именно: ежели она явится на 14-е число марта прежде солнца, то ожидают они, что весна начнется рано и лето будет хорошее; ежели то же случится на 15-е число, то будет лето посредственное, а когда на 16-е число, то думают, что весь тот год несчастлив будет, потому что сие предзнаменует, что весна начнется очень поздно и лето будет дождливое. Утренняя звезда называется у якутов Чолбон (Tsholbon).

Обряды и обычаи. В обычаях своих якуты сходятствуют с другими сибирскими народами, но природный разум в них замечается острее во многих случаях. Например, они в намерениях своих не так легкомысленны, как другие; стараются разуместь хорошенько, что им сказывают, и узнать всякую вещь, как она действительно существует. Они вникают в склонности и в главные страсти тех людей, с которыми они имеют дело, и прискивают способы, как бы приобрести себе их благосклонность. Они вообще имеют память острую и могут рассказать все то, что случилось с ними в самой молодости; кто с ними тогда дружил, какие подарки от кого принимали и чем сами других отдаривали. Когда больной якут предчувствует свою смерть, он призывает наследника

и рассказывает ему о всех своих делах, напоминает ему о друзьях и врагах своих, дабы он знал, с кем ему продолжать дружбу, от кого он должен сторониться и кому он должен сам ответить за обиду. Таковая вражда продолжается до тех пор, пока между обеими семьями сделается новое родство через какой-либо брачный союз. А после такого союза и примирение. Если новобрачные разведутся, то вражда с обеих сторон возобновляется пуще прежнего.

Воровство, по их правосудию, разделяется на три рода. Иногда украдут скотину, и она пропадает без вести, потому что уведут ее далеко. Потом пропажа открывается следующим образом: в день праздничный, по причине какого-либо обряда, принадлежащего до их веры, или какой-либо свадьбы, словом, когда собирается в одно место множество народа и всяких людей, каждый рассказывает о несчастьях, какие с ним случились, и какую он потерял скотину, причем он описывает ее так подробно, как будто бы сделана у него была опись каждому волосочку, покрывающему ее тело. Если кто из присутствующих видел с такими приметам скотину, то объявляет тотчас всем, где он ее видел. Хозяин ищет вора, и когда он обличен в воровстве, то должен в наказание заплатить хозяину то, чего та скотина стоит, и за все причиненные им убытки.

Бывает еще другого рода воровство — такое, когда с пастбища угоняют далеко нескольких кобылиц. Тогда хозяин старается всячески идти по следам, что и делает так удачно, что наконец находит, где и кем скотина угнана и кто есть вор лошадиный. Хозяин идет прямо к его жилищу, как бы оно отдалено ни было, и по дороге спрашивает у всякого, не выдали ли такого-то стада; если кто видел, то он спрашивал, какого цвета шерсть той лошади, на которой вор сидел, в каком он был платье, один ли ехал или с другими людьми. Когда вор найден, покражу хозяину возвращают, а вора наказывают при всем народе.

Третьего рода воровство считается, когда вор пользовался многие годы украденным и во все то время не найден, а наконец открыт каким-нибудь недоброжелательным соседом; тогда признают его явно за вора, хотя доказать нельзя и с его стороны признания никакого нет. На того человека, кто подал о сем воровстве известие, никакого нареkania нет и никто его не подозревает в несправедливом обвинении, ибо каждый находит пользу общественную в существовании таких доносителей. Наказание за воровство состоит в том, чтобы заплатить за вещи сворованные, кроме того, заплатить за все воровство, сделанное в течение года, а если вор на это не соглашается, то его высекут при всем собрании народа; это считается между якутами самым большим наказанием для человека, живущего или занимающего почтенное место в обществе других. Если случится, что на то воровство точных доказательств нет, тогда вор может избегнуть наказания, хотя и сильны свидетельства против него.

Присяга происходит таким образом: шаман помещает свое платье

и свой бубен перед огнем, не совсем еще погасшим, и кидает кусочки масла на уголья, между тем обвиняемый произносит следующую клятву: «Пускай я потеряю в течение моей жизни все то, что человек может иметь милого и приятного — отца, мать, детей, сродников, все то, что я имею, и самую жизнь свою! По окончании же ее пускай и душа моя погружена будет в вечное несчастье — мунг-таар (Mung-Taar)». Выговоривши сию клятву, клятводатель переступает через платье и через бубен шамана, подходит к огню, глотает несколько дыма, происходящего от масла, брошенного на уголья, потом поворачивается к солнцу и говорит: «Ежели я клялся ложно, то лиши меня теплоты своей и света своего!» — и при сем делает солнцу поклон; тем кончается весь присяжный обряд. Однако некоторые якуты вдвоявок кусают голову или кусок медвежьего черепа с тем суеверным мнением, что, конечно, медведь съест того человека, кто клялся ложно.

Ежели на кого падает подозрение в воровстве, то стараются его увещевать, чтобы он в том признался, а когда он крепко запирается, тогда требуют от него вышеупомянутой присяги; и человек, совсем не виноватый, лучше согласится заплатить за украденные вещи, нежели изрекать столь страшную клятву, потому что самое малейшее несчастье, которое приключиться может с этим человеком после такой клятвы, почитается наказанием, посылаемым на него с того света; и с той минуты начинают его презирать, выгоняют его из всех обществ и не допускают его никогда в свидетели, ибо никто ему уже не верит.

Большие ссоры часто рождаются у сего народа от малейших причин; когда приятель позовет приятеля на пирушку, то сей должен ему возвратить подобное с подобными обрядами; для такого случая убивают жирную кобылу или корову, готовят ее для кушанья, а что не доедят, то отсылают всегда с гостем в его дом; причем одаривают его драгоценными мехами. Потом должен сей гость просить в другое время хозяина к себе, одарить его подарками, которые стоили бы столько, сколько стоили полученные им подарки, а ежели они ценою будут уступать прежним, то дружбу разрушают, начинается брань и дело доходит до суда, где тратят вдсятеро больше, чтобы только настоять на своем. Вообще якуты грубы и мстительны между собою, однако ласковы и учтивы к другим народам, особливо к тем, которые могут им вредить. Богатый человек у них предпочитается убогому потому, что бог-де сам убогого презирает. Они все боятся смерти и редко говорят о мертвых, разве по нужде и то скрытыми словами.

Каждый якут имеет по два имени. Истинное тогда только упоминается, когда бывает законная в нем нужда, а другое имя они употребляют для того, чтобы демоны не так скоро могли их сыскать, когда намереваются мучить их каким-либо несчастьем. За грех считают выговаривать имя своих отцов. Слово *огонјор*, или старший, у них в почтении и дается только начальникам и людям, отличившим себя добродетелью. Русских они принимают и угощают хорошо и смотрят за их лошадьми, а ежели приехал к ним такой человек, который сделал

им уже милость или от коего они надеются получить себе какую-либо выгоду, то они одаривают его.

Вообще якут здоров и живет до глубокой старости. Я знаю от доктора Робека, что ему в 1772 г. известен был на Колыме почтенный старец, плавший уже в младенчество, который в сем состоянии на 130-м году своей жизни был окрещен и шесть дней спустя умер. Якуты ленивости не знают, и все встают до восхода солнца. Тело имеют здоровое, так что раны у них скоро заживают. Привычны к жесточайшему холоду, особенно когда путешествуют; ибо тогда многие недели подряд они спят на снегу следующим образом: сперва путешественник разводит огонь, срубает ветви с дерева, раскладывает их по снегу, чтобы платья своего не вымочить, потом попоны лошадиную стелет на сии ветви вместо постели, седло кладет в головах вместо подушки, а укрывается своим платьем. Ложится совершенно нагой спиной к огню и нередко случается, что огонь погасает, а от мороза спина замерзает. В таком случае якут поправляет угасшие головешки, раздувает огонь и опять ложится, как прежде, пока придет время вставать и ехать. Тогда он ставит котелок с кушаньем на огонь, идет за лошадью, немного ест, седлает лошадь, кладет на нее поклажу, какая у него есть, и пускается дальше в путь.

Сватанье и свадебные обряды. У крещеных и некрещеных якутов обряды сии суть одинаковые. Число жен у них не ограничено, и всяк имеет у себя столько жен, сколько хочет или сколько их может содержать. Однако первая всегда предпочитается другим, а ей повинуются все. Когда молодой человек вздумал жениться и нашел молодую девушку по себе, тогда он дает знать своему отцу, а ежели отец у него умер, то он посылает одного друга своего к отцу невесты, дабы договориться о калыме, то есть о покупке ее. Сие состоит в отдаче отцу невесты некоторого числа лошадей и коров да некоторого же количества кобылятины для пищи, которая при сем случае именуется курум (Kuum). А невестина сторона должна жениховой стороне возратить подарок, именуемый ирды, который бы стоил в половину против количества всего того, что подарено женихом. Когда о калыме спора нет, отец невесты спрашивает ее, согласна ли она, а согласием является ее молчание. Тогда дело кончено, и назначают время для приезда жениха, что по большей части делается зимой, чтобы мясо убитых лошадей не испортилось в дороге. Выбираются обычно первые дни нового месяца, ибо якуты считают их благополучными. С женихом приезжают отец его, сродники и приятели мужского пола около вечера назначенного дня и привозят с собою большую часть кобылятины (а частица должна уже быть сварена), и часть калыма должна быть тут же. Сверх того должен быть подарок тестю и ближайшим сродникам его из нескольких отменных лошадей, а за это жених получит от тестя равные подарки, когда приедет к нему с женой через год или два года после свадьбы.

Приехавши к жилищу, жених входит один в дорожном одеянии и становится вправо от огня, отец и мать невесты садятся на той же сто-

роне, а шаман сидит на постели материнской против огня. Тогда жених становится на колени, шаман бросает масло на огонь; жених, приподнявши несколько свою шапку, трижды наклоняет голову, не делая телом никакого движения, и шаман предсказывает ему будущее счастье и телесное благополучие; потом жених выходит, снимает верхнее платье, которое у него сверх другого надето, входит опять в избу со своими друзьями, идет в передний угол и садится без обрядов на постели невесты; прочие гости садятся на южной стороне избы на сиденьях, покрытых лошадиными кожами. Тут вносят в избу кобылятину и отдают ее тестю, который относит ее в свою кладовую и подает от себя ужин из кобылятины с блюдом густой саламаты¹¹, хорошо намасленной. После все ложатся вместе в той же избе. Невеста никогда дома не бывает во время первого посещения жениха.

На следующий день жених отдает тестю ту часть калыма, которую он успел с собой привезти, и весь день хозяин угощает всех приезжих, которые на третий день разъезжаются по своим домам, а молодой получает от тестя подарок в половину цены против той, в какую сделан тестю. По прошествии длительного времени, например года, свекровь приезжает навесить свою сноху и привозит часть калыма. Пробыв у ней дня два, в третий возвращается домой с подарком в половину цены того, что сама привезла. Между тем после своего первого посещения жених имеет право ездить к невесте, когда ему угодно, и спать с нею, но до тех пор он не может взять ее к себе, пока весь калым не будет выплачен. Только тогда он смеет принудить жену, чтобы она ехала к мужу домой. В таком случае провожают ее отец, мать, сродники и приятели ее, что бывает обыкновенно зимою в назначенный день во время нового месяца; причем наблюдается следующий обряд: подъезжая к избе молодого, которая должна быть новая и построена позади избы родителей его, лицо у молодой покрывают горностаевыми шкурками, и двое мужчин посылаются тотчас к свекру с известием о приезде снохи. Вошедши в избу, они становятся на правое колено возле огнища, а им подают каждому в руку по чорону кумыса, который они должны выпить сразу без передышки. Для этой миссии выбирают таких мужчин, которые в состоянии это сделать. Выпивши поданное, идут вон из избы, навстречу молодой. Когда она подъехала к самой мужниной избе, все слезают с лошадей, и тут молодая, приходя в избу, должна исполнить тот же обряд, с каким молодой входил в избу тестя своего при первом своем посещении, с той только разницею, что она преклоняет правое колено по левую сторону огня, и когда бросают масло в огонь, она наклоняет голову свою по три раза, и тогда шаман ей предвещает благосостояние, как это делано было и над молодым при первом приезде его. Потом всю компанию приглашают в другую избу к отцу на ужин, где едят вареную самую жирную кобылятину, пьют

¹¹ Саламата, **сиб.** соломат—мучная каша, пожже размазни. Едят ее обычно с маслом (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

же вино, ежели достать можно, кумыс и прочее. На другой день молодую вводят в избу свекра, которому отдает она свой почтительный поклон, и тогда отец ее посылает подарки, какие он привез с собой и которые состоят в соболях, горностаях и в деньгах, с тем намерением, чтобы все сие было в честь божеству, огню и хозяину. А к тому, что готовится для огня, прибавляют немалое количество масла.

Когда все внесено в избу, шаман садится возле свекра, у которого на голове новая шапка, повелевает подложить несколько масла на горящие головни и призывает всех благодетельных богов, всех воздушных духов и тех, которые живут в бездне, также все тени шаманов усопших обоего пола. «Да подадут благополучие вступившему ныне в супружество человеку, должествующему оставить избу отца своего и жить в собственной своей; да подадут ему долговременную и спокойную жизнь; удачу во всех его предприятиях; да сохранят его от болезни и от всяческой беды». По окончании сей молитвы чорон кумыса подносится тем, которые внесли подарки в избу, и как скоро они его выпивали, должны были выходить из избы. Потом начинается для них празднество и делается пирушка, где едят и пьют сколько кому угодно; затем следует борьба, беганье и прочее, как выше описано «О июньских их празднествах», а когда все кончится, всяк едет восвояси. В третий день хозяин посылает отцу, матери и старшим сродникам невестки своей подарки, состоящие в лошадях и в рогатом скоте; а сии ему возвращают равные подарки через год или более, когда молодые по обыкновению приезжают к ним с визитом.

Однако случается, что тесть недоволен подарками и дает знать, сколько он хотел бы получить рогатого скота и лошадей; ежели дадут ему оное число, тогда молодой может надеяться, что и он сам получит от тестя знатный подарок и не останется в убытке; но ежели тесть желаемого не получит по одной только причине какого-либо глупого упорства, тогда молодым не для чего ждать подарков, дружество пресекается, и вражда пойдет из рода в род. Напротив того, когда все вышло по согласию, то уж дружба устанавливается неразрывная между обоими семействами, так что родство новыми брачными союзами укрепляется тогда почти без обрядов.

Отец и сын могут жениться на матери и на дочери в другой семье; также два брата родные могут взять за себя двух сестер родных из другого дома. Дяде не возбраняется жениться на племяннице с женской стороны, но из семейства мужа нельзя вступать в брак до десятого колена родства. Когда муж и жена не могут ужиться в согласии, то им нетрудно развестись, и жена отсылается к ее отцу, ежели только она не родила сына; а отец ее возвращает полученный за нее калым при тех же свидетелях, которые были и на сватовстве. При таких случаях надо иметь хорошую память, ибо самая маловажная вещь, которая употреблена, кроме оставшегося живого скота должна быть возвращена с верностью, чтобы не возбудить через то между обеими семьями вечного несогласия.

Об образе жизни и строениях. Зимой якуты живут на непременных квартирах, а в летнее время они удаляются в те места, где находят лучший корм для скота или лучшую траву для кошения сена. Вот как они делают свои зимние жилища: сперва в землю ставят 4 или 6 брусьев по четырехугольнику; потом на оные брусья кладут перекладыны — две с севера к югу, две с запада на восток и одну перекладину кладут еще на два средних бруска; на оные перекладыны настилают потолок или самую кровлю из мелких шестов, наискось спущенных со средней перекладыны на восток и на запад и покрытых густо соломой, которую засыпают наконец землею. Боковые стены такой избы, или хижины, состоят из шестов, прямо воткнутых одним концом в землю, а другим укрепленных к перекладам, поддерживающим кровлю. Сии боковые шесты покрываются также соломой, сверх которой намазываются глиной, смятой с коровьим навозом, и сию смесь накладывают на стены весьма толсто. Таким образом, целый домик составляет только один покой, который дверь свою имеет всегда на восток, а посреди того покоя, прямо против двери, оставлено место для огня с трубою, сделанною над ним из прямых шестов, намазанных с обеих сторон вышесказанной смесью. Спальное место для хозяев бывает на западной стороне избы против огня, с перегородкою, будто чуланчик, и подобные чуланчики сделаны на северной стороне избы для женщин и для ребят. На полуденной стороне стоят широкие лавки, на которых путешественники могут спать. Скамьи есть везде, по всем сторонам избы для сидения, а стульев и столов нет. У некоторых якутов на северной стороне их жилища есть другая изба, в которой зимой стоят их быки и коровы.

О родинах. При родах якуты никаких особых обрядов не имеют. Когда женщина чувствует, что пришло ее время разрешиться, призывают к ней искусную бабку. Если бог дал сына, отец созывает приятелей и сродников на ужин, состоящий из вареной кобылятины, дает сам имя, какое хочет, новорожденному младенцу; причем ни жертвоприношений, ни молитв никаких не бывает. А ежели родилась дочь, то и ужина нет. Крещеные якуты крестят своих детей в осень, когда попу выезжает по своим прихожанам. Якуты трудных родов не знают.

О похоронных обрядах. Умерший якут остается в избе не более как то время, которое потребно на облачение его в лучшую одежду, и без промедления отвозится на место, назначенное для предания его земле. Так, вырвыши могилу, опускают в нее тело, положенное в плотный ящик; потом убивают любимую его лошадь во всей срубе и хоронят ее в другую яму возле могилы. С покойником кладут лук, стрелы, нож, все, потребное для огня, и приносят в жертву божеству разные шкуры. Кругом могилы они делают сруб из бревен и накрывают его досками, а всю могилу огораживают. Кожу принесенного в жертву животного вешают на сучья какого-либо поблизости стоящего дерева на западной стороне могилы; потом все провожатые, объехав могилу трижды по солнцу, отъезжают домой. Я было позабыл сказать, что кроме вышесказанного кладут с покойником в могилу восемь ребер кобылятины

и семь фунтов с половиною масла, дабы он не был голоден в путешествии своем на тот свет, пока не прибудет в жилище душ. Шаманов хоронят также в полной их одежде с вышесказанными обрядами и, разломавши волшебный их бубен, вешают его на дерево над могилой. Крещеных якутов хоронят просто, без всяких обрядов.

О болезнях и о лечении их. Опасных болезней у якутов не бывает. Обыкновенный их припадок есть лихорадка, от которой они избавляются умеренностью в пище и питье, а когда болезнь продолжается, они тогда посылают за шаманом вместо врача. Ничего на свете так не боятся якуты, как оспы и кори. Первая причинила великое опустошение в их земле в 1758 г., а последняя в 1774 г., когда стирались с лица земли целые семейства. У них вошло в обыкновение оставлять больных на погибель без всякой помощи; однако с тех пор, как они узнали действие прививной оспы, начали они меньше бояться, особливо потому, что заметили сами, что сия болезнь дважды на одном человеке не бывает. При всем этом кто еще не имел никогда оспы, тот и поныне за правило почитает избегать тех мест, где лежит оспенный больной.

Об одежде. Надобно думать, что якуты в прежние времена не имели другой одежды, кроме кож лошадиных и мехов разных зверей, ибо и поныне якуты, которые победнее, не имеют другой одежды, но богатые люди носят ныне суконную шубу на беличьем меху или на лапчатом меху горной лисицы; а отделка у такой шубы состоит из бобра в 3 пальца шириной. Сия одежда узка и сделана по телу, довольно длинна, чтобы колена прикрывать. Но в зимних путешествиях своих они сверх сказанного теплого платья надевают еще верхнюю шубу — рысью, мехом наружу, и называют сию шубу санаях (Sanayach), а подол у сей шубы обшит росомашьей опушкой. Шапки у них сделаны из рысьих или лисьих лапок, украшены спереди мехом росомахи, а сзади морской выдрю или бобром. Рукавицы они себе выделывают из лисьих лапок. На шею для тепла носят ожерелье из беличьих хвостов. Штаны у них весьма короткие и сделаны из оленьих или лисьих выделанных кож. На ноги надевают чулки из оленьих кож на заячьем меху, один конец такого чулка спускается до лодыжки, а другой натягивается на самые штаны. Сверх сего чулка они надевают еще теплое голенище из рысего или волчьего меха волосами внутрь. Потом натягивают на самую стопу род карпеток¹², сделанных из оленьей кожи с шерстью и называемых чащи; сии карпетки идут до самой лодыжки и ремешками привязываются на теплые голенища. Сверх всего надевается сапог, сделанный из лядвейной¹³ оленьей кожи волосами наружу. Он завязывается под коленом и около лодыжек. Большая часть якутов носит шелковые рубашки. Одевание женское мало чем отличается от мужского; только верхнее платье у женщин подлиннее. Они же украшают свои штаны и даже сапоги нашивкою из разноцветных стеклянных шариков в несколько рядов. В ушах они носят на каждой стороне по три или по че-

¹² Карпетка — полуцуклок, носок (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

¹³ Лядвея — бедро, ляжка. Здесь «сделанный из оленьей кожи, снятой с бедра».

тыре колечка с подвесками из бисера, под которым висит кусочек расплющенного серебра. На шее у них серебряный, шириною в два пальца ошейник, под которым почти над грудью повешено большое серебряное кольцо. Но кроме сего у женщин есть особое платье. Оно состоит из кафтана зеленого или голубого сукна, у которого все швы затканы темно-малиновым шелком, а рукава коротенькие идут не дальше локтя; вокруг подола бывает у сего платья в 8 или 9 вершков шириною бобровая, выдровая или из кожи черного жеребенка опушка. Спереди до низа и по обоим бокам положена такая же опушка, только в полтора вершка ширины, сзади с большою фальшивой прорехой. В праздничное время оное платье украшается еще пронизками¹⁴ и серебряными бляхами; и надевают его замужние женщины и даже без него не должны казаться перед мужниной родней. К сему платью принадлежит шапка, достойная особого примечания потому, что она делается из перьев; а верх составлен из большой серебряной бляшки. На это берут они перья журавлиные и втыкают их в волосы прямо, нагибая несколько назад. Волосы у них висят назад, заплетенные в две широкие косы, украшенные серебром и пронизками; а голова обвита сплетенным вместе разноцветным стеклярусом с серебром. Помянутый головной убор из перьев называется у них тос-ахта (Tos-Achta), а выше описанному платью дают они название танталлай (Tantallai). Соседние народы — ламуты, тунгусы, юкагиры — живут дружно с якутами поневоле, потому что в случае нужды не к кому будет прибегнуть для помощи. Якуты ловят соболя, лисицу, белку, горностая, лося, оленя, волка, росомаху, медведя и других зверей; а к тому употребляют разные способы и хитрости, как-то: стрелы, западни, пасти, ямы, самострелы и для волков и лисиц отравы. Часто во время звериных промыслов они весьма далеко уходят от своих жилищ и не прежде возвращаются домой, как через месяц или через два.

О песнях, плясках и прочем. Якуты не имеют музыки и никаких музыкальных инструментов не держат, кроме бубна, но он у них в употреблении только при суеверных обрядах колдования. Пение их никакой приятности для слуха не дает. Обыкновенно в песнях их похваляется какая-нибудь птица или зверь или упоминается басня о бывших прежде счастливых временах. Ежели бывает какая-нибудь неудача, тотчас запевают песнь не думавши и забывают все. В дороге поют все то, что попадаетея им на глаза, и все одним голосом. Пляски совершаются более женщинами, которые составляют широкий круг и беспрестанно ходят одна за другой по солнцу.

Во втором часу пополудни мы приехали к жилищу якутского некрещеного князька Суртугака Бердугина (Surtugac Berdugin), весьма богатого человека. В избе сего князька мы видели жертвоприношение, именуемое по-якутски ого-ойетто (Ogo-Oyetto), предназначенное для большого деторождения. В избе его, которая очень пространна, стоит дощатая перегородка несколько дальше скамеек, на которых сидят,

¹⁴ Пронизья — бисер, стеклярус (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

напротив огнища и отделяет спальные места женские от таких же мест мужских. Гнездо состоит в следующем: вокруг навеса над огнищем укреплен веревка, спряденная и свитая из конских волос, и проведена до первого косяка перегородки; однако не прикасается к ней, но привязана она к ветвям, положенным наверху той перегородки, и концом своим укрепленна к длинной берёзовой палке за перегородкою на женской стороне; возле самого кожуха, в который дым выходит из избы, висят на той веревке два кружка из берёзовой коры, которые изображают солнце и луну и украшены пучочками конских белых волос; подле сих кружочков висят также сделанные из бересты изображения доброго жеребца с кобылицею, головами от огнища к женской стороне. Сия веревка именуется дорогою или путем; а ветвь, о которой выше сказано, также украшена пучками конских волос и именована мостом; привязана же она к берёзовой палке, на конце которой укреплен клетка, сделанная из ивовых прутьев и украшенная снаружи пучочками волос, бисером и кусочками меди, а внутри она набита лошадиными волосами, и сия-то клетка называется гнездом. В ней стоит небольшая чашечка, наполненная мукою, вареною с маслом; се есть пища того божества, которое присутствует в деторождении. Все сие устроено и поставлено руками шамана с большими обрядами и с разными жертвоприношениями. Надобно при том отметить, что сей князек имел трех жен и целые 15 лет у них не было детей; сия-то самая причина побудила его к учреждению сего детородного жертвища; и с того времени жены его начали рожать ему детей, которых он имеет ныне шестерых в живых, как сыновей, так и дочерей.

Мы ехали мимо холма, на котором недавно принесена была жертва для возвращения здоровья какому-нибудь больному якуту, ибо на верхушке дерева, у которого все ветви были срублены, висела лошадиная шкура, а внизу стояли два столика — два шестика, воткнутые в землю, поддерживали каждый дощечку, на которой поставлены были семь деревянных чашечек; да сделан был ряд из семи колышков с изображениями разных птиц, вырезанными на их верхушках.

Путешествие господина Биллингса из Охотска на Камчатку; пребывание его в сей стране, отправление на американские острова; возвращение на Камчатку, вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны; оттуда в Берингов пролив и на Чукотский нос. 1789—1790—1791 гг.

Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 2¹

В 19-й день сентября 1789 г. Биллингс отправился из Охотска в Камчатку на судне «Слава России».

Прежде приведения жителей Камчатки под Российскую державу сей полуостров не был ни в чьем подданстве: камчадалы² жили в не-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 215.

² В XVIII в. и позднее коренных обитателей полуострова Камчатки принято было называть камчадалами. На самом деле там жили ительмены и коряки. (Прим. ред.).

оспоримой вольности небольшими селениями, состоящими из нескольких колен, или семейств, над которыми не было никакого начальника. Однако сему доказательств нет, а я пишу то только, что я слышал от камчатских стариков, которые еще помнили, что какой-то российский казак пришел из Анадырска с небольшим числом коряков в марте или апреле 1696 или 1697 г., имя его неизвестно. Камчадалы встретили его весьма учтиво и проводили его на лодках вверх по реке Камчатке до своих жилищ, где они дарили его хорошими соболями и лисьими мехами. Сей казак жил у них целый год и потом возвратился с коряками в Анадырск.

Примечания об уналашкинцах

О родоначальниках. Уналашкинцы говорят, что первый мужчина и первая женщина произошли от суки. Сие случилось около захождения солнечного, и когда земля их наполнилась народом, от них происшедшим, то многие люди пошли на восточную сторону для приискания себе лучшей земли; таким образом, все соседние острова, земля Аляска и страны, простирающиеся далее, наполнились жителями.

О наименованиях. Себя и жителей о. Умнака (Oomnak) они называют каугалинями (Kaughalingn), жителям о. Унягума (Ooniagum), или Четырехсopочного (Tshetire soposhnoi), они дают имя акохгн (Akohghn). Сей остров ныне остается без жителей и много есть других таких же островов, а что значат оные имена и почему так называются, они сами того сказать не умеют. Аляскинцев и жителей всех около Аляски лежащих островов они называют кагатайкунг (Kagataiakung), то есть восточные народы.

О наружном виде. Они среднего роста и еще несколько пониже, и ни одного уналашкинца я не видел, который бы выше был среднего роста. Все смугловаты с оттенком черноты. Лицо широковатое. Глаза по размеру лица маловаты и углубленные в ямах. Волосы на голове, в бровях и на теле черные и крепковатые. Скуловые кости высоки. Уста пропорциональные; нижняя губа имеет две скважины, в которые продевают перья или обделанные косточки вместо украшения. Уши у иных не проколоты, а у других украшаются бисером и родом янтаря. У некоторых мужчин, однако, таковых мало. Я заметил, что носовая перегородка имеет на себе дырочку; подбородок мал и кругловат, а бороды очень мало. Вообще сложение тела их хорошее. Они статны и весьма проворны на маленьких своих байдарках, которые они держат в великой чистоте. Никакими красками они тела своего не мажут и очень опрятны. Женский пол у них крепкотел и плотен; головы своей никогда не покрывает; на каждой щеке имеет две чисто пунктированные черты от ушей до носа, и самый подбородок у женщин пунктирован вдоль короткими, правильными и плотными черточками.

О платье. Мужчины носят парку, из птичьих кож сделанную; иногда перьями снаружи, а временем к телу. Кожная сторона вся окрашена, а для шегольства украшают ремешками вышитыми. Такими же ремеш-

ками весьма искусно закрывают все швы на плечах. Поперек положенными ремешками в два ряда украшают перед и спину, опушка бывает очень узкая из котика морского и правильно сделанная, а вокруг шеи пришивают они широкий воротник из всякого хорошего меха. Сверх этой парки в плохую погоду или когда идут на байдаре они надевают камлей из кишок китовых, или от какого другого морского зверя, дабы вода их не мочила. Зимой, когда они идут вдаль пешком, надевают длинные и короткие штаны из выделанных кож нерпичьих и носят худо сделанные чулки из горла сивучьего, к которым пришивают подошву из нерпичьей кожи, и таковые чулки у них подвязываются около колена. Женщины штанов не носят и никуда не ездят вдаль на байдарках, а только разве надобность есть навестить своих подруг, тогда они ложатся в байдаре, а веслом управляет мужчина. Прежде сего мужчины носили парки из бобрового меха, также из котика, а хотя лисиц довольно на острове, однако жители никогда лисьих мехов на платье свое не употребляют по причине дурного запаха.

Прежде сего женское платье состояло в бобровой парке, украшенной по всем швам полосками бобровыми же, между которыми висели носики морских попугаев. Ныне уже всякий знает, как делается парка у сибирских народов, но у жителей уналашкинских она не имеет отверстия на груди, а только одно есть круглое отверстие вверху, чтобы голова могла свободно пройти. Женская парка имеет толстый прямой воротник вышиною в два вершка с четвертью, который плотно вышит малым стеклянным бисером белого цвета, между которым из разноцветного бисера же выведены рисунки без всякого правильного начертания. С вышнего края сего воротника висят спереди до перехвата семь рядов малых и больших разного цвета бисеров; и подобное украшение покрывает также все расстояние от верхнего края воротника до середины спины. Назади от воротника висит по хребту кусок кожи длиною в шесть, а шириною в два вершка без четверти, весь покрытый бисером, и конец его украшен длинными белыми козыми волосами.

Ныне парки все делают из котика и украшают ремешками и лоскуточками его же кожи. Длинная белая козья шерсть и клювы морского попугая с бисером разноцветным почитаются важными украшениями. Обшлага у парки делают также из морского котика, но волос срезавают весьма коротко прямыми и одинаковыми дорожками, так что обшлаг кажется сделанным из белого пушистого бархата; ремешки, сделанные из кишок зверей морских, крашенные красною краскою и вышитые волосами, служат им вместо опушки. На самую кисть у руки надевают большое кольцо, сделанное из кожи котика или нерпы и вышитое бисером, шириной в полвершка; и подобные кольца носят на лодыжках; всегда ходят босиком; волосы стригут коротко, спереди оставляют их подлиннее, потому что ими лоб накрывают, а сзади носят длинные волосы; однако завязывают их иногда в пучок на самой макушке. В старые годы они навешивали разные украшения в носовую перегородку, но сие вышло ныне из употребления; в ушах они имеют

разные дырочки, в которые продевают множество бисерных украшений: два или три ряда такого бисера висят под ушами. Сие украшение они получают из Аляскинской страны, и оно почитается так богатым, что прежде сего за пару таких серег продавали они девуку или бабу в вечную неволю. Янтарь также почитается у них за нечто ценное. Когда женщины собирают ягоды, они тогда надевают вышеописанные чулки и называют их улугиг (Oolugigh). Парка из птичьих кож называется джах (Jach), а женская парка чоктакун (Tshoktakun). Мужчины носят над глазами деревянный тенник, весьма искусно сделанный из дерева, тонко вырезанного, или из китового уса, расписанный разною краскою, и украшают сей род головного убора перьями и даже усами морского льва и бисером; сия шляпа весьма красива, особливо когда спереди бывают украшения из небольших фигурок, изображающих людей или животных, вырезанные из кости.

О веселостях их. У жителей о. Уналашки нет никаких музыкальных инструментов, но они бьют в бубны; а пляски их ничего не значат, идут вперед, убегают назад и в такт прискакивают; в том состоит все их искусство с протяжным пением. Зимой они веселятся более, нежели летом, но есть у них один обычай, которого я совершенно узнать не успел; он состоит в том, что они по приказанию своих колдунов или шаманов делают широкие деревянные личины и надевают их весною при пляске, которая бывает с битьем в бубен, с пением, с мазанием собственных лиц, а по окончании праздника закладывают оные личины в пещерки, что в каменных приморских утесах, и после никогда уже их не трогают. Думаю, что се есть не иное что, как род жертвоприношения, дабы удачливым быть на ловлении зверей, счастливым и благополучным в рассуждении здоровья и прочем.

О браках. Всякий мужчина столько себе берет жен, сколько может их содержать; ежели не полюбит которую-нибудь из них, то он ее отдает назад, а ему за то возвращают часть того, что он дал за нее. При деторождении никаких обрядов нет; вымоют дитя и начнут кормить до тех пор, как уж не будет иметь нужду в материнской пище.

О похоронах. Ежели умирает человек, отличный богатством или властью, то они потрошат его, обмывают, обтирают насухо и наполняют его утробу мхом и сухими растениями. Потом делают в земле глубокую яму, кладут в нее мох, ставят доску, на которую кладут особенные травы, сверх которых стелят рогожку, и сажают на всю скамью мертвое тело с опущенными руками; окутывают его лучшим платьем, оставляя, однако, голову, ничем не покрытою. Сия доска, которая служит мертвому вместо стула, висит в яме на веревках прямо над мхом, которым дно ее наполнено, и так покрывают все рогожами со всех сторон и наполняют могилу землей; а иногда, по желанию покойного, все его имущество остается сродникам его, а иначе все похороняется с ним, и самую байдару его ставят наверху его могилы. Когда же умирает бедный человек, выкапывают яму, опускают в нее тело и засыпают землею без всяких обрядов.

О юртах. Юрты делаются следующим образом: выкапывают землю в сухом месте на умеренную глубину; ставят в оную яму большие палцы, сделанные из наносного с моря дерева; сия рама посажена на стойки с переплетом, который покрывается дерниною и осыпается землею; оставляют одно, два или три отверстия на самом верху, смотря по пространству юрты, которая делается более или менее по числу семейств, для которых она предназначается. Среднее отверстие служит для входа и выхода посредством бруска с зарубинами вместо ступеней. Вокруг стен юрты поделаны места, где сидят или спят на рогожках, сделанных искусно из сухих трав; в середине оставляется порожнее место, на котором они иногда пляшут. Огонь они разводят в разных местах своей юрты для варения рыбы; вместо дров употребляют сухую траву; однако по большей части рыбу съедают сырою, разрезывая ее на тоненькие ломтики.

О домашнем уборе и об упражнениях уналашкинцев. В юртах нет ни стола, ни стула; но чистая, из травы сделанная рогожка, именуемая суток (Sutok), разостлана на полу. Коробочки висят в разных местах юрты, с двумя кремнями, с куском самородной серы и с горстью сухой травы, из которых материалов они себе получают огонь. Я приметил еще у них разные корзинки, весьма чисто плетенные из разноцветной соломы, в которых женщины хранят свою работу; также хорошенькие мешочки, сделанные из кишок морских зверей и украшенные козьими волосами, перьями и прочим; деревянные четырехугольные чаши или блюда; четвероугольные и круглые ведра, выдолбленные из одного куска дерева, для держания в них воды; четырехугольный камень с круглою в середине выемкою употребляют в качестве светильника; фитилем служат свитые вместе сушеные стебли травы. Они также обогреваются этим светильником, подставляя его под свою парку и приседая над ним. Еще я видел у них чисто сделанные четырехугольные продолговатые ящики, вырезанные из одного куска дерева с крышкою величиною с табакерку; женщины кладут в них иголки и другую подобную мелочь, и все-то у них сделано правильно и выработано чисто. Иголки их могут считаться делом совершенного мастерства, они вырезаны из бедренной кости птицы чайки большого рода, а самые малые иглы длиною не бывают более третьей доли одного вершка и так тонки, как волос. Однако ушков нет, а на тупом конце имеется очень узкий вырезанный желобок, в котором укрепляют нитку так искусно, что она за иглою беспрепятственно следует в шитье. Самые нитки их доказывают, сколько женщины уналашкинские терпеливы и искусны, ибо нитка так тонка, как несученая шелковинка, и от сей тонизны постепенно делаются разного разбора нитки до толщины струн басовых. Самые тонкие нитки они плетут с козьим волосом и с перьями разных цветов. Такими весьма длинными плетешками уналашкинцы обвивают дротики или длинные свои стрелы с одного конца до другого, на котором есть наконечник с зазубринами, сделанный из кости, вложенной в желобок, вырезанный на стрельной палочке. Когда сие орудие ударяло в морское животное,

оно оставалось в теле его под водой до тех пор, пока верхушка не покажется на поверхности воды и тем означит место; где застреленное животное, которое тогда уже вытаскивают из воды, когда оно утомилось потеряннем своей крови. Природные жители о. Уналашки имеют род небольшой секиры или шляхты, сделанной из тонкой железной пластинки, длиной в один вершок и три четверти, шириною же только в три четверти вершка, всаженой в кусок плоского дерева вместо рукоятки; самое то дерево, обделано очень чисто, иногда же украшено бисером, а железо всегда наострено, как бритва. У них есть также ножи и котлы, которые получают они от россиян. Когда же нет у них котла для варения рыбы, то они сами себе сделают котел, а берут для этого плоский и тонкий камень и по бокам обмазывают его тоненькой глиною так высоко, как им надобно.

О байдарых. Я могу сказать, что байдары их весьма красивы, легки на ходу, сделанные гладко по наистрожайшей симметрии корабельной конструкции. Рама (или ребро байдары) состоит из трех брусков дерева во всю длину байдары; одному дается толщины около двух вершков без четверти квадратных для кия; другие два бывают не толще одного дюйма и составляют верхнюю раму, но они девятью вершками короче кия; потому ставят весьма тонкие распорки из тальниковых палочек, оставляя между ними три вершка с половиною расстояния и укрепляя их во всю длину также палочками, весьма крепко между собою перевязанными. Середина байдары имеет от 13½ до 17 вершков в ширину; оба конца загнуты вверх, особливо нос байдары. Круглая, наподобие обруча рама поставлена в самом широком месте байдары, почти в середине, однако поближе к корме ее; се есть самое то место, где садится гребец. От сего места вдоль середины верхнего края байдары до самого носа лежит на оном крае довольно крепкая планочка, а другая такая же идет к корме. Верхняя рама с боковыми распорками всегда делается покороче кия, и концы ее просто обрезаны; перед байдары изображает голову рыбы с раскрытой верхней и нижней челюстями. Но чтобы морские травы не запутались в сию впадину, вставляется поперек ее тоненькая палочка. Все сие строение обтянуто вокруг и весьма плотно кожей морского льва. Глубина байдары более не имеет, как 7 вершков, и требует иногда великого равновесия, чтобы не повернуться килем кверху. Со всем тем островитяне ездят на них в море далеко, на несколько миль расстояния, хотя ветер дует свежо и, давая пучину морскую, ставит зыбь на зыбь. Они могут ехать на гребле в тихую погоду по десяти морских миль в один час; гребут же одним только веслом, расширенным на обоих концах наподобие лопатки, которою они бьют воду по ту и другую сторону байдары попеременно с таким проворством, что байдара летит вперед прямо, как стрела, и с таким искусством, что они вдруг останавливают или поворачивают на которую хотят сторону. У них в байдаре всегда бывают дротики или стрелы разного размера, которые они с меткостью бросают на зверя или в рыбу посредством дощечки длиною в 9 вершков, на ко-

торой сделан желобок для стрелы и утверждена косточка на конце желобка, которая придерживает стрелу.

О дорогах. Когда дорога от одного жилья до другого идет по горам, то всегда приметить можно каменные кучи, потому что каждый человек, который переправляется через ту гору, прибавляет по одному камню или более к одной кучке; надобно думать, что се есть род какого-нибудь суеверного жертвоприношения, и я знаю верно, что под сим камнем никакого мертвого тела нет, следовательно, нельзя их почтить надгробными памятниками.

О жителях острова Кадьяк. Юрты у них выстроены следующим образом: 4 или 6 шестов вставлены в землю так, чтобы оставалось вышины около 4 аршин; потом два длинных шеста положены вдоль горизонтально на верхних концах тех, которые врыты в землю, и еще два аналогичных шеста положены поперек на каждый конец по углам юрты. Из середины к сим углам идут еще 4 шеста, составляющие четырехугольник, к ним уже укрепляются доски, сверх которых кладется сухая трава и насыщается земля или намазывается глина. На восточной стороне юрты стоит дверь, составленная из двух стоек, укрепленных в землю, а на развилых верхушках их лежат две жердочки, к которым пришта кожа морского льва, защищающая жителей юрты от ветра и дождя не хуже нашей двери. Огнищное место есть яма глубиной в 7 или 8 вершков, вырытая в самой середине юрты, а дым выходит через одно над огнищем отверстие, оставленное в крыше. По всем сторонам юрты сделаны перегородки, как у нас в конюшнях делают для коней стойла; в них каждая семья живет особо, ест и ставит свой скраб; притом каждая семья имеет свою отдельную спальню; правда, что она тесновата, как пещера; прикрыта рыбьей кожей, чтобы туда мог свет проходить, а лазят в нее через окошечко на руках и на коленках. Постели их состоят из разных травяных циновок³, а собственное платье служит им одеялом. Однако жилища их теплы, потому что нагревают их не хуже русской бани, поливая воду на лежащие в огнище раскаленные камни, от чего все наполняется жарким воздухом.

Жителей на Кадьяке и вокруг него до 1300 человек взрослых мужчин и до 1200 молодых людей. Жители как в наружном своем виде, так и в общеупотребительных обрядах своих походят на уналашкинцев; как те, так и другие украшают свое лицо прокалыванием нижней губы и носового хряща и вкалыванием в оные дырочки разных косточек и других безделушек, какие у них почитаются щегольством. Кадьячки вышивают разные узоры на своем теле по примеру женщин, живущих на других островах. Платье их состоят из сшитых птичьих шкур; однако употребляют при том разные меха, как-то: тарбагановый, еврашечий, олений и шкуры диких баранов; сие получают они с матерой земли. Украшениями почитаются у них вообще малые раковинки, янтарь

³ Среди алеутов было развито плетение из волокон стеблей колосняка и чины морской. Кроме циновок они изготавливали накидки и другие предметы. (Прим. ред.).

и клюв птицы, именуемой морским попугаем, но янтарь предпочитают они всему. Обычаи и обхождение их такие же, как у жителей о. Уналашки; однако кадьякцы грубее их и не так смышлены. При родинах никаких обрядов нет. Брак делается иногда покупанием жены; однако можно сказать вообще, что кто проворен на звериной ловле, тот всегда сыщет себе жену даром.

Жена ему дается, как только он попросит ее у отца. Жених, взяв ее, кладет спать с собой. Утром, проснувшись, идет за дровами, топит баню и моется сам с молодой и со всеми гостями обоего пола. Потом молодой остается жить у тестя до тех пор, пока жена родит первого ребенка, после чего ему разрешается жить с женой, где он захочет. Многоженство у них разрешено, но в таком случае первая жена может от него уйти и выйти за другого, но если она не имеет от него детей.

О похоронах. Мертвых зарывают в землю в лучшей одежде, со всем им принадлежащим, включая и байдару. При этом все вещи разламываются на мелкие куски. Если умер бедный человек на открытом месте, то тут же выкапывают яму, в которую стелют кожи морских зверей и такими же покрывают самого покойника. Потом засыпают землей. Кожу, из которой была сделана его байдара, раздирают, а дерево ломают на куски и все это кладут на могилу. Сверху ее обкладывают еще камнями. Если кто умер в юрте, хоронят в его спальном отделении и делают так же, как было выше сказано. Когда умирает богатый человек, то убивают и с ним же хоронят его любимого слугу, а если умирает богатая женщина, то ее любимую служанку должна ожидать такая же смерть — ее убьют и с хозяйкой вместе похоронят.

О промыслах. В конце февраля выходят на ловлю котиков и тюленей на юг от о. Кадьяк. В апреле месяце перебираются из зимних в летние жилища, которые стоят в местах, богатых рыбой и китами. Месяц май они занимаются ловлей бобров вокруг всего о. Кадьяк, а иногда удаляются от берега на большое расстояние. В июне бобров уже становится мало и начинают ловить рыбу и тюленей. Первая рыба, которая попадает, — олибут (Olibut). Ее бьют у берегов дротиком, который служит им вместо остроги, а чаще волна прибывает эту рыбу к берегу в большом количестве. Другая рыба — красная горбуша, кижуч и сиг. Ловят эти рыбы до самого сентября. Рано или поздно, смотря по погоде, собирают корень сараны (белой лилии. — З. Т.) и заготавливают его впрок — варят и складывают в кадку, заливая рыбьим жиром. Также собирают траву кислицу и сохраняют ее с китовым мясом следующим образом: копают яму, дно ее застилают травой, затем кладут слой кислицы, а на нее слой китового мяса и так слой за слоем до самого верха. Наверху снова кладут толстый слой травы и сверху засыпают землей. В октябре, когда вся ловля кончается, перебираются в зимние жилища и каждый везет с собой свои припасы, которыми он может прожить, не завися от других.

Кадьякцы благосклонно принимают людей, которые приезжают к ним в гости. Гостя сажают, потом подносят ему холодной воды, спустя

некоторое время хозяин приносит ему кусочек хрящевины от китового плавника, а женщины угощают кусками рыбы, сараной, ягодами и китовым жиром. Все эти яства гость съедает или уносит с собой.

О весельях. В начале ноября начинаются у них праздничные веселья, которые продолжаются всю зиму. Один житель приглашает к себе всех соседей и всех приятелей, которые живут даже на расстояниях ста и более верст от него. Перед гостями хозяин выставляет всю ту пищу, которую он запас. Празднество заканчивается пляской и пением с ударами в бубен. Плясуны имеют на лице разрисованную красками маску, а в руках погремушки, сделанные из двух или трех обручей разной ширины, скрепленных поперечной палочкой, украшенной перьями, которая служит вместо рукоятки. К обручам привязано множество клювов морского поугая. Так что, потрясывая ими в такт ударов в бубен, получается много шума, который без привычки не очень приятен для слуха. На следующий день начинается новое празднество у соседа с таким же весельем и так по очереди до последнего жителя, то есть все должны сделать угощение другим, пока не придет пора снова отправляться на ловлю зверей и настанет конец их съестным запасам.

О посуде. Из посуды у них имеются деревянные блюда и тарелки, вырезанные из плотного куска дерева и украшенные косточками, хрусталиками, бисером, зубами разных животных. У них имеются корзины, сплетенные из морских растений так плотно, что они в них держат воду и варят пищу с помощью раскаленных камней, которые они кладут в воду с рыбой или с мясом. Сырой рыбы они не едят. Кадыякцы делают глиняные горшки, но они очень непрочные, так как состав глины мягок.

Ножи у них яшмовые или из крепкого аспида. У них есть еще и тесла, род топора, сделанные из железа с рукояткой из крепкого дерева. Они имеют копыа длиной почти в две сажени; на одном конце укреплены пузыри для удержания их в воде, а на другом конце насажены бивають разные искусно сделанные остроги для прокалывания китов и тюленей. Кроме того, для китов имеют длинное бодило⁴ наподобие широкого обоюдоострого ножа. Когда такое орудие попало в кита, оно остается в его теле, а ловцы имеют надежду, что этот кит в скором времени будет лежать дохлый на их берегу. Для тюленей кадыякцы употребляют бодильце поменьше, сделанное из камня или из заостренного черепка раковины. У них есть также ручные копыа с перьями, луки и стрелы. Для птиц, бобров и других мелких животных наконечники стрел сделаны из заостренного камня или обточенной кости. Для ловли рыбы они делают крючки из косточек, а для лески сучат морские растения с волокнами китового уса.

Их байдары, как одноместные, так и двухместные, гораздо тяжелее и больше уналашкинских, но сделаны по тем же правилам.

Шапы они носят соломенные, плотно сплетенные и разукрашенные

⁴ Бодило — рогатина, ратовище с ножом (Даль В. И. Указ. раб., т. 1).

разными рисунками. Есть у них деревянные шляпы с вырезанными на них разными головками морских животных, а во время плясок украшают эти шляпы гораздо пышнее и для детей своих делают шляпы весьма красивые.

У жителей Америки они покупают кожаное платье — камлей и парки, выделанные из кож разных животных. А им продают разные камни, кожи морских зверей и прочее.

В рукописи Биллингса не указан народ, о котором идет речь на нижепубликуемых листах. Однако есть основания предполагать, что сведения даны о конягах мыса Родней Американского берега⁵.

Целый час мы были уже на берегу, когда увидели двух жителей, идущих вдоль берега. Я приказал всем скрыться в траве, чтобы они не испугались, увидя такое количество людей. Сам я с натуралистом пошел им навстречу, но понять мы их не могли. Тогда нашелся из команды один человек, знающий чукотский язык и бывший ранее у чукчей. Он понял американцев. Я попросил разрешения пройти к их жилищам и посмотреть их. Они взяли меня и переводчика с собой.

Шалаши их, или шатры, сделаны были до половины из моржовой кожи, а другая половина из кишок кита или другого какого-нибудь морского же большого зверя, чтобы светлее было внутри шалаша, имеющего около одиннадцати аршин в окружности, а составлен он из тонких шестиков, воткнутих одним концом в землю, а другим сведенных вверх в кружок. Домашняя посуда состоит в горшках, ложках и ведрах, сделанных из дерева, а другие из китовых костей; у них есть и горшки глиняные, в которых варят себе пищу; и все это сделано очень чисто. Мы увидели у них орудие, сделанное из куска железа с деревянной рукояткой, напоминающее тесла; я думаю, что сие орудие есть весьма редкая вещь, ибо по большей части оно делается из крепкого камня кремнистой породы, что называется яшмою. У стрелы имеются наконечники костяные или каменные; иные имеют конец тупой, по-видимому, для небольших зверьков, как-то: для горностая или сурка; правда, я видел, хотя и в небольшом количестве, копыя с железным концом, однако чаще они делаются из моржового зуба, весьма чисто заостренного; сии копыя висят у них на ремне через левое плечо; при том носят лук и колчан со стрелами, который делается из оленьей шкуры, шерстью наружу. Они также умеют бросать камни пращею.

Одежда их состоит в парке или верхнем платье, гораздо короче, нежели у жителей Алеутских островов или у других народов, каких мы видели в нашем путешествии. Сии парки делаются из мягкой кожи молодого оленя или другого животного, разрезаны спереди, сзади имеют капюшон, который надевают на голову, и украшены спереди и сзади. Они носят длинные, но узкие штаны из выделанной оленьей или перпичьей кожи, рукавицы и сапоги делают они из оленьих лядвейных кож,

⁵ Примечание З. Д. Титовой.

а на голову надевают шапку, как тунгусы. Поверх сего платья они в дождливую погоду носят также, когда на байдарках удаляются в море, камлей из кишок больших морских зверей, так, как мы надеваем в ненастье епанчу поверх обыкновенного платья, а помянутые кишки воду сквозь себя не пропускают.

Одежда женская делается также из оленьей кожи с украшениями и с шитьем разноцветными узорами. Женский пол любит прошивки; однако я видел на них весьма мало бисерных уборов, а украшают женщины себя более косточками и зубьями разных животных. Они имеют для рыбной ловли хорошие и крепкие невода, сделанные из тонких ремней, искусно вырезанных из моржовой кожи. Они вообще статны и сложения крепкого, лицом смугловаты, глаза имеют небольшие, нос плосковатый, скулы плоские, лицо длинное, волосы черные и короткие, выключая над лбом и на затылке, бороды же у них очень мало, на нижней губе имеют скважину и вставляют в нее кусочек яшмы или алебаstra. Женщины заплетают волосы в две широкие косы, которые висят у них на плечах; однако некоторые завязывают их вокруг головы ремешком из оленьей кожи; нижняя губа наколота точками до самого низа подбородка; уши проколоты, и в ушах украшения носят из косточек или из яшмы; а на руках ободы, сделанные из меди, олова или свинца.

Зимние их жилища делаются из бревен, просто положенных одно на другое. Вышина такой избы около сажени российской, ширина 4 аршина, длина около двух сажен. Крыша делается из тонкого леса, покрытого травой и потом землею; пол из досок, а в самой середине оставлено отверстие и выкопано место для огня; и прямо над тем местом сделано в крыше отверстие для выхода дыма. На восточной стороне есть небольшая и весьма низкая дверь, в которую как входящие, так и выходящие принуждены проползать на коленях.

Мы заметили, что мужчины не хотели расставаться ни с какой вещью без согласия их женщин. Они вообще любят бисерные и другие украшения, но более всего желают иметь железо и за оное готовы отдать все, что у себя имеют.

У них два рода байдар. Одна малая, походит на байдары уналашкинские и снабжена такими же способами для ловли рыбы и зверей морских; другая большая, преизрядно сделана из кожи моржовой, весьма легка на воде и может нести от 15 до 20 человек; а вместо весел они употребляют род короткой лопатки в полтора аршина длины, у которой плоская часть, что в воде, расширена в середине и кончается острым жалом, как копье или железный наконечник у стрелы.

В числе военных телохранительных доспехов у них есть панцирь, сделанный из оленьих рогов, искусно разрезанных на тонкие пленочки, как бы стружки, которые плотно связывают жилами разных животных, так что они плотно облегают вокруг всего тела и довольно крепости имеют, чтобы не пропустить в него стрелу. Они увеселяли нас пляскою

и пением. В плясках они производят разные движения телом и руками в такт ударам в бубен.

Собаки у них такие же, как на Кларковом острове, а сани во всем подобны тем, какие мы видели на Колыме. Огонь они достают себе трением, как в обыкновении у камчадалов. Питаются они мясом оленьим, моржовым, китовым, нерпичьим и всяких других морских животных.

У них водится рыба вяленая, и, по-видимому, они сушат ее впрок на целую зиму, именно: кету, горбушу и белую рыбу. Мы видели у них два рода свежей рыбы: сельдь и небольшую камбалу. Однажды заметили большую белуху, плывшую недалеко от берега, и можно думать, что она служит им также пищею.

Принесенные ими шкуры для продажи были разных животных: волка, лисицы, горностая, речной выдры, евражки и росомахи, и все сие американцы охотно променяли на небольшое число бисерных пронизок.

Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса. Поход землемерный по чукотской стране до Анюйской крепости в годах 1791 и 1792

Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 3¹

Когда мы начали подъезжать к берегу, на котором находится селение Мамкú, то жители, сколько их там было, испустили многократные крики и бросили камни в воду в знак своего дружества. Мамкú состоит из 14 летних яранг, и место так названо по имени одного ручейка, впадающего в море.

Как только мы вышли на берег, чукчи развели два огня возле самого берега и велели нам сесть, пока все наши пожитки выгружались из байдар. Тогда начальник чукотский взял меня за руку и провел сквозь дым, происходящий от тех двух огней, потому что несколько старух набросали в них куски оленьего жира, отчего дым сделался густым. Таким же образом он провел других, потом все чукчи, которых было до двухсот человек, взявши каждый под руку часть нашей поклажи, проходили таким же образом промеж огней. По окончании сего окуривания начальник и я — мы сели на траву, и тут он мне сказал, что надлежало нам в залог дружества меняться рубашками, и для того я вынул нарочно белую рубашу из чемодана и надел ее на себя, а после снял ее с себя и надел ее на того начальника, а он таким же образом дал мне свою, сделанную из оленьей кожи рубашу и велел мне надеть ее на себя, поздравляя меня в то же время с благополучным приездом в его селение, желая мне счастья в путешествии моем и объявляя мне, что я могу ехать, куда захочу в их стране. Как скоро я вошел в его ярангу, он тотчас велел сварить оленьего мяса и накормил меня со всеми, бывшими при мне.

Некоторое время спустя после того, как я достал байдару для моего

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 259.

штурмана, которого послал снимать берег, сам я пошел в селение, чтобы приметить что-нибудь новенькое в обычаях здешних жителей, и заметил, что сие селение состоит из тринадцати яранг и двух подземных юрт на плоском песчаном месте, саженях в 50 от берега, а возле селения есть несколько озер с пресною водою, однако они маловажны.

26 августа пришли двое имаглинцев², от которых я получил следующее сведение. Нынешним летом были они в Америке, по ту сторону Берингова пролива, и там они путешествовали на юг до острова Аяка (Ayack). Они мне сказывали, что по Американскому берегу стоят разные селения в большом числе. Первое против третьего острова в Беринговом проливе называется Куигмуилл (Kuigmuille) и стоит верстах в двух с половиной от второго селения Джапкадру (Jarkadroo), пятнадцать верст далее есть третье селение Окруагме (Okrooagme), от которого в четырех верстах стоит четвертое селение Анахепхтуг (Anachepchtoog), потом тринадцать верст до пятого селения Кхелугбехк (Skhaeloogbechk), шесть верст до шестого селения Куинагвах (Kuinagvach). Тут, сказывали они, есть множество диких оленей и земноводных. Около речки Кук восемь верст от шестого селения до седьмого Сегнагвади (Segnagvadee), и тут есть небольшая бухта, потом около семи верст до восьмого селения Нук (Nook), пять верст до девятого Нугми (Noogmee), пятнадцать верст до десятого Джухру (Jooschgoo) и так далее до восемнадцатого селения, есть остров Аяк (Ayack), на котором имаглинцы были прошедшим летом, потом есть другой остров Окебен (Okeben), а в проливе Беринговом острова называются следующими именами: 1-й, больше всех, Имаглин (Emaglin), 2-й Инелмен (Enelmen), 3-й, меньше всех, Окевакхай (Okevackhai). Клерков остров называется у них Иувуген (Eoovoogen).

26 же августа чукчи пригнали с гор всех своих оленей и начали выбирать тех, которых надлежало им закладывать в нарт, и заложили они в каждую нарту по одному оленю; поклажу своих двух яранг положили на 126 нарт, а под нашу поклажею было 30 нарт.

Торжество у начальника. — Имлерата по случаю выздоровления его сына. Около начала третьего часа пополудни две женщины, из которых одна была мать того молодого человека, вынесли из яранг своих на двух лотках вареную оленину с языками и с мозгами, которые сам начальник Имлерат покрыл табачными листьями; а на одно из двух блюд, или лотков, положил он целую папушу; в то же время всем своим гостям мужского и женского пола, не выключая и ребят, дал он по одному или по два листочка табака; лотки с кушаньем поставлены были на небольшом расстоянии от яранг. Я спросил, что сие значит, и мне отвечали, что это поставлено тут в награждение тому, кто выиграет на беге, ибо будет бег и прочее. Следовательно, кто прибежит первый, тот возьмет себе папушу табака, а листья, которыми кушанье покрыто, раздаст

² Имаглинцы — жители острова Ратманова, который по-эскимосски называется Имаклик. (Прим. ред.).

своим товарищам, которые и оленину с прочим кушаньем съедят вместе с ним. После сего изъяснения в короткое время я увидел, что поехало до тридцати нартных упряжек, сидели в них все молодые ребята, и поехали рысцой к реке, которая отселе в семи верстах, и от ее-то берега они побегут обратно до сего места. Через час времени мы увидели их едущих назад, однако не заметили, чтобы один старелся обогнать другого, а ехали все скачью, где кому попало; правда, что погода была серая и воздух густ, так что нам нельзя было рассмотреть, как они ехали вдали. Довольно того, что оленье ристание кончилось, и тогда множество стариков, молодых людей и даже ребятишек пустились бежать, однако никто не старелся опередить других, а все прибежали назад вместе запыхавшись; отдохнувши маленько, начали борьбу; все появились без одежды, в одних сапогах и штанах; друг друга кидали в снег, и сие их веселье продолжалось до сумерек, тогда празднество кончилось, всяк выкурил трубку табака и поехал домой, где кто имел свое жилье.

Случилось нам видеть что-то странное в отряде чукотского народа неподалеку от нашего каравана. Одна старуха в последние двое суток лишилась чувствия в обеих руках до самых плеч и положила себе в голову, что уже она ни к чему более на сем свете служить не может, и потому просила своих сродников либо мужа, чтобы сделали с нею милость, убили бы ее; прошение ее исполнено, и, как убивают своих оленей, таким же образом вонзили ей нож в самое сердце; потом связали ее ремнем в том самом платье, какое на ней было, положили ее на нарты, привязали к ней иголки, нитки, ножик и кроильную доску; под голову ей положили несколько сухих тальниковых лоз, повезли ее на верх соседней горы и там предали огню.

Вчера и сегодня чукчи потеряли двух оленей тем, что дали им слишком много мочи, а они ее весьма любят; действие сей влаги такое бывает над сими животными, точно какое бывает действие горячего вина и водки над человеком; моча делает оленя пьяным; но давать понемногу — олень от того бывает бодр и получает новые силы для тяги нарт, особливо с поклажею; когда олень приучен пить мочу человеческую, то он из дальнего расстояния повинуется голосу своего хозяина и идет к нему в надежде получить от него желаемого напитка меру. Когда чукчи скликают оленей, они всегда носят с собой и показывают им свой урильник, а сами громким и протяжным голосом кричат слова: «гирах, гирах!» (Gheerach). Помянутый сосуд делают они из кожи морского конька или морского льва, глубиною в 7 вершков, шириною так, чтобы олень мог туда вкладывать свою морду; и во всякой нарте имеется всегда по одному таковому сосуду. Олень ночью делает довольно беспокойства тем, что ищет беспрестанно вокруг яранги и нарт в ожидании, чтобы кто-нибудь выплеснул мочу из своего ачуулгына, так по-чукотски называется урильник; и тогда олень бьет мерзлый снег передними копытами в том месте, где выплеснули мочу, и съедает все, отгоняя прочих своими рогами, чтобы им сего нектара не досталось.

Утром 13 декабря 1791 г. мы поехали на NE, где на расстоянии 7 верст от нас находилась река Карпи (Кагрее). Чукчи сообщили нам, что между устьем реки Карпи и устьем реки Екикхтумы (Екеескхтум) на берегу Ледовитого моря стоит последнее жилище сидячих чукчей, именуемое Рир-Карпи (Reer-Kaгрее)³, а далее от сего селения до Чуванской бухты по берегам Ледовитого моря нет никакого жилья, принадлежащего чукотскому сидячему народу⁴.

Описание празднеств и суеверных обрядов при въезде чукотского народа в страну под владением коряков. Когда нарты стали в порядок и яранги поставлены по местам, я заметил, что все женщины начали делать из сжатого снега посуду наподобие жирников-светильников, кто круглую, кто продолговатую, оставляя в середине дырку. Потом они взяли оленьего мерзлого жира, разбили на мелкие кусочки и положили в те снежные светильники. Когда все были готовы, пошли они на недалекое расстояние от своих яранг к лесу, а за ними шли все мужчины и молодые обоого пола ребята, несущие всяк по куску сухого дерева. Женщины сели все в круг и поставили светильники перед собою, а мужчины с ребятами стали позади их; одна старуха добыла огонь, и все мужчины с ребятами, приходя по порядку, клали дерево свое на огонь; а когда он разгорелся, всякий мужчина и всякий из ребят брал из снежных блюд по кусочку жира и, сделавши несколько шагов от огня на полдень, бросал оный, кусочек по кусочку, яки жертвоприношение солнцу и лесам; а женщины побросали остальной жир в огонь, отчего поднялся густой дым.

Один мужчина, видя, что я со вниманием смотрю на их обряд, велел толмачу моему растолковать мне, что то у них делают по причине входа их в чужие владения, дабы они могли идти здоровы и невредимы до того места, куда хотят идти; там бы иметь успех в торгах своих без всякого притеснения от русских и потом возвратиться бы им в целости на свою родину. Мужчины собрали своих оленей, всяк схватил по одному, привел его на то место, где они сперва бросали жир, и начали колоть тех оленей кто копьём, кто ножом и текущую из раны кровь кидали застывшую к солнцу. Потом оставили женам своим попечение о свеживании их. Один чукча, не имея лишнего оленя, кроме одного, который впрягался в нарты, привел лучшую свою собаку на то место и заколол ее вместо оленя. По снятии шкуры с оленей отрезали им голову в коже, вырвали у них язык, а которая самка находилась очреватолою, вынимали у нее детеныша из утробы и с головами других оленей относили в предлесье и ставили головы на подпорки, сделанные из трех палок треугольно против леса, а детенышей клали брюхом на сии с распростертыми ногами, будто скачущих, а головою их поворачивали к лесу. Когда я спрашивал о значении сего обряда,

³ Рыркайпий — селение, находящееся на мысе Шмидта современных карт. Правильно: Рыркайпьян. (Прим. ред.).

⁴ Это утверждение И. Биллингса ошибочно, так как в XVII в. упоминается селение чукчей на мысе Шелагском. (Прим. ред.).

мне отвечали, что сие делается у них, собственно, для пользы оленей, дабы они не могли растеряться в лесах чужой страны, ибо их олени к лесам непривычны; еще дабы они могли находить в чужой области такой же хороший мох, как в своей земле; и для сих причин большие куски жира принесены их бабами на место, где стояли олени головы; снег разгребли и жир поставили на мох, что под снегом был.

По окончании сего обряда пошли все к своим повозкам и курили табак; вскоре потом мужчины одни пошли на то место, где стояли головы, и один из них взял с собой шаманский бубен. Там они сели в круг, и я также сел, глядя на них; однако видно, что сие им не понравилось, ибо сидели несколько времени смирно, и никто не принимался за бубен, почему я встал и пошел от них прочь; но услышал, что шаман начал бить в бубен и запел шаманскую песню, сие возбудило во мне любопытство, и я опять к ним пошел, но, как скоро шаман меня увидел, замолчал, и того ради я пошел спокойно в свою ярангу, дабы ему не мешать в совершении их обряда.

Примечание о месяцеслове юкагирском. Юкагиры начинают год от того времени, которое у россиян называется месяцем февралем, потому сей месяц на юкагирском языке значит первую весеннюю луну. Месяц апрель называется на том же языке луною роста; по тому ли, что в сем месяце показываются ростки, или от юкагирской реки Пáлдшица, что значит листок на дереве и на всяком растении. По изведыванию господина Биллингса, юкагиры больше препровождают сей месяц, как и март, в ловле зверей, особливо лося, за которым они бегают по насту. Месяц наш июль почитается у них осеннею луною; правда и то, что на конце сего месяца лист начинает желтеть на деревьях, однако не прежде 25-го числа.

Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске

Перевод с немецкого З. Д. Титовой

Дневник К. Г. Мерка начат им в Охотске 16 августа 1789 г. и доведен до 1792 г., хотя и не охватывает сухопутного перехода по Чукотке.

Первые десять страниц дневника полностью заполнены описанием животных, растений и минералов. Дальше наряду с этими сведениями появляются этнографические материалы, которые носят бессистемный, типично дневниковый характер. Этнографических данных много на полях рукописи, что свидетельствует о более позднем их добавлении, причём часто эти данные переходят с одной страницы на другую.

Мы публикуем материал в той последовательности, как он занесен в дневник.

Камчадалские танцы (которые Мерк видел в Петропавловской гавани)¹ — похотливые движения, причем они особенно действуют плечами и бедрами и довольно свободно играют кожей лба. Они подражают вперемежку медведям, китам, гусям, как последние начинают свои любовные игры или как камчадалы пытаются их убить, что соответствует часто приглашению к собственным любовным играм.

Зимой ездят камчадалы на нартах только с деревянными полозьями, а к концу марта и в апреле обивают их спереди коротко китовым усом, а назад до конца — китовыми костями.

Новорожденным детям, если мать не может кормить ребенка, дают камчадалы для сосания кипрей и кусок тюленьего жира. При родах дают роженице вареные кедровые орехи и «морские репы», тонко размолотые, которые запивают теплой или холодной водой, а также пьют отвар из красноватой морской водоросли. Последний в горячем виде служит также средством против болезней горла. Когда послед останется слишком долго, то пьют мать жидким тюленьим салом или рыбьим жиром. В качестве лекарства они пьют также отвар из Kütagnik, а или натираются в бане его корнем.

Камчадалы убивают морских львов (сивучей), когда те спят и че-

---

¹ Из Охотска экспедиция направилась морем на Камчатку. Путь шел между Курильскими островами. Прибыли в Петропавловскую гавань, где недалеко находилось камчадалское селение на реке Паратунка. Позже, на пути в Большерецкий острог, куда Мерк ездил с Биллингсом и Сарычевым, они проезжали мимо многих камчадалских селений.

ловец может подойти близко. Убивают их при помощи гарпунов, толстый ремень от которых они привязывают к скале, а под ремень подкладывают парку, чтобы предотвратить при трении о скалу его разрыв. Таким же образом убивают морских львов и курильцы на 10-м острове, где они для этого часто употребляют маленькие копья. Морских львов убивают часто ради их горла, из которого изготовляется пара водонепроницаемых сапог, и ради их желудка, который камчадалы называют пузырем, как и у тюленя, и в котором сохраняют жир. Убивают морских львов, стреляя им в пасть.

На Чукотке встретил я женщину, примерно тридцати лет, которая страдала припадками, имеющими место вокруг Якутска и Колымы. Припадки эти определяют как порчу со стороны старых женщин. Бывает это, когда женщинам становятся поперек дороги в их любовных похождениях. Болезненная раздражительность, неполадки во время месячных, реже у девушек, чаще у замужних, которые может быть никогда не рожали или имели преждевременные роды. Этот припадок встречается в любое время года. За восемь дней женщина становится непригодна ни к чему, затем следует бессознательное состояние, которое продолжается до двух часов, пока она не заснет. Ее обрызгивают свежей водой, чтобы она проснулась, причем она ничего не помнит, что до этого было, но все у нее болит и в течение восьми дней она бродит, как расслабленная. Нужно ее во время этого припадка охранять, чтобы она, чего доброго, не бросилась в воду. Здесь верят, что женщины на Камчатке могут предотвратить такой припадок рядом непонятных слов. Лучшее всего освобождает от этого, по их представлению, человек, который кому-либо нанес порчу, но он тогда умирает сам в тот же час.

Алеуты². Их жилища — продолговатый четырехугольник с несколько закругленными углами. Пол жилища ниже уровня земли на несколько футов, а по сторонам тянутся невысокие земляные насыпи. Внутри жилища по углам стоят четыре вбитых столба, а в более крупных жилищах еще четыре таких опоры, на которых положены другие менее толстые бревна в длину и ширину с косыми опорами, врытыми в земляную насыпь. Боковые стены образуются косо поставленными бревнами или более тонкими палками. Этот остов покрывают алеуты сухой травой или матами, сплетенными из травы, затем дерном и все сверху засыпают землей. От внутренних опорных столбов отделялись с помощью широких досок места для сиденья и спанья, пол которых несколько углублен и покрыт матами. Также ответвляются от земляного вала отдельные маленькие канавки для стока жидкости. В крыше имеются два отверстия, из которых меньшее служит для входа. К нему приставлено бревно, на одной стороне которого выдолблены неглубокие

² Здесь речь идет об алеутах о. Уналашка, куда экспедиция прибыла от Авачинской губы (шли мимо Алеутских островов). Остановились в Бобровой губе.

ступени. Через второе отверстие они вносят свои лодки для просушки осенью.

Во время своих танцев освещают жилище стоящими у боковых стен несколькими жировыми лампами на подставках. Более молодые мужчины сидят вместе на травяных матах и каждый держит в руке бубен, а рядом с ними сидят девушки без бубнов. Бубен — Tschajan — состоит из обруча примерно 1½ дюйма шириной, обтянутого кожей из китового пузыря, и рукоятки. Их колотушка — Tumhasch — спереди оклеена пухом чистика.

Сначала танцуют мужчины (их танцы называются Kahadot), причем мальчики голыми, а взрослые привязывают свои парки из птичьих перьев поперек вокруг бедер; затем они прыгают, ударяя в бубен, прыгают вверх обеими ногами одновременно, выдвинув несколько вперед колени, прыгают вперед или наискось к стене жилища и обратно. При этом остальные бьют в бубны и поют приятным образом. А девушки, прижав большой палец под подбородок, остальными пальцами делают движения перед ртом, испуская более тонкие звуки.

Затем танцуют женщины (их танцы называются Achalk) также в отдельности, в лучших парках, если можно так выразиться. Они прыгают, прижав к туловищу ноги, ноги вперед, поворачиваясь назад и прямо вперед, причем некоторые из них имеют в каждой руке надутый продолговатый пузырь морского льва, в котором положены камешки или зубы. Они их держат перед бедрами, как доказательство того, что их мужья ловки в охоте; хвалу мужьям воспевают остальные. Также танцуют они в масках.

Мужские танцы, которые приняты на Андриановских островах. Мужчина, который носил маску, попеременно то подпрыгивал вверх, то крутился на месте в такт ударам в бубен. В обеих руках он держал по два надутых желудка морских животных, которыми размахивал различным образом, но в такт; иногда бросал их прочь и вместо этого брал покрывало, сшитое из кишечной кожи с красными и белыми полосами на нем для подобной же игры. Этот танец толкуется как насмешка над старыми и ленивыми мужчинами в их работе. При этих танцах носят алеуты особые шапки, спереди высокие и обильно украшенные козьей длинной шерстью. Их песни вполне тождественны с таковыми на Уналашке.

О приеме чужеземцев у алеутов записал г-н Кребс во время зимовки в 1791—1792 гг. на острове Спиркина.

В феврале прибыло в гости пять одноместных каяков с острова Унальга, в которых находилось по одному мужчине с женой. (Когда алеуты в такого рода каяках берут с собой жену, то она лежит позади гребца и не имеет права повернуться до того времени, пока не пристанут к берегу. Делается это из-за тесноты в каяке и ради сохранения равновесия). Когда гости пристали и были приветствованы жителями, они отнесли свои каяки ближе к жилищу хозяев, сделали из них остов своего жилья, покрыли его выделанными кожами тюленей и улеглись

в последнем на сухой траве. Теперь хозяева сварили гостям тонкую морскую траву (водоросль), называемую у них *Tschakalkag*, с кусочками китового сала и подносили это гостям в деревянных чашках, а вместо ложек дали раковины более крупного размера и каждому еще в сыром виде кусок китовых плавников, которые составляют их лакомство.

После захода солнца пригласили гостей к обычным у них вечерним увеселениям. Так, стар и млад, мужчины и женщины отдельных жилищ выходили из последних большей частью поспешно и собирались позади них, чтобы вернее ввести в заблуждение гостей. Все были одеты чище и лучше, чем обычно, а красавицы носили еще на лбу ленту из голой черной кожи тюленя, к которой кругом было пришито десять белых ремешков. С переднего края лента была украшена торчащей длинной шерстью козы. Красавицы имели в правой руке стрелу довольно значительных размеров, к которой был прикреплен надутый тюлений пузырь, а в левой — пузырь без стрелы. За ними следовали мужчины, держа в левой руке бубен, а в правой колотушку для него. И так они прокрадывались позади маленького жилища гостей; затем мужчины ударяли в бубен с громким пением, которому вторили женщины и танцевали при этом. После чего они трижды повторяли на различный лад танцы и пение. Во время этого гости оставались тихо сидеть в своем жилище. Женщины вернулись в свои жилища, а мужчины пошли к гостям и пригласили их, после чего снова удалились.

Через несколько часов, когда алеуты все приготовили к увеселениям, старший пошел еще раз пригласить и привести гостей. Лестница, по которой они входили и выходили, тем временем была убрана. Вместо нее был натянута канат, сплетенный из китовых жил, между двумя из средних опор поблизости к выходу, к которому в середине было прикреплено по целой надутой коже тюленя. От одной кожи к другой тянулся шнур с четырьмя прикрепленными к нему пузырями, а от входа свисал канат в два локтя длиной, связанный в узел на нижнем конце. Как только гости оказались на крыше жилища, раздалось в жилище громкое пение, сопровождаемое ударами в бубен. Каждый из гостей бросал при входе сначала пузырь, затем мужчины сбросили свои парки и сапоги, затем старший показал им путь и они спустились один за другим по канату на кожу тюленя, притянули веревкой другую кожу к себе, на которую, хотя и с трудом, поставили другую ногу и, так слегка покачиваясь, спустились на землю и заняли на матах первое место. После этого опять установили лестницу. Иногда вместо каната употребляют шест. Пока гости спускались, все собравшиеся в жилище пели песни и били в бубны, чтобы напугать приходящих. Кто недостаточно ловко опустится на землю и упадет, высмеивается всеми присутствующими.

Когда гости заняли свои места, началось радостное пение и танцы, перемежающиеся беседой для отдыха. Затем выступают единичные танцоры обоего пола в масках, которые они надели в другом жилище. Каждый танец в масках сопровождался особым пением. Одна маска держала в руках деревянный сосуд с маленьким пламенем из сухой

травы и жира и бросила сосуд прочь, когда огонь потух. Толкование этого огня, а также песни при этом следующее: «Мой отец, который меня произвел на свет, дал мне этот огонь, как дневной свет». Конец песни сопровождается радостными возгласами, затем это сменяется другими сценами. Тут и подражание охоте на морских животных и птиц, когда один из танцующих, например, притащил целую надутую кожу тюленя и выражал своими телодвижениями радость нападения на след животного, несколько страха и наконец забой животного палкой. Затем под соответствующей маской предлагает свои услуги сват со многими поклонами. Также танцуют девушки с намазанными растертой медной рудой лицами, в отдельных случаях с копьём в руке. В соответствии с обычаем гости не принимают участия в танцах. Последние продолжались почти до самого утра. Каждый имеет свою собственную маску, которую прячут в начале весны, и алеуты никогда не сожгут своих масок, даже при полном отсутствии дров. Осенью мужчины вырезают опять себе новые маски с разными украшениями на них, как-то: веслами, маленькими закругленными кусочками дерева, которые символизируют каменистую почву, на которой они живут, и так далее. Каждый придумывал свои собственные украшения.

Рано утром привезли алеуты в своих каяках китовое мясо — Mapgidak. Кита море пригнало к берегу на третий день после того, как один алеут попал стрелой под правый нагрудной плавник. Стрела обломалась и застряла в теле кита. Когда алеуты его разделявали, они набили себе в нос полынь и ангелику, которая на Камчатке называется Kutahsch. Кто первым ранит кита гарпуном, имеет право снять пленку с языка и печени, а также взять большую часть кишок и плавников и большую часть, чем другие, спинных жил, из которых они плетут пояса, канаты и веревки.

Алеутские женщины все работы выполняют медленно, особенно тонкую вышивку; над дождевиком — Tschigidak — женщина работает два месяца, а травяной мат — Schuettuk — плетет всю зиму напролет.

Во время беременности жены муж не имеет права убивать дубиной морских животных, лежащих на берегу или на подводных скалах, но он может их убивать гарпуном, в противном случае алеуты боятся, что ребенок родится мертвым. Также не имеют права ничего отрезать от выброшенного на берег кита. Если алеутка желает после тяжелых родов бесплодия, то она не закапывает послед в землю, а бросает его на землю, чтобы он стал добычей животных и птиц. Для грудных младенцев вешают к люльке кусочки тех животных, которых добывают в течение шести месяцев. При этом птиц вешают целиком, а от морских львов, медведей и тюленей только морды, а от рыб только куски. Это все делается ближайшими родственниками для питания матери и ребенка. Мальчики уже с юных лет приучаются к своему будущему занятию — охоте: они бросают дротики в насаженные мячики, и промахнувшийся платит круглыми костяными пластинками; или одни бросают соломенных кукол вверх, а другие стараются поймать их на дротик.

Из посуды в их жилищах имеется четырехгранный, довольно высокий сосуд для воды — Tangak, в который накладывают листья «сладкой травы» — Uhujun³, чашка из дощечек, в которую мочатся, а мочу употребляют вместо мыла для мытья рук; широкий железный нож — Olugak — с деревянной ручкой, которым они отрезают большие куски китового жира, держа его в зубах; этим ножом женщины осторожно раскалывают кости чаек — Schlukak, — из которых затем шлифуют иглы — Halluisch — на пемзе. Для более тонкого шитья (шить — Challuda) пользуются жилами лисиц, а обычно вместо ниток употребляют жилы, которые они вытягивают из спинной части кита. Жилы чаще красноватого цвета с пересекающимися белыми прожилками. Для добывания огня используют алеуты пропитанную натуральной серой — Schavan — скалистую породу. Они кладут на сухую траву сначала размельченные перья, натертые о серный камень, затем бьют камень о камень, пока перья не загорятся. Их светильники представляют собой выдолбленные камни, фитиль из сухой травы, которую они слегка разминают трением в руках, вместо сухой травы иногда употребляют корень ангелики⁴, и с наступлением сумерок каждая семья зажигает в жилище свой светильник, который, правда, дает хорошее освещение, но много дыма.

Здесь неподалеку на холме имеется свежая могила женщины, не очень высокая, к середине несколько выше, два шага в длину и едва ли меньше в ширину, покрытая дерном и травой, а сверху к ней прикреплен с помощью деревянных гвоздей еще травяной мат.

Многие алеуты на Уналашке не едят никаких крабов — Ilghakuk, — потому что крабы питаются трупами — Asschallaknak — утопленников.

Алеуты хоронят покойников в той одежде, в которой их застала смерть. С мужчинами они кладут в могилу лодки, дротики и удочки, несколько надломленные. Покойников связывают ремнями или шнурами, сплетенными из кишечных полос и кладут их в мешки или завертывают в травяные маты. В знак воспоминания о покойниках муж подвешивает труп своей жены над тем местом, где он спит, вынув предварительно из трупа внутренности и набив в него моху. Также подвешивают они трупы маленьких детей, которые висят до тех пор, пока жена не родит другого ребенка. Однако они начинают уже забывать этот свой обычай. Теперь трупы кладут на тюленью шкуру и покрывают такой же шкурой. Внутренности, вынутые из трупов, закапывают рядом с трупом в особой яме.

³ Сладкая трава — борщевик зонтичный (*Heracleum lanatum*), стебли которого собирают в июле, очищают и сушат. Так как в них довольно значительное содержание сахара, они употребляются для придания сладости в пищу (Якоби — Baessler Archiv, 1938, s. 118). Об этом растении упоминает С. П. Крашенинников в «Описании земли Камчатки» (1949, с. 230). У него «сладкая трава» — тоже борщевик зонтичный, достигает высоты 1—2 м, растет по опушкам прибрежных ивняков.

⁴ Ангелика — растение из сем. зонтичных, купырь, дягиль (Даль В. И. Указ. соч., т. 1).

Их детские люльки висят слегка наклонно, в них дети, сидя на мхе, прикреплены тремя ремнями, застегнутыми на пуговицы. Люлька представляет собой овальной формы, широкий обруч. Внизу с боков она обтянута выделанной кожей, которая наверху идет еще дальше ножек ребенка.

Одежда алеутов. У мужчин штаны из выделанной тюленьей кожи — Chochik. Они спускаются немного ниже колен, и до них доходят сапоги из шейной кожи морских котиков. Сапоги — Katschityk — легко натягиваются на ногу. На теле у некоторых мужчин надета сначала старая рубашка-парка из птичьих шкур, большей частью чистика, перьями внутрь; воротник окрашен красной краской. Поверх носят подобной формы рубашку, сшитую из кишок морских животных с капюшоном и без него. На голове носят шляпы без доньшка (рис. 1). Некоторые мужчины носят конические тонкие деревянные шляпы средней высоты. Такая шляпа делается из проваренной в воде еловой дощечки, чтобы сделать ее более гибкой; сзади соединяется суживающимися сторонами. Снаружи головные уборы выкрашены в зеленый, красный, белый, черный цвета. На каждой стороне изображено большей частью подобие глаза. Верхний край шляпы с одной стороны или по всей окружности широко обрамлен щетиной усов морских львов. Куски щетины или прикреплены в одиночку, или их несколько соединено вместе и они плотно прикреплены на значительном расстоянии друг от друга. Причем нижние концы щетины несколько срезаны. В этих щетинах иногда торчат отдельные бисерины или кораллы внизу, в середине и на макушке. Иногда украшают эти шляпы спереди еще фигурки, вырезанные из клыков моржей. В отдельных случаях сзади насажен пучок подрезанных перьев морских воронов, которые вырезаны в виде флага.

Старые мужчины имеют небольшую растительность только на подбородке и под носом. Молодые мужчины носят просунутое через носовую перегородку кольцо, на котором некоторые имеют еще бисер; на ушах носят одну или несколько подвесок из бисера; под нижней губой носят зубоподобный стержень, который они с легкостью могут выдавливать и опять вставлять языком.

Одежда женщин. Одежду женщин составляет парка, длиной до ступней, из шкур молодых котиков — Kagduk, шерстью наружу с круглым, твердостоящим воротником — Itchaschik; ее рукава спереди заканчиваются широкой обшивкой из того же меха, шерсть которого они коротко подрезают женским ножом вдоль длины обшивки — получаются полосы, похожие на бархат. Эта обшивка оторочена полоской из меха морских котиков — Chaptschidak. Внизу парка имеет такую же оторочку. Воротник большей частью украшен чередующимися рядами белого и синего бисера, а поперек посажены еще отдельные бисерины в виде крестиков красного цвета. Спереди от воротника спускаются двух дюймов или несколько длиннее три или четыре ряда подвесок из белого бисера, в которые вплетены также трубочки из янтаря толщиной в ствол пера. Янтарь — Saedak — они выменивают у жителей острова Кадьяк.

Рис. 1. Мужчина с острова Уналашки в шляпе без донышка.

От плеча до локтя, а иногда и до самой кисти, на рукава парки нашиты в один ряд узкие ремешки — Akadak, расположенные вертикально на некотором расстоянии друг от друга. На запястьях и на голеностопных суставах носят они ленты из черноватых шкур молодых морских котиков, которые унизаны бисером — Tamigi — или соединены им же. Вокруг шеи подобная же лента, на которой спереди висит бисерина. В носу носят некоторые из женщин короткий закругленный кусочек алебаstra или кость, от которой спереди с обеих сторон свисают три ряда низок бисера в два дюйма длиной. Прорез в носовой перегородке широкий, потому что при вставлении пропускают они совершенно свободно три ряда бисера. Ухо спереди вокруг украшено большей частью круглым же венчиком из бисера.

С обеих сторон нижней губы помещают они заостренный клык моржа удлиненной формы — Knighi, расположенный несколько поперек. Их черные волосы спереди до бровей подрезаны челкой, сзади они загнуто снизу и в середине завязаны лентой из тюленьей кожи или вместо этого обернуты травой; сверху они также связаны на некотором про-

тяжении шнуром из узкого ремня, а затем свисают свободно. Эта прическа называется Takkak.

На лице татуированы они различным образом черной краской на подбородке (рис. 2а—д) или от носа поперек к щекам (рис. 2е, ж).

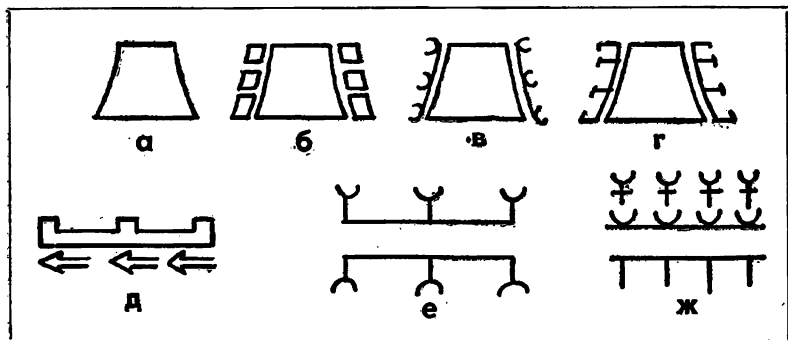

Рис. 2. Образцы татуировки.

Отдельные, более красивые парки женщин, в которых они здесь танцевали, были из евражек, которых получают с дальних островов. Парки вокруг украшены четырьмя лентами — Ikandatt, — покрытыми изящной вышивкой, которые прикреплены одним концом к парке. На рукавах и на подоле парка заканчивается такими же лентами, а пониже еще ремешками из кож молодых морских котиков. С верхнего края первых четырех лент свисают короткие низки бисера, которые заканчиваются кольцами из кораллов. По нижнему краю этих лент наложены отдельные более узкие шнуры длиной в фут, заканчивающиеся спереди кораллом или кусочком железа. К этим шнурам подвешено несколько чистиковых клювов, в которые вставлена подрезанная козья шерсть; между шнурами вниз спускались тонкие ниткоподобные ремешки одинаковой длины из кожи молодых морских котиков, а на них по шесть штук чистиковых клювов. Эти ремешки зазубрены по одному краю. Таким же образом обвешаны и рукава. На плечах, на груди и наверху на спине имеются, кроме того, связки пришитых друг к другу колец из бисерных шнуров белого цвета; на спине и на груди по три таких не очень больших кольца, а на плечах по одному. Под нижним краем этих колец пришиты иногда маленькие пучки козьей шерсти. На спине и на груди эти пучки шерсти с двух сторон среднего кольца, а на плечах — только снаружи кольца. Таким же образом украшен стоячий воротник. Вокруг его нижнего края висят с рядами клювов чистика ряды шнуров бисера длиной в дюйм. От верхнего края воротника к нижнему краю

прикреплено несколько шнуров бисера двухдюймовой длины, а с нижнего края воротника до живота спускается лента бисера в несколько ниток, с которыми перемежаются кораллы.

В алеутских селениях на Уналашке — Иллюлек, Агамгик, Учуюг встретил я кроме женщин из мужчин только старых, болезненных и нескольких помоложе, но последних использовала тамошняя компания русских промышленников для гребли на байдарках из кож морских львов. Остальные из ловких мужчин частично были взяты, иногда с женами, так как алеуты утверждали, что они в них нуждаются, на необитаемые острова различными компаниями промышленников, а частично были посланы на другие острова для ловли чистиков. Изготовленные из шкурок чистиков парки русские распределяли затем словно свою собственность. Правда, что население этих островов (Алеутских) заметно уменьшается. Можно было бы туземцев назвать ленивыми, поскольку ими двигает только ежедневная забота о пище, что, правда, связано для них иногда с затруднениями. Если раньше они имели мало потребности, кроме своей одежды, которую они получали, собственно, уже при добывании пропитания, теперь они принуждаются к работе жадной наживы так называемого культурного мира. Они должны, чтобы потворствовать лени и неловкости этих русских промышленников, жить в постоянном беспокойстве. Навязанные им новые потребности вызывают болезни, а также и голод, с которым в настоящее время они еще не умеют бороться, и опасности, которым они часто должны подвергаться. Все это уносит немало людей.

Их тойоны имеют мальчиков, которые содержат в исправности их лодки, обслуживают их и сопровождают при поездках. Если тойон умирает, то, согласно обычаем их предков, душили мальчика, чтобы похоронить с ним вместе. Русские промышленники утверждают, что они спасли несколько мальчиков от этого из рук алеутов.

Если можно верить рассказам, то освобождаются старики алеутов сами от груза жизни, когда они в тягость себе и другим. Такой алеут обращается к молодым, которые едут или высылаются на рыбную ловлю, со словами: «Сегодня еду с вами» — и тогда едет вместе, удит, как остальные, только при возвращении назад задерживается у места, где скрытые подводные камни наплескивают волны. Другие, которых русские промышленники ждут на берегу, чтобы получить свою добычу, выходят из лодок — старик едет к самому опасному месту; русские промышленники, которые это видят, кричат тогда с берега: «Кричите, махайте старику, чтобы он избегал опасности», но остальные смотрят молча или улыбаясь в свои парки. Наконец иногда они говорят: «Он хочет утонуть», потому что при выезде еще они заметили его намерение, но не возражали и не показывали вида, что догадываются, а, наоборот, радовались этому предполагаемому ими мужеству. Старик подъезжает ближе, лодка опрокидывается, и он тонет, а остальные, которые за ним тайно наблюдали, одобрительно улыбаются ему вслед.

Островитяне носят во всякое время года одинаковую одежду. Зима,

говорят, у них мягкая, снег выпадает глубокий, и сильные землетрясения нередки.

В хижинах нельзя найти огня, чтобы согреться, особенно перед сном; а спят они на травяных матах и закрываются такими же матами. Женщины зажигают хорошую охапку сухой травы и стоят над таким огнем в своих парках. Когда муж возвращается после охоты или ловли в холодную погоду домой, то жена старается согреть его подобным же огнем, затем предлагает ему еду. Они едят в жилищах не все вместе, а каждому мужчине жена подает еду в его собственном отделении. Иногда они согреваются над огнем светильника. Вследствие их привычки эти островитяне с трудом начинают переносить тепло внутренне-го жилья.

Алеуты используют перья овсянок для своего более тонкого шитья.

Алеуты сушат мясо морских котиков впрок, а жир перетапливают.

Для лодок употребляют кожи больших тюленей, как наиболее мягкие.

Если островитянин находит на берегу тюленя или другое морское животное, которое другой подстрелил и которое прибило к берегу, то он имеет право сохранить за собой животное, но должен отдать охотнику гарпун, застрявший в теле животного, и тот оказывается этим очень доволен и делает на гарпуне маленькую зарубку или знак — *Anet-schün*, — доказательство того, сколько животных он убил своим гарпуном. Охотник просит себе также при этом желчь, немного крови, мочевой пузырь и глаза животного и все это бросает в море, чтобы это не досталось воронам, так как они утверждают, что в противном случае не будут иметь счастья на охоте.

У подножия низкой горы в нескольких шагах от бухты⁵ лежит куча маленьких камней, к которой каждая из женщин, показывающих нам узкую тропинку, прибавляла один камень. Эти кучи камней служат в качестве указателя дороги, чтобы не заблудиться при густом тумане. Знаки эти называются *Auntschhun* и устанавливаются также на торпаниках.

Птиц ловят алеуты на своих стоянках петлями из китового уса — *Nygatt*, которые прикреплены к палке. В эти петли птицы попадают головой или ногами.

Жилища жителей острова Кадык⁶. Их жилища — *Tzikluak* — похожи на жилища алеутов, только углы несколько закруглены; более маленькие, большей частью четырехугольные, с одной дверью, в которую можно входить только согнувшись. Внутри хижины в середине четырехугольный очаг — *Кнеһиик*, несколько углубленный в землю. Стены ямы выложены камнями. В крыше над очагом имеется четырехугольное отверстие, к которому стены идут несколько наклонно. По бокам

⁵ Может быть, Мерк имел в виду Бобровую губу.

⁶ Речь идет об эскимосах, жителях о. Кадык, которых еще называют кадыкцы, или коняги.

хижины стоят их вспомогательные постройки — Ugloch, называемые у русских сараями. Смотря по величине хижины, приходится от пяти до шести таких построек на живущих одним хозяйством, или родственников, или знакомых. К этим сараям под несколько более низким земляным валом ведет наискось проход примерно для одного человека. Каждый сарай стоит недалеко от хижины. Боковые столбы сараев представляют собой поставленные четырехугольником бревна небольшой толщины и высотой несколько более 60 см. Точно такие же бревна образуют и стены, которые скошены кверху так, что наверху остается только маленькое квадратное окошко, обтянутое кишечной кожей. Иногда имеется еще окошко сбоку. Под этих сараев на одном уровне с хижинной, на котором еще более узкая балка отделяет место для спанья. По наружному краю балки еще вставлены зубы морской выдры. Боковые сараи, как и хижины, покрыты снаружи сначала травой, затем землей или дерном. Эти сараи теплые, почти душные, и не лишены насекомых. Они служат им для спанья, также в них сидят большей частью днем; затем они служат банями, которыми пользуются очень часто. Для бани застилают пол свежей травой, нагревают камни перед хижинной и обливают их в сарае водой, где мужчины и женщины основательно потеют и натираются корнями.

Среди их хижин есть одна отдельная, более крупная, внутри без опор, сделанная из балок, по образцу их сараев, которая предназначается для вечерних увеселений — для танцев, которым они предаются всю ночь напролет до утра, с осени, в течение всей зимы, пока у них хватает продовольствия. Такая хижина называется у них Chasii.

Их мужские танцы — дикое беснование — Pilchkalaktutt, как у кенайцев⁷. Кадыякцы обмазывают для танцев свое лицо, наверху у глаз белой краской, под этим — черной краской или также от лба вниз к носу белой, затем красной; другие носили маски — Najut, — сходные с таковыми у алеутов. Свои маленькие шляпы они украшают четырьмя положенными вокруг рядами смоченными белыми пушинками и одну помещают сверху, а то украшают пушинками свои распущенные волосы. Некоторые носят иногда с обеих сторон по косе стоящему назад качающемуся перу. Танцуют они большей частью голыми, только с набедренными повязками. Их меховая парка перекинута через плечо или повязана вокруг бедер; у других эта парка завернута кверху, а рукава засучены выше локтей. Один прыгал больше прямо кругом на месте, держа руку то на талии, то держа в ней свою меховую парку на некотором расстоянии, а в другой руке он держал ножик, которым махал то в одну сторону, то в другую, а также через плечо. Другие держали трещотки из клювов чистиков — Kaelchnait, в каждой руке одну или вместо этого пучки перьев. Они танцуют большей частью согнувшись, с выпяченной грудью, с расставленными ногами, часто также согну-

⁷ Кенайцы — племя из Внутренней Америки. Они вместе с чугачами и конягами были зависимым населением Российско-Американской компании.

тыми в коленях. Они приближались друг к другу, прыгая вперед, в стороны, держа голову то вверх, то вниз, при этом руки вытягивали несколько вперед. Руки с трещоткой выбрасывали быстро — одну вперед, другую назад, то обе прочь от себя в стороны, также и с перьями, которые они держали так, как будто целились во что-нибудь. Остальные при этом били в бубны и пели хвалу своим родственникам — в воспоминание о них.

Бубен называется у них *Ttschaujak*; колотушка к нему — *Mumuk*.

Затем эти танцы сменяются танцами женщин — *Ujuungut*. При танцах мужчин женщины лишь медленно поют, а мужчины им в такт двигают бубнами с пением, напоминающим возгласы ликования. Теперь женщины, стоя в один ряд, взялись сначала за руки, или каждая, держа свою руку под рукой соседки, поворачивала ладонь то к себе, то от себя, затем они наклонялись несколько раз медленно то в одну сторону, то в другую, причем крайние держали свою нижнюю часть руки ладонью наружу, а верхняя часть руки была прижата, затем прыгали они, прижав руки к бокам, в том порядке, как они стояли, и наклонялись затем прямо вниз, потом они кланялись вперед, каждая крайняя положив руку на талию. Так как они думали, что достаточно удовлетворили наше любопытство, то теперь стали танцевать все вперемешку, причем каждый колотил в свой бубен, и на этом игра закончилась.

Одежда мужчин. Во всякое время года мужчины носят парку из птичьих шкур — *Atkuk*, которая надевается большей частью перьями внутрь, реже из евражки или тарбагана. До прихода русских они имели парки из меха морской выдры (калана) или лисы. При теплой погоде ходят часто голыми, закрывая только чресла, привязывая к ним ремнями кожи морского котика, мех евражки или хвост морской выдры, а теперь иногда привязывают только траву. Штанов они не носят никогда, только носят легкие сапоги, доходящие до колен из шейной кожи морских львов или из меха тюленей — *Wodschick*. Они также имеют дождевые рубашки из тонкой кишечной кожи — *Kenjachliak*, которыми покрывают голое тело. Птичьи парки украшены пришитыми снаружи вокруг более или менее одинаковыми кусками из кож евражки, идушими рядами поперек ко шву, на плечах по одному, на груди такой кусок полностью прикреплен. Их шляпы маленькие, имеют форму короткого конуса со сплюснутым дном и окрашены. Называются *Nukwachtuk*. Жены плетут их из корней ели — *Аугупак*; а некоторые носят шляпы, которые заканчиваются цилиндрами с несколькими уступами — *Kaukchualik*, или носят шляпы, сходные со шляпами алеутов, — *Auiginak*. На шляпах носят подрезанные перья морских воронов, обтянутые красной кожей голени чистиков, иногда с несколькими бисеринами. В волосы бороды вставляют они маленькие кусочки чистиковых клювов.

Один тойон, который представил нам квитанцию об уплате ясака, имел вставленные под нижней губой с двух сторон у углов рта за-

остренные, косо торчащие наружу моржовые зубы, по одному с каждой стороны, между которыми были довольно широкие нити из горла морских воронов, называемые у них Cootchak, и кольца из разноцветного бисера. К одному из волос его бороды, которая уже начала сесть, была прикреплена около середины синяя бисерина. У других мужчин были под нижней губой торчащие вперед до десяти плотно прилегающих друг к другу рядов из трех бисерин каждый. Одна бисерина была белая, две другие синие. Ухо снаружи украшают кругом крестики из бисера со спускающимися низками бисера.

Одежда женщин. Женщины носят парки (без воротника) из птичьих шкур и рыбьих кож, а также из выделанной кожи. Край оторочен местами обшивкой из коротких полос меха молодых морских котиков. Спереди вокруг груди и на рукавах, которые достигают половины предплечья, парки украшены полосами из меха морских котиков. Иногда эти парки сделаны из меха евражки, украшены вдоль шва кусочками меха одинаковой величины. У птичьих парок на груди, на спине, до локтя нашиты узкие куски кож евражки более свободно.

Волосы спереди обрезаны до бровей, поверх уха — несколько длиннее, сзади они сверху и снизу вдвойне свернуты и в середине завязаны.

Сквозь носовую перегородку просунуты тонкие деревяшки в три плотных ряда, украшенные синим и белым бисером, а на концах деревяшек висит по одной белой или синей бисерине. Иногда украшает деревяшку еще продолговатый, плоскообразный кусок кожи, прикрепленный перед бисером. В середине, где деревяшки проходят сквозь носовую перегородку, они обернуты шелком. От перегородки деревянные идут в обе стороны на $\frac{1}{2}$ дюйма длины, несколько отгибаясь вниз. Это украшение называется Maidat.

В нижней губе некоторые имеют от 6 до 7 колец или удлиненных подвесок из нанизанных синих бисерин, скрепленных внутри губы костяными штифтиками. Другие носят четыре ряда отдельных бисерин со спускающимися дальше шнурами бисера. Некоторые имеют шнуры бисера, свободно спускающиеся от нижней губы на 2 дюйма, другие — 15 деревяшек с прикрепленными к ним шнурами бисера в 1 дюйм длины. Шнуры плотно прилегают друг к другу. Украшение нижней губы называется Kukadshit.

Наружный край уха украшают шнурами из синего бисера, концы которых спускаются довольно низко. Вокруг одного уха бывает 6, а вокруг другого 8 таких шнуров. У некоторых ухо украшают 6 крестиков дюймовой длины из синих и белых бисерин, а от них еще несколько свисающих шнуров бисера синего цвета подлиннее, а также перемежающегося с белым или красным. Украшения, а также подвески вокруг ушей называются у них Akchlyditt. На шею носят женщины, как и отдельные мужчины помоложе, нитки нанизанного белого или синего бисера, иногда с перемежающимися кусочками янтаря — Amat, который они здесь не часто находят, а потому ценят.

Их татуировка — это выкалывание иглами из костей чаек, а затем

чернение углем. У женщин только на подбородке. Называется Tamlon. Когда девушки вступают в половую зрелость, татуировка на подбородке протягивается дальше к ушам. На щеках имеются маленькие кругленькие пятна — Tur; от плечей вытатуированы зубчатыми линиями широкие ленты, которые соединяются между грудями; у более богатых и на спине; между грудями еще две одинаковые точки. Такая татуировка бывает также и у мужчин — у них она называется Tschakjaul. Еще вытатуировывают они у девушек на наружной стороне предплечья свои лодки, а на внутренней части кисти руки две линии. Это называется Ihatt. Для раскрашивания лица пользуются они красной краской — Ktak, которая добывается из красной глины. Окраска в красный цвет называется у них Ktag; окраска белой краской — Kut-chlioak. Это белая известь. Обе земляные породы обжигают, растирают на камне в муку и сохраняют отдельно в мешочках, завязанных ремнем из очень мягкой кожи. Носят мешочки на такой же нитке, какую употребляют для нанизывания бисера. Для окраски в черный цвет служит им, как и на Уналашке, черноватая медная руда — Achsek, которая после превращения в мельчайший порошок смешивается с жиром и завязывается в кусок кишки. Чтобы нравиться мужчинам, красавицы окрашивают себе лицо соответственно их желаниям, потому что это больше, чем что-либо другое, имеет власть над сердцем последних и способствует тому, чтобы нравиться. У одной лицо было окрашено в красный цвет со лба до верхней губы, наряду с черной полосой примерно в четыре линии шириной посредине через нос и с обеих сторон наискось вниз к ушам; наконец, от ушей по щекам шли две параллельные черные линии. У второй на чистое лицо начиная с правой стороны от переднего угла глаза вниз вдоль щек были нанесены четыре черные полосы, три из них шли через веки глаз. С левой стороны поперек шла неровная линия, начинающаяся под глазом и доходящая до нижней части носа. У третьей нос, а также под глазами и по направлению к щекам вниз — все было окрашено в красный цвет. На правой стороне две одинаковой ширины блестящие черноватые полосы, первая начинается от носа поперек, вторая под ней, в то время как слева две такие линии шли от глаза прямо вниз. У четвертой под носом до татуировки подбородка лицо красное с черноватой полосой через все щеки до ушей. У некоторых еще, начиная от бровей, идут черноватые линии косо назад и вверх. Далее мы встретили еще у одной вертикальную красную полосу, начинающуюся под носом, идущую вдоль спинки носа через переносицу и между бровями, которая на лбу расширялась и обрывалась. Наконец, еще один вид татуировки из семи черных линий, спускающихся со лба до век косо по направлению к внешним углам глаз. В середине, между ними, лоб оставался чистым. Старые женщины имели только лоб окрашенным в красный цвет. У юноши были окрашены в красный цвет лоб, щеки и нос. Иногда их лица были раскрашены с обеих сторон лба широкими полосами на левой щеке до половины, а правая щека раскрашена полностью.

Их женские мужчины — Ahapautschak — ходят одетыми подобно другому полу (женщинам), как и одинаково с ними разукрашены. Где в доме имеется несколько детей без девочек, то родители определяют одного мальчика на женские работы, который так свыкается с несвойственной ему одеждой и со своим женским положением, что глаз не может отличить его от женщины. Они никогда не женятся, однако иногда удовлетворяют свои половые потребности и, хотя не все, попеременно выступают в обоих полах. Они сопровождают мужчин на отдаленную охоту, причем у них всегда имеются нитки и иголки и все, что нужно для шитья.

Среди мужчин на Кадыаке оказалось несколько более значительно роста, чем жители о. Уналашки. Их нос более выступал вперед по сравнению с тем, что наблюдается у других туземцев Азии; их черные глаза не такие маленькие. Среди женщин можно встретить немало с приятными чертами лица, их превосходят в этом отношении только те жительницы о. Уналашки, которые имеют отцами русских промышленников. Только первые кажутся более ворчливыми, стыдливymi и сдержанными.

Как мужчины, так и женщины нюхают табак, если находят его готовым, так как они еще не умеют его растирать. Женщины нюхают табак с меньшей жадностью, чем мужчины. Женщины на Уналашке едва ли нюхают табак, так как там этот обычай довольно редок.

Занятия и образ жизни этих туземцев (кадыакцев). Зимой мужчины удят палтуса — Saik, делают дротики и лодки. Незадолго до этого они имели еще большие лодки на 20 человек — Angiak, теперь только одноместные — Chajak и двухместные — Chajachgak. Трехместными пользуются только ради удобства русские промышленники. Кожаные их каяки пошире и покороче, чем у алеутов; они на ходу менее быстры; весло у них короче, однолопастное наверху с короткой поперечной ручкой. В каяках сидят на коленях. На некоторых каяках установлено вертикальное приспособление для прицеливания, представляющее собой тонкую ветку, расщепленную вдоль, причем нижние концы этих двух половинок плотно связаны нитками, а верхние концы распираются специально вставленной поперечной деревяшкой. Еще возят они на своих каяках связку дротиков с коротким оперением, дощечки для метания дротиков, гарпун — Tochsyт, плавающий пузырь, для которого берется шнур — Aktschuk, из жил речной выдры — Punchpak, затем пузырь со свежей водой и приспособление для вытягивания воды из пузыря, сделанное из стебля водоросли или из несколько больших размеров зонтикового растения.

В феврале, марте до апреля идут они на юг на охоту на морских котиков — Atyk. С мая до июня следует охота на каланов (морских выдр) — Achna, в июне — июле охотятся на китов — Ahuk, морских львов — Adachluk, морских свиней⁸ — Mangak, тюленей — Schuek и ло-

⁸ Морская свинья, морская свинка — дельфин (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

вят птиц. Китов убивают они с помощью гарпуна, короткая часть острия которого остается в теле животного. Наконечник гарпуна делается из шифера. Кита ремнями тянут к суше, однако он разбивает иногда слишком близко подошедший к нему каяк. Из жил кита, больше из жил хвоста и меньше из жил мяса, женщины делают нитки, как и из жил дельфинов, но не из жил морских львов. Жилы кита — Kihachlut; нитки из жил — Kluchkett; жилы дельфинов — Paiginak. Охотятся на морских львов, когда они находятся в спящем состоянии, и бьют их дубинками. Острые дротики иногда из раковины, в которой можно найти и жемчуг. Нитки из жил морских львов раньше употребляли они также для петель на лисиц. Что касается их дротиков, то концы последних различны:

1. Pektok — на морских котиков.
2. Kuguluvak — на каланов (морских выдр) и уток.
3. Как № 1 — на дельфинов.
4. Как № 1 — на морских котиков.
5. Tchauyk — на тюленей и морских выдр.
6. Kallugiak — на китов.

С мая по сентябрь появляется красная рыба, но не во всех речках, также белая рыба и горбуша; чавыча показывается только вначале в небольшом количестве. Они ловят рыбу вершами из тонких веревок из жильных ниток — Kuweschik. Сушат рыбу, разрезав ее пополам, — юколу — Таппи. На обработке рыбы работают женщины. С конца июня до 20 июля собирают клубни сараны; в сентябре — корни макарши⁹; в августе до сентября — ягоды, а именно: шикшу¹⁰, скорбутовые ягоды¹¹, красную смородину, голубику, чернику, тот вид малины, который растет на Уналашке, — ягоды продолговато-закругленные, большие и красные. Один вид щавеля мнут ногами, варят до густоты и с его помощью сохраняют в ямах пластами нарезанное китовое сало. Из кожи красной рыбы, очищенной от мяса и чешуи, варят клей — Ариитак, для чего якобы лучше всего использовать кожи отошавших к осени после икрометания рыб. Мясо морских львов варят всегда. Рыба, китовый жир для них безразлично — вареные или сырые. Их глиняные горшки для сала — округленные, от середины вниз скошены, в самом низу тупые, поэтому наверху пошире. Их питье — только чистая вода. Их огниво по образцу камчадалов — Tutingak: два хорошо высушенных в дыму куска дерева, один широкий и плоский, снабженный в середине двумя круглыми углублениями, в которые они вкручивают с помощью ремня другой более длинный, заостренный на конце кусок дерева.

У них отсутствует всякое представление о каком-либо божестве, существе, которому все обязано своим существованием; любой образ,

⁹ Макарша — растение змеи-корень (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

¹⁰ Шикша — ягода и растение водяница (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

¹¹ Скорбут — цинга. Вероятно, какие-то ягоды, помогающие от цинги (Scharbootsbeeren).

служащий для того, чтобы вызвать в них понятие об этом, не послужил ни к чему, всякое допытывание оставалось бесплодным, также никакого названия высшей силы не могли они нам привести, и так как мы не раз говорили им об имени бога, то ответ их был: «Его нет, как же надо его называть?», разрушая нашу последнюю надежду достичь цели. Что касается злого существа, то они говорят, что их шаманы в экстазе видят дьяволов и что последние живут в земле. Их шаманы, к каковому ремеслу склонны также и женщины, — Kalahelik — не имеют никакой специальной одежды, только они раскрашивают себе лицо и украшают голову несколькими перьями; они соревнуются друг с другом ради жалкого дохода. Свои заклинания они направляют против болезней, против бурной погоды, если она препятствует выезду; затем они пытаются предсказывать будущее. Они думают, что в состоянии предусмотреть, на что следует надеяться в предстоящей охоте или какого исхода ждать от предпринимаемого спора. Если умирает большой шаман, то он иногда показывается ночью на земле в виде быстро проносящейся мимо огненной фигуры со скрещенными ногами, правая рука на затылке, левая на спине — Tschachaick.

Что касается их болезней, то это наружные нарывы, также и на лице, более в горле, как и в носу, боли в костях, разъедание костей так, что кости ломаются — сифилис уже с давних пор — Itungunachtak; затем страдают они также глазными болезнями, так что они часто слепнут; впрочем, они достигают глубокой старости и уже едва могут ходить. Они пользуются кровопусканием — Taskaик. Прибегают к нему при головных болях, прокалывая вены на верхней части кисти руки железным ножом. Железо они получают из обломков кораблей, прибывших морем, или выменивают его у какого-то далекого народа, живущего на суше.

Своих мертвых погребают они в круглых могилах глубиной в три фута вокруг своих хижин или же поодаль, где они думают, что место подходящее. Они надевают на них новую парку, раскрашивают лицо, кладут их украшения из кораллов, которые уже считаются нечистыми; на дно ямы настилают траву, на траву расстилают шкуру тюленя, на нее кладут труп на бок, пятки к зад и закрывают яму старыми балками, на которые у мужчин кладут каяк, гарпун и стрелы (все это в нескольких местах разрубая), натягивают поверх их сеть и все привязывают ремнями к балкам; с боков и сверху кладут тяжелые камни. Еще закапывают они рассыпанные кораллы в близком к могиле месте. Их могилы называются Kunguk. Трупы своих более любимых родственников они кладут в один из своих сараев на шкуру тюленя и закрывают такой же шкурой, причем вход туда хорошо закладывают. Если же вонь начинала распространяться в хижину, в которой они попрежнему жили, то они обрушивают сарай на гниющий труп и укладывают снаружи сарай все, что обычно кладут на могилу.

При погребении стоят родственники и друзья и оплакивают покой-

ника. Иногда оплакивают по нескольку дней. Из оставшихся обычно отец и мать, а если их нет, то ближайшие родственники остригают волосы и чернят лицо углем на некоторое время. (Их различное раскрашивание во время ли радости или когда они идут войной друг на друга я не мог определить с помощью расспросов). Волосы они потом опять отрастают. То и другое соблюдают дети после смерти своих родителей или супруги, если один из них умирает; если умирают более богатые или более почитаемые, то убивают еще раба или рабыню (в зависимости от их пола); чтобы похоронить вместе с покойником. О мертвых думают они, что отправляются они к дьяволу и сами становятся дьяволами; также при неожиданной смерти думают, что покойника задушил дьявол.

Эти островитяне берут от одной до трех жен, а в зависимости от благосостояния — до шести. Их брак является куплей — продажей, а когда имеется взаимная склонность, то идут обрученные сначала друг с другом в баню, без последующих затем обычаев. Однако жених дарит отцу невесты кое-что, что у них в значительной степени принято, а отец невесты дает ей кое-что из одежды, в результате получается как бы обмен. Большой частью муж приходит жить к молодой жене, однако, если нужно, она идет вместе с ним. Кто берет в жены вдову, имеющую дочь, тот спит с обеими; также держит женщина двух мужей, которые мирно живут вместе в одной хижине. Если супруги оказываются недовольны друг другом, то они расстаются и берут себе других жен и мужей. От ревности мужчины не совсем свободны, но она становится тогда сильнее, когда женщина заводит себе любовника. Их маленькие дети сосут долго, так что бывает, что они уже при этом бегают. Часто появляется второй ребенок, и тогда мать кормит обоих, причем им дают и обычные блюда, которые им иногда еще пережевывают.

Самого ловкого и самого сильного из их поселения рассматривают они между собой как главного — Ngajokak, который, однако, никакой власти не имеет, так как каждый у них может распоряжаться только своими собственными родственниками.

Они не терпят воров, хотя воровство остается у них ненаказанным, потому что кража среди них является только позорным поступком, но не наказуемым. Что касается убийства, то стремятся родственники убитого отомстить убийце тем же.

Их войны больше ради грабежа, когда одно поселение идет войной на другое. При этом пользуются они деревянным панцирем — Attchaat (в этом слове первое «а» едва слышно). Их рабы — это иногда сироты, которых воспитывают, иногда военнопленные, впоследствии их обменивают или выкупают родственники. Раба выменивают за двадцать кораллов на Аляске, а также и здесь.

Гостя они принимают так: несут его из каяка на плечах в хижину; затем сажают на мех тюленя или на мат, причем молодые женщины приветствуют его пением. Первое, чем они его угощают, это теплая

вода, затем ставят ему то, что у них есть из рыб, китового сала и нарезанных корней.

У них отсутствует предание об их происхождении. Сами они называют себя *Kuchtagmytt*, жители Уналашки называют их *Kaniagi*.

У них есть игра, называемая *Kagopaudat*, которую я не видел в исполнении и опишу только приблизительно. На земле на расстоянии двух сажен друг от друга лежат две выделанные тюленьи кожи. На каждую кожу кладут плоскую круглую костяную пластинку величиной с пуговицу для платья. Каждый из играющих имеет пять одинаковых деревянных игральных пластинок, которые они бросают, стоя у одной тюленьей кожи, на лежащую на другой коже пластинку. Расстояние, на которое одна пластинка упадет от другой, отмечают они двадцатью шестью короткими вбитыми в землю колышками, служащими в качестве знаков. Играет один против одного или два против двух, иногда играет один против двух. Они точно знают, как надо выиграть. Кто покроет вышеупомянутую костяную пластинку своей игровой пластинкой, получает два очка, если на костяную пластинку попадает с обеих сторон по игровой пластинке, то каждый получает три очка, а оба вместе шесть очков, если попадет на эти две игральные пластинки еще одна, то счет будет девять очков.

В шесть часов подъехали к нашему кораблю в Бобровой губе два американца в каяках, похожих на кадьякские. Они привезли в подарок речную выдру, молодую морскую выдру, морскую собаку и буревестника — по-видимому, все, что им в течение дня принесла охота. За все это они были вознаграждены бисером и нюхательным табаком. У одного была надета парка из евражек, у другого — из меха молодого медведя. У обоих поверх были надеты дождевые рубашки, спускающиеся немного ниже колен и локтей. Здешние обитатели суши называются чугачи (*Schugatschi*)¹². Они враждебно настроены к русским, но ради обмена иногда приходят к ним. Они не дают никаких заложников, как делают островитяне.

19 июля 1790 г. рано были мы у входа в Чугачскую бухту, в устье залива Нучек, против северной оконечности острова Цукли. К кораблю подъехало несколько чугачей, большей частью в двухместных, а частично в одноместных каяках. Свое мирное настроение они обнаруживали больше маханием рук, чем через переводчика. Однако сначала они опасались идти на корабль, пока наконец не решились на это. Первый приветствовал нашего начальника с вытянутыми руками, прижимаясь щекой к щеке, остальные кричали попеременно «*Lali*» — все равно что «сжался». Некоторые носили белые жестяные полосы спереди вокруг предплечья. Под нижней губой имели они поперек широкий прорез, который представляется как двойная губа, причем у некоторых было там костяное украшение. Чугачи носили парки из шкур евражек, тар-

¹² Чугачи — индейцы, были вместе с кенайцами и конягами зависимым населением Российско-Американской компании.

баганов, а в отдельных случаях птичьих парки; у некоторых эти парки были с одной стороны прорезаны под мышкой книзу. Верхнюю одежду носили из кожи оленя.

Их лодки такие же, как и на Кадыке. Отдельные лодки видел я выдолбленными из цельного ствола; также есть у них большие кожаные лодки, на которых они часто переезжают с места на место в поисках хороших промыслов. Иногда они ночуют под этими лодками, а иногда ставят себе маленькие хижины из привезенных с собой досок некоего благоуханного дерева. Своих мертвецов они якобы сжигают.

В обмен привезли они кожи морских выдр (каланов), черного медведя, рыси, евражек, а также свою утварь, в обработке которой замечается большое старание. Выменивают они охотнее всего на синий бисер, реже на белый и тех же цветов кораллы, из которых они умеют прекрасно выбирать одинаковые. Эти туземцы вспыльчивы, их расположение можно легко приобрести, но еще легче и скорее потерять. Их первое обращение было всегда, как и на Уналашке, — неистовый крик. Не получив о них сведений через переводчиков, едва ли можно было доверять их мирному настроению.

Из Чугачской бухты плыли к востоку до о. Каяк, а от него держали обратный путь к Камчатке. Весь переход занял время с июля по октябрь 1790 г.

26 декабря прибыли мы в корякский острожек, не доезжая Большерецкого острога. Местные жители здесь употребляют в пищу гриб березы и тополя, замороженный и очищенный от более твердой коры, с рыбьей икрой, также употребляют этот гриб отдельно мягким. Иногда служит он им в качестве фитиля в их лампах: после снятия коры из него делают ремешки в полдюйма ширины, потому что он легко впитывает жир и дольше горит. Живущие подальше от моря жгут больше медвежий жир, нарезанный в кубики.

В мае 1791 г. вышли из Авачинской губы к Берингову острову. Шли мимо Андрияновских островов к о. Уналашка. 25 июня 1791 г. вошли снова в восточное предместье Капитанской гавани на о. Уналашка и стали на якорь против алеутского селения Иллюлюк.

Алеуты Уналашки употребляют корень с неприятным и резким запахом — *Chogdoghag*. Его алеуты привязывают к своим удочкам для большего счастья и чтобы рыба имела приманку. Для этой же цели пользуются еще другим корнем — *Hamidok*.

Варят и сохраняют на зиму в ямах или пузырях щавель — *Alungajak*, употребляют для еды корень *Chänik*, корень *Sagana-Aliugach* сохраняют летом в ящиках на зиму. На зиму сушат водоросль *I-aku*, варят ее в разрезанном виде со свежей или сушеной рыбой, а также с салом.

Вблизи небольшого водопада в направлении бухты алеуты делают запруду путем насыпания небольших камней, которая называется *Tschungin*, а между несколькими свободными протоками устанавливают верши — *Tschajak*; последние сделаны из ивовых прутьев, имеют

форму сахарной головы длиною в полтора фута с открытым концом. Укрепляются верши тремя колышками и перед самым передним обручем поперек устанавливается задержка с помощью китового уса. Между отдельными вершиами устраивают «рыбодержатель» — Tschaghada — из нескольких камней, чтобы сохранить наловленные рыбы свежими.

О своем происхождении рассказывают алеуты, что на эти острова (о. Уналашка и Умнак) пришла с запада собака, родила существо, спереди похожее на человека, сзади оно выглядело волосатым. От этого существа они и произошли. Согласно другим источникам, на западный выступ о. Умнак пришла с неба собака, сначала родила два человекообразных существа, потомки которых со временем все больше и больше принимали человеческого образ, и так как людей теперь стало много, то возникли между ними войны, почему они и переселились на другие острова и стали различать себя обозначениями: Kaulang, Sasignan, Negho. Это предание имеют также островитяне на Кадьяке. Жители Уналашки называют себя, как и жители Умнака, Kaulang, что означает местность морских львов; жители Андриановских островов называют себя Negho, что означает военнопленные; жители Крысиных островов называют себя Kargho; жители следующих островов называют себя Sassignan, что означает таких, которые выгнаны с острова или из страха перед соседями, а также по другой причине сами по себе переправились на другой остров; жители Акуна и Кигалга называют себя Kignon; жители Унимака и Аляски называют себя Koutantajagon; жители Кадьяка — Koniagi; так же называются у них жители материка вокруг о. Кадьяк. Затем следуют Kinaï, а дальше на юг — Tschuwatschi. На северной стороне Аляски живут сначала Koniagi, затем — Kinaï и дальше — Tojojus. Острова с четырьмя вершинами называют они Akugun.

Они думают, что божество — Agugock, в существовании которого они убеждены, живет на далеком Востоке, откуда начинается возникновение земли. Им кажется, что на луне они видят лицо человека, но о ней, как и о звездах, не имеют никакого дальнейшего представления. Алеуты не думают, что являются единственными людьми, но считают, что и в более высоких областях (сферах) живут люди, которых они видят и слышат при молнии и громе, когда те ведут между собою войну. Дьявола называют Chagylukajak; алеуты верят тому, что говорят их шаманы, которые называются у них, как и маски, которыми они пользуются во время танцев, — Kuhack. Они верят, что эти дьяволы живут в земле и на земле и что, если человек умрет, он никогда не может быть тем, чем он был раньше, а становится дьяволом и бродит в ночное время вокруг их жилищ; земля, которая содрогается при извержении огнедышащей горы, остается для них творением дьявола, так же толкуют они сны. Их тойоны называются Tukuck. Человека они называют Tajachu.

Их предводители не пользуются большим уважением, почему и на

их приказания не обращается большого внимания. В предводители алеуты выбирают самых зажиточных, причем сын наследует отцу, а если сына нет, то выбирают другого предводителя.

Солнце — Agadak — считают они божеством, потому что все пользуются его теплом; при буре, которая у них быстро вызывает недостаток пищи, приносят солнцу жертвы, бросая в его направлении куски черной медной руды. Также юноши и девушки после захода солнца, выходя крадучись из своей хижины, быстро разводят огонь с помощью захваченных с собою углей и сухой травы на небольшом расстоянии от хижины по направлению к морю. Тогда все, прыгая вокруг огня, так громко поют, как если бы они хотели этим пением внушить страх буре или сделать ей наперекор. Наступившее после бушевавших ветров затишье алеуты приписывают этому своему старанию.

Их летние хижины — Sakudaktschaluk; их зимние хижины — Kamuktschaluk, которые по сравнению с первыми несколько теплее. Около них иногда имеются маленькие кладовые — Ahajak — для запасов, с более узким и низким входом из хижины. В них сохраняют в желудках морских животных жир, сушеную рыбу, икру и другое. Снаружи эти кладовые вместе с входом покрыты дерном.

Занятия мужчин. Зимой, когда позволяет погода, удят палтуса — Tschagim — и треску — Atchida; идут на ловлю тюленей — Ischok — и морских львов — Kauak, хотя последних больше убивают весной, так как тогда алеуты обтягивают свои каяки тюленьей кожей. В июне ездят на ловлю китов — Allak. В некоторые здешние реки входят нерка и голец. Между Аляской и Унимаком входит кета — Anumchuda, ловлей которой они не совсем пренебрегают, хотя занимаются ею с меньшим увлечением.

На зиму из кеты они готовят юколу — Chudak. Часто алеуты весь свой запас кеты обменивают на табак. Осенью идут они на морских котиков. Их дротики умеют они бросать в цель при помощи метательной дощечки, так как у них нет луков. Различные дротики — Ajachkutag — с маленьким костяным острием применяют алеуты на добыче морских выдр — Tschugatuk; когда охотятся на морских львов, на первых порах пользуются дротиками с каменными наконечниками — Ogualok, еще пользуются костяными дротиками с тремя зубцами, последние употребляют они также и на китов. Для ловли птиц служит им дротик с четырьмя костяными остриями, которые снабжены еще зубцами — Nugup. Для ловли тюленей пользуются они гарпуном — Sakack — с каменным острием и пузырем из желудка тюленя или маленького морского льва. Если много человек выезжает в море на ловлю выдры, то собственником ее будет тот, кто первым попал в нее дротиком, хотя прикончили ее остальные; однако собственник не сохраняет ее для себя, а дарит одному из своих ближайших родственников, который затем, если ему выпадет такое же счастье, отвечает ему тем же.

Чтобы сделать эту ловлю более благоприятной, суеверные алеуты берут на свои одноместные каяки вырезанные из дерева фигурки мор-

-ских выдр (каланов) — Tschaach. Вечером перед выездом на охоту на них едят слегка горький на вкус корень растения *Lupinus* («желтый корень» называется у промышленников), употребление которого якобы вызывает на несколько часов галлюцинации, а затем — более острое зрение. Леска их удочки — *Kanahasch* — состоит иногда из прикрепленных друг к другу тонких концов той водоросли — *Macrocystis pistera* Ag, которая находится у берегов Америки, а здесь только выбрасывается из моря. Леска называется *Imagis*, также *Iwak* и делается иногда из узких полос китового уса, связанных друг с другом. У алеутов это называется *Kachsek*, как у них называется и китовый ус вообще. Для рыбной ловли в маленьких речках используют алеуты кроме упомянутой выше запруды еще сачки из китовых жил, называемые *Jugik*.

Кожей большей частью трески и кеты пользуются они вместо клея: очищают кожу зубами от чешуи, и если что-нибудь хотят приклеить, то мелко ее разрезают и варят в раковине с водой; также они заматывают куски кожи в сухую траву, чтобы склеить что-либо наспех, и держат их под огнем для набухания. Клей называется у них *Tschihijak*.

Чтобы предохранить себя от заливания волнами, алеуты обвязываются в каяках с помощью кишечной кожи, пришитой к круглому отверстию каяка, причем веревку от этой кожи они прикрепляют спереди так, что она идет назад через левое плечо. Перед собой с левой стороны на каяках они помещают на поперек натянутом тонком пучке из китового уса свое двухлопастное весло — *Chaschik*. В результате такой гребли их коричневая рука становится внизу белой. Свое весло они закрепляют справа с помощью палки с несколькими зарубками; палка окрашена в красный цвет, а с боков большей частью снабжена тюленьей щетиной. Подобным же образом лежит еще перед ними метательная дощечка для дротиков, а сзади чаще с обеих сторон по пучку дротиков.

С рассветом они встают и первое, что они делают, — это моют руки и лицо, затем принимаются за завтрак — сырые рыбы и так далее.

Кто находит на берегу выброшенного кита, имеет право оставить себе язык и половину пленки печени, из чего они шьют себе дождевики; половину жира и мяса берет тойон населенного пункта, а другая половина честно делится между всеми остальными. Кто нашел кита первым, носит на голове повязку, вышитую пестро перышками и украшенную шерстью козы, и носят до тех пор, пока весь жир и мясо не будут съедены. Раньше убивали они морскую выдру (каланов) на суше дубинками, когда они встречались еще часто. О перьях сокола они думают, что тот, у кого такие перья прикреплены снаружи каяка, значительно счастливее в охоте на каланов. Однако только редко кто имеет такие перья, потому что, согласно их обычаям, они боятся убивать сокола. Они утверждают даже, что каланы не только не боятся таких украшенных перьями каяков, но даже очень близко к ним приближаются.

Их дошчатые шляпы — Tschachudak. Дошечки парят сначала камнями, чтобы они размякли для сгибания. В отдельных случаях носят алеуты шляпы, имеющие форму замкнутого конуса, который спереди несколько вытянут. Оба вида шляп обсаживают щетиной усов морских львов — Ingbak. Также нравятся им для этого перья из хвоста наших петухов. Спереди для украшения имеются на них большей частью фигурки, похожие на морских животных и людей — Kadaung, вырезанные из клыков моржей, и фигурки, похожие на птичий клюв, — Tumhadat. Шляпы окрашивают в разные цвета, чаще вокруг, подобно полосатой ленте. Из красок пользуются черной — Kartschichtyschk, которую получают с Аляски; белой — Schwak; зеленой — Tschidgajak; красной — Olodak; желтой — охровой коры — Akungak и Badaraguak, которая покрывает дно некоторых прудов и ручьев. Эти виды находятся на Уналашке. Зеленый и черный стирают в синюю краску — Unukgtak (двухцветный). Чтобы покрыть шляпу этими красками, царапают они себе в носу до крови, и эта кровь служит в качестве связывающего средства, когда они стирают краски с водой на камнях.

Если алеуты подстреливают морского льва или морского котика покрупнее, то случается нередко, что эти животные пробивают каяк. В целях предосторожности возят алеуты с собой две целых, пригодных для надувания кожи тюленя или вместо них два пузыря морских львов, которые они, если их каяк дает течь, надувают и помещают один спереди, а другой сзади каяка, чтобы спастись у ближайшего берега. Но если в открытом море каяк попадает в сильный шторм, то он потерян, потому что хотя волны его не могут покрыть и вода проникнуть в него, но всегда можно опасаться, что они его опрокинут. Однако, если несколько каяков, например пять или шесть, идут вместе, то есть еще надежда на спасение, а именно: они прикрепляют каяк к каяку поперек на расстоянии локтя друг от друга с помощью двух ремней, из которых каждый обвязывается вокруг каяка, и затем еще на носу каяка и на корме прикрепляется по надутой тюленьей коже, которая лежит на воде в виде пузыря. На крайнем каяке с той стороны, откуда дует ветер, не должно привязываться никакого пузыря, а на последнем каяке с противоположной стороны вместо одного пузыря устанавливается по два; те, кто едут посредине, не гребут, а только крепко держат руками один каяк на расстоянии от другого; сидящие же на обоих крайних каяках гребут с осторожностью, чтобы таким образом пробиться через бушующие волны к ближайшей земле.

Занятия женщин — шитье и забота о пище. Раньше они варили пищу в глиняных горшках, теперь некоторые имеют железные котлы. Однако, когда им очень хочется есть, употребляют они свою пищу в сыром виде. Рыбу сушат, а при сырой погоде покрывают на ночь матами. Жир олений они теперь растапливают в котлах, а потом сохраняют его в желудках тюленей. После ужина женщины занимаются шитьем или иным рукоделием, которое осенью большей частью состоит в заготовлении ниток. Тем временем мужчины развлекают своих кра-

савиц пением, причем они бьют в бубны, но больше занимают сказками, которые сменяются пением. Все это делается с целью вызвать в качестве одобрения женскую улыбку.

С поздней осени начинаются их увеселения, продолжающиеся всю зиму напролет. Затем жители разных населенных пунктов посещают друг друга. Изобилие самой по себе простой пищи является главным в их угощении, которое к ночи сменяется веселыми танцами. В своих песнях, которыми они сопровождают танцы, прославляют то, что они видели или сделали. Для танцев женщины мажут себя краской из черного порошка, смешанного с жиром. Раньше веселились они иногда на открытом воздухе, как мы видели еще теперь на Танаге. При этом они соревнуются в скакании вверх на большой коже, которую держат растянутой большое число стоящих вокруг, постоянно сменяясь, причем прыганью способствует одновременное подбрасывание кожи держащими. Это скакание под ликующее пение остальных повторяется до изнеможения. Если приходит сюда чужой с других островов и ходит, словно попрошайничая, от одной хижины к другой, то все уделяют ему кое-что из пищи.

Татуировка на подбородке — Tchebloat — производится, когда девушки вступают в половую зрелость, что у них, как говорят, происходит около 20 лет или позже, а то и просто для украшения у женщин — по щекам, на ноге, на руке и снаружи на передней части предплечья отдельными линиями или точками — Angatschok, на лбу и над носом — крестиками — Kuschpejok и так далее.

Когда молодой алеут собрался жениться, он покупает невесту у ее родителей или родственников. Расплачиваются они каяками, предметами одежды, а также рабами, а родители невесты оплачивают частично приданым. Более богатые берут до 7 или 8 жен. Если же им жены не нравятся, особенно когда они проявляют ревность друг к другу, то их часто отсылают назад к родителям с детьми или без последних. Реже обладает женщина двумя мужьями. Родители стараются удерживать своих сыновей от женщин как можно дольше, до тех пор, пока они не станут зрелыми мужчинами. Здесь находим так же, хотя и реже, как и на Кадьяке, женских мужчин — Aijahn huk, которые, однако, сами имеют жен. Во время месячных — Ajack — женщины не спят со своими мужьями, также не притрагиваются они ни к какой работе. При рождении детей женщинам помогают старухи, и для роженицы выбирают они более свежую пищу, которая прячется от других в хижине. Ребенок питается молоком матери до тех пор, пока у него не появляются зубы, а также кормят его кашей и поят любимыми их напитками. Имя новорожденному дают самые опытные люди поселка по тому, что им первое придет в голову — по птицам, морским животным и так далее.

Алеутки вообще стыдливы, но часто оказываются ворчливыми и упрямыми. Кажется, они не ощущают того сладострастия, которое камчадалка лелеет в себе, а скорее ждет алеутка ряд лет, чтобы из-

бежать в результате несчастного брака принуждения и бедности, тяжелой работы и лишений, а также для того, чтобы иметь возможность небольшой роскоши, так как для нее бисер, кораллы, козья шерсть, табак и парки являются непреодолимым соблазном. Это сделало их привлекательнейшими красавицами, и они могут почитать себя счастливыми, что их мужья далеки от того, чтобы смотреть косо на их любовные похождения, даже часто помогают им в этом, но всегда они должны для этого испрашивать согласие мужей и родителей, которое, правда, они весьма редко не получают.

Бань они до прихода русских промышленников не знали, а пользовались для этого иногда горячими источниками. В море, речках и стоячей воде купаются они также зимой, чтобы очистить и закалить тело и в бодром состоянии выходить на охоту. До прихода русских, по их утверждению, они доживали до 100 лет, однако теперь уносят их различные болезни.

Дряхлые старики часто топятся или просят друзей убить их.

Против болезней они, кроме кровопускания — Uchtosch, не имеют почти никаких средств, если не считать только таковыми действия их шаманов, которым они доверяют и предсказания которых принимают за определенное решение своей судьбы. Для кровопускания служит им заостренный камень — Uchtosk; сам камень получают с острова Умнака, где он называется Igak, алеуты называют его Sadgydak и делают из него также наконечники для дротиков.

Болезни они рассматривают как внутреннее затвердение, которое на ощупь как камень. Корень Angelika употребляют они в вареном виде внутрь и натираются им при ранах, а корень и листья Sapagaempf употребляют внутрь.

Беременная женщина — Ichtschelgetsch. При беременности жены мужчина не должен ничего делать топором из опасения погубить ребенка. При родах уносят всю мужскую одежду в другую хижину или складывают ее в кучу и покрывают травяным матом, потому что в противном случае, по их утверждениям, они могли бы претерпеть всякие беды через очищение после родов — так, морской лев и самец морского котика могли бы погнаться за ними в море и разорвать зубами их kayak. Именно по этой причине женщины не имеют права во время месячных даже штопать мужскую одежду. Всякий сосуд для питья закрывается так же, как остатки пищи и все относящееся к мужскому полу. Стар и млад должны удалиться из хижины.

Когда ребенок родится, то его не трогают до того, пока не выйдет послед. Тогда только помогающая женщина перевязывает пуповину с помощью ниток из жил и отрезает ее острой раковиной или концом копья. Раковину и послед и копые зарывают все вместе. Новорожденный обмывается сначала мочой, а затем холодной свежей водой, после чего старуха, которая присутствовала при рождении, берет его на грудь и становится над лампой или маленьким костром из сухой травы, пытаясь согреть таким образом ребенка. Когда роды прошли, то

все мужчины от мала до велика должны выкупаться в речке или озере, даже если бы это было и зимой. О матери в течение нескольких дней заботятся — кормят ее моллюсками и свежей рыбой, однако на третий день она обычно идет уже за водой. Если мать слишком слаба, чтобы кормить ребенка, то последний должен довольствоваться сосанием кусочка тюленьего жира, к которому поперек привязывается деревяшка, чтобы ребенок не мог проглотить его.

При болезнях алеуты очень воздерживаются от еды, особенно избегают они китового жира, также и при ранах, а беременные из страха перед абортom. Женщины воздерживаются от еды и при месячных. Раны перевязывают кусочками кишок, что предохраняет раны от морской воды. Если больное место кажется подходящим для кровопускания, то колет его тот, кто ловок в этом искусстве, косо и довольно глубоко. Если вытекает много крови, то надеются они на выздоровление больного, если нет, то они опасаются его смерти. Часто они пускают кровь на груди между ребрами. Если они считают, что болит сердце или если страдают тошнотой или отсутствием аппетита, то царапают под языком для выпускания крови. Также парят больные места горячим камнем, обернутым травой. Если они получают раны венерического характера — *Schiachsch*, которые они знают лишь со времени первого прихода русских, то делают они для больного, как и при всякой болезни, маленькую хижину, и только мужчина, который умеет обходиться с больными, остается при нем; женщин они совсем к нему не допускают, во-первых, потому, что считают их нечистыми, а затем — не доверяют их наблюдению, так как думают, что больному от таких глаз станет только хуже.

Говорят, что зима 1789 г. была очень обильна бурями, а так как нужда заставляла жителей обоего пола добывать себе пищу независимо от погоды, то многие умирали от простудных болезней с поносами в боку и кровохарканьем. Их одежда не очень хорошо защищает от сильных бурь. Еще я встретил здесь больную женщину, довольно бледную, с остановившимся взглядом, которая была подвержена беспричинному смеху. Давали ей полынь — *Amtemisia Vulgaris*.

Их гробы — *Kutipack* — представляют собой дощатые ящики длиной 0,6 м, шириной и высотой в 0,45 м, которые стоят на прямоугольных опорах высотой в 1½ фута. Сверху положены плахи равной длины и ширины, а на них травяные маты, на которых положены продольные плахи, иногда над травяными матами возвышается низкий холм из дерна. Еще из-под первого покрытия выступают вокруг ящика-гроба тонкие травяные маты, свисающий край которых украшен красно-пестрой каймой, с нее свисают, как на их меховых парках, с одной стороны зазубренные ремешки из кожи морского котика и кожаные полосы с прикрепленными к ним клювами чистиков. В отдельных случаях можно найти подобные же более объемистые гробницы, в которых хоронят до 10 трупов.

Для погребения надевают на покойника лучшие одежды, его руки

связывают крестообразно на груди плетеной веревкой из кишечных полосок, а также связываются ноги. Кладут покойника на спину или на бок, подложив под него травяной мат и закрыв его таким же. При погребении присутствуют родственники покойного. Снаружи кладут все, что покойнику оказывается уже ненужным — kayak, дротики, посуду для воды, все сломанное. Это называется у них *likap*. Раньше, когда умирали более богатые, убивали и рабов — *Talak* — или рабынь — *Augak*. Это были бедные жертвы, которые должны были следовать за своими повелителями, словно последние возражали против того, чтобы они их пережили. При смерти мужа, жены или более любимого родственника они прежде всего вынимали из трупа внутренности и набивали его травой, затем вешали в своих хижинах над спальными местами и держали там, пока он не начинал сильно пахнуть; внутренности, завернув в мех, зарывали. Теперь этот обычай они сохраняют только с трупами маленьких детей, которых они сохраняют в своих хижинах, пока не родится другой ребенок.

После смерти мужа остается вдова 30 дней и ночей в обвешанном травяными матами отделении хижины, где они раньше вместе спали, не выходя из него, и без того, чтобы кто-нибудь ее видел, потому что ее считают в это время нечистой. Ее родственники подают ей пищу и воду, а свою нужду отправляет она в яму. Если умирает жена, то муж также должен отсиживаться на упомянутом месте, но только 20 дней и ночей. Тот же обычай должны соблюдать и девушки при своих первых месячных. В знак траура по умершим женская родня покойного обрезает себе волосы на голове по кругу, оставляя немного только наверху. Теперь, когда они уже отказываются от своих обычаев, кладут нескольких покойников в одну могилу. Встречал я иногда на их могилах морды тюленей и пузыри морских животных, как доказательство того, что совершил покойник в своей жизни.

Говорят, что раньше многие алеуты имели собак — *Ainkuk*, но с того времени они у них вымерли от голода.

Вместо мыла для мытья пользуются женщины мочой. Здесь употребляют такое же деревянное огниво, как на Кадьяке.

Приведенное выше узнали мы с г-м Робекком с помощью переводчика Михаила Лаврентьевича Милкова, который раньше еще был с русскими промышленниками в Америке.

Во время месячных носят женщины повязку из ремня вокруг туловища и вторую между ногами, чтобы удерживать мелкий мох, который они меняют несколько раз в день; последняя сохраняется еще два дня после того, как месячные прошли. Тогда женщины сначала моются и после этого снова могут спать со своими мужьями. Если женщина из неосторожности по своей вине рождает преждевременно мертвого ребенка или, чтобы скрыть любовь на стороне, изгоняет свой плод выдавливанием, то это у алеутов имеет важное значение, потому что грозит бедой для семьи. Одежда, меховая парка, такой женщины набивается травой и выставляется, а муж, брат, ближайший родственник или

старейший из населенного пункта пускает в одежду несколько стрел, чтобы показать толпе, что женщина сама застрелена, в то время как последняя тайно крадется к хижине. Это наказание налагается на бывшую беременную шаманом. Вечером набитая парка ставится между хижиной и костром. Сама женщина должна встать позади парк, так что видно только ее лицо. Тогда старейший указывает на нее пальцем и говорит: «Это — злодейка». После чего в парк опять стреляют, а женщина вместе с последней падает на землю, где стар и млад бьет по парке палками, в то время как женщина опять тайно крадется в хижину и остается там, спрятавшись, 24 часа, после чего она снова может взять свою одежду, которая столько же времени остается лежать вне хижины. Алеуты считают, что если бы они таким образом не наказывали это несчастье, то один из родственников утонул бы или погиб каким-либо другим способом, а другие не имели бы удачи на охоте или во время рыбной ловли.

Описание конягов мыса Родней¹³. Их летние хижины по своему объему и высоте скорей маленькие. Это несколько конусообразно установленных длинных жердей, внутри, ближе к середине, к ним привязан обод более тонкого сечения для их поддержки. Снаружи они покрыты невыделанными шкурами тюленей, которые сверху перетянуты ремнями. Шкуры в некоторых местах — для проникновения света внутрь шалаша — заменены выделанными кишками или куском кожи. Для того чтобы защититься от дождя, так как хижина наверху оказывается несколько открытой, они подвешивают внутри сосуд из дерева, сделанный большей частью в форме морских животных или рыб, с украшениями, вырезанными из зубов моржей. Этот сосуд обвешан цепочками, изготовленными из куса моржового клыка. Пол хижины выстлан травяными матами, а по сторонам настланы доски. Они покрыты матами, на которых спят. При хорошей погоде они спят снаружи, на шкурах оленей.

Зимняя хижина более маленькая, а внутри к середине — на целую голову ниже человеческого роста. Она представляет собой несколько продолговатый четырехугольник из бревен, лежащих друг на друге по семи в ряд; только та сторона, где имеется входная дверь, сделана из косо стоящих одинакового размера бревен. Внутри хижина несколько ниже уровня земли и выложена толстыми досками, в каждом углу с бревенчатой опорой. В середине хижины в углублении — место, обложенное камнями для костра, а над ним находится квадратное отверстие в крыше. Крыша, будучи сооружена поверх горизонтальных балок, приподнимается под углом к этому отверстию. Вся хижина покрыта снаружи землей и илом.

¹³ 29 июля 1791 г. доктор Мерк и его спутники высадились на Американском берегу недалеко от мыса Родней и встретили людей, которые не понимали по-алеутски, а один старик понял только казака из Гижики, который заговорил по-чукотски, и отвечал ему. (Якоби называет этот народ коняги). Вероятно, это эскимосы Американского побережья Берингова пролива.

Волосы на голове мужчины носят низко подрезанными, только сзади около ушей и частично также спереди над лбом они оставляют волосы подлиннее. У углов рта они имеют по прорези, в которых некоторые носят с наружной стороны матово-прозрачную дощечку из зеленой яшмы двухдюймовой длины, но меньшей ширины, с тупыми, слегка закругленными концами и косо прилегающую ко рту. Эта дощечка закрепляется в прорези с помощью кнопки, вставленной в середине ее. С другой стороны в прорези имеется таким же образом закругленная кнопка из моржового клыка, в которую иногда бывает вставлен в середине синий коралл. Другие носили вставленными только подобные кнопки из темной яшмы, которые через всю середину имели паз.

Одежда мужчин. Их штаны доходят у некоторых до половины голени, а иногда они коротко спускаются ниже колен или идут до лодыжки. Теперь они носят штаны из мягкой оленьей кожи или из обработанных шкур тюленей, волосом наружу; наверху у них нет пояса, но штаны закрепляются на бедрах с помощью продернутой веревки, которую спереди закрывают небольшим, свисающим вниз куском меха. Их легкие сапоги с простыми тонкими подошвами из шкуры тюленя доходят до икр или до колен, где обвязаны вокруг и выше лодыжки тонкими ремешками. Еще носят они штаны из выделанной более легкой оленьей шкуры, волосами внутрь, с сапогами до колен из камуса оленей. У некоторых штаны и сапоги из одного куска выделанной тюленьей шкуры. Впрочем, у них есть еще цельная непромокаемая одежда из дубленой, пропитанной жиром кожи тюленя, с капюшоном, перчатками и сапогами вместе. Надев ее, стягивают вокруг шеи.

Два туземца, которые первыми вышли нам навстречу, были без сапог и без штанов и даже без набедренных повязок. Вообще, чтобы облегчить себе ходьбу, они большей частью ходят босиком. Что касается их нательной одежды, то они носят теперь одну, большей частью две меховые рубашки с капюшоном, перевязанные слегка поясом. Шьются рубашки из шкур молодых оленей, и одна из них носится волосом внутрь. Рубашки едва лишь достигают бедер и с боков имеют, хотя и реже, по закругленному вырезу. Некоторые носят парки из евражек, крыс и куниц, причем первые подбиты мехом молодых оленей, а также снабжены внизу широкой бахромой. Капюшон заострен, к нему иногда бывает пришита полоска из меха оленя или меховая кисточка. Иногда парки оторочены мехом россомахи, волка, зайца или оленя. Парки имеют часто стоячий воротник. Их пояс — это кожаный ремень, который пошире спереди, где в середине прикреплен морда оленя. Также имеют они иногда на поясе привязанный сбоку хвост лисицы или волка. Поверх этой одежды надевают еще, большей частью когда погода кажется им не очень устойчивой, одинаковой длины с этой одеждой дождевую рубашку из кишок, с капюшоном, который они завязывают спереди продернутым шнурком из жил. К концам шнура, которые свисают на грудь, у одного были прикреплены красные лапки.

европейской морской ласточки. У других капюшоны дождевых рубашек были обшиты спереди небольшими пучками лосиной щетины. Некоторые носили вокруг головы ленты из тюленьей кожи, напоминающие венок, украшенные такими же пучками лосиной щетины. Теперь же они были с непокрытыми головами, и только у одного увидел я шляпу из дерева, подобную алеутской, которая была не выкрашена, но была украшена спереди тремя рядами изображений тюленьих голов, вырезанных из моржовых зубов, а по бокам украшена единичными изображениями рыб. Также носили они рукавицы из выделанной шкуры оленя.

Их оружие. С левой стороны носят они колчан из тюленьей шкуры, волосами наружу, состоящий из двух отделений, в одном находится лук, а в другом — стрелы. В правой руке они носят копьё, острие которого в 1½ фута из клыка моржа, с вставными с обеих сторон лезвиями, выкованными ими самими из железа, которые довольно тонкие и заточены с одной стороны. У некоторых из них копьё из Гижиги. Для безопасного натягивания лука носят мужчины с внутренней стороны правого предплечья овальную, несколько выпуклую костяную пластинку, которая с помощью тонкого ремня плотно прикрепляется к руке, или подобную же из жести или листовой меди. Ножей они не носят никаких, но имеют маленькие и, как у алеутов, широкие ножички. Чтобы их править, пользуются они удлиненным нешироким закругленным куском зеленой яшмы, который висит у них на груди и привязан вокруг шеи кожаным ремнем.

Волосы женщины заплетают в две косы с боков. Некоторые носят косы, заплетенные сзади. Косы, заплетенные сбоку, загнуты у них кверху на полфута длины и затем обернуты узкими ремнями из кожи речной выдры так, что загнутые концы их остаются открытыми.

От середины нижней губы наискось к подбородку женщины татуированы, а иногда по обеим сторонам подбородка нанесены еще отдельные линии. Реже украшает их от середины нижней губы только одна единственная прямая линия. Снаружи на предплечье недалеко от кисти татуировано у них разное число таких же линий. Другой татуировки они не знают.

Вокруг предплечья носят эти красавицы железные или медные браслеты, иногда по несколько сразу. Эти браслеты, круглые или плоские, представляют собой не сплошные кольца, при надевании они растягиваются, причем на концах они тоньше. В ушах оба пола носят низки бисера в два дюйма длины, прикрепленные к ремешкам из кожи или к железным или костяным пластинкам. Иногда наряду с бисером нанизаны закругленные кусочки железа. У некоторых мальчиков были прикреплены к волосам спускающиеся на лоб ремешки с нанизанным бисером.

Обычный женский наряд составляет теперь меховая рубашка, иногда с капюшоном. С каждого бока она имеет закругленный вырез, спереди и сзади внизу она длиннее и также закруглена, причем не достигает колен. На рубашке бывает оторочка из меха россомахи, иногда

перед оторочкой внизу кругом нашита еще широкая лента из белого оленьего меха. У некоторых женщин были пришиты к рубашкам ремешки — по одному на груди, по три на спине наискось к бокам, причем средний еще двойной. Их кушак — кожаный ремень с нашитыми зубами оленя; спереди пряжка из двух кусков кости, из которых один входит в другой. Одежда их детей украшается еще иногда бубенчиками, вымененными у русских.

Их женщины жуют смолу лиственницы как будто для времяпрепровождения.

Что касается внешнего вида этих туземцев, то их волосы черные, лицо округлое, глаза и нос не такие маленькие, цвет кожи коричневый, и кажется, что они не очень любят мыться. Мужчины нередко достигают хорошего роста и ловки. Их действия, как это свойственно диким детям природы, всегда характеризуются быстротой. Женщины скорее маленького роста, похожи на тунгусок, а некоторых из них природа снабдила более мягкими чертами лица. В общем они стыдливы, так как, только покраснев, дали себя поцеловать за синий бисер или кораллы, на которые они очень падки. Живут они со своими мужьями в согласии, потому что эти ничего не выменивают, не получив согласия жен. Согласие и несогласие жен оказывает влияние на их торговые сделки. Если бы опыт еще подтвердил, что пока только казалось, а именно, что они боятся чужой навязчивости из любви к своим мужьям, то они были бы редкими экземплярами своего пола.

Эти туземцы отдают тех, кто подарил им что-нибудь, но эти подарки уступают по ценности вдвое тем, которые они получают сами.

Что касается домашней утвари, то их огниво устроено по образцу того, которое когда-то употреблялось камчадалами. Один держит кусок дерева, который имеет несколько ямочек, положив его на землю, а второй крутит вставленную в ямку палочку, после чего они раздувают искры в сухой мягкой траве. Так как они употребляют пищу большей частью в вареном виде, то имеют глиняные горшки с закругленным дном, украшенные кругом короткими надрезками. В целых, снятых чулком и надутых кожах тюленей, сделанных обработанной стороной внутрь, сохраняют мелко нарезанный жир морских животных, который затем в кожах расплавляется в сало, и его сливают через ласт тюленя, служащий в качестве отверстия, в деревянную чашку. Сало употребляют как добавление к мясным и рыбным блюдам.

Для рыбной ловли служат им довольно узкие, сделанные из жильных ниток сети. Наверху прoderнута более толстая веревка из жил, к которой для удержания сети привязаны маленькие пузыри в качестве поплавок.

Из домашних животных имеют они собак, таких же, как камчадалы. Употребляют собак для езды, запрягая их в сани.

Их танцы. У мужчин — сходные с танцами, которые мы видели на Кадьяке. Они стоят несколько нагнувшись вперед, а иногда с согнутыми коленями. Сам танец представляет собой быстрое движение рук

к себе и от себя, а также различным образом в стороны, причем они попеременно прыгают на короткое расстояние в стороны. Некоторые только подпрыгивают, стоя на месте; те, которые помоложе, танцуют иногда с криком, причем толпа подпевает не очень громко и приятно, а один колотит деревянной колотушкой с внутренней стороны по ободу бубна, похожего на алеутский.

Затем танцуют женщины. Они остаются стоять на месте со сближенными ногами, затем медленно двигают руками то в одну, то в другую сторону, держа кисти ладонями вниз перед лицом. В такт движению рук поворачивают и голову. Казалось, что они увеселяются часто, потому что никакого бубна они нам поменять не пожелали, хотя все остальное они выменивали довольно легко, даже собственную одежду. Для обмена имеют они волчьи, росомашьи или лисьи шкуры, куньи парки или куньи меха, рысьи меха, парки из шкур евражек, речной выдры, шкурки горностая, шкуры тюленей и оленей.

Вечером покинули мы также и этот населенный пункт и вернулись на корабль к ночи.

О камчадалах. Жир топят из горбуши, кижуча и нерки следующим образом в лодках: после того как позвончик вынут, рыбу бросают в большом количестве в лодку, куда бросают также большое количество накаливаемых камней, чтобы все стало вариться, и если нужно, то добавляют камни еще раз. Когда все рыбы раскрошились, вынимают камни, наливают по усмотрению холодной воды и собирают всплывающий жир.

Не вполне зрелые орехи раздробляют камчадалы со скорлупой, смешивают с мукой, которую выменивают у русских, и варят кашу, в которую еще при еде подливают рыбий жир.

Для ловли диких баранов камчадалы надевают свою меховую кушанку на шест и выставляют на такое расстояние, чтоб она была в поле зрения этих животных. Животные от нее не отрывают глаз, в то время как охотник подкрадывается и редко делает промах из ружья.

Мухомором пользуются главным образом коряки, употребляя его либо в свежем виде, так как он крепче, или засушенным в свернутом виде. Они жуют его недолго и потом проглатывают целиком. Сушеных они привыкают проглатывать до четырех штук сразу. Огурчан коряки охраняют, во-первых, чтобы подобрать то, что эти безумцы выплевывают, во-вторых, чтобы взять их мочу, которая, по их утверждению, действует значительно лучше самих мухоморов. Олени, которые любят грибы и от этого жиреют, также пьянеют от мухоморов. Коряки называют еще второй вид грибов, подобных мухомору, у которых нет белых крапинок на шляпках — беловатый мухомор, употреблять который они, однако, избегают, потому что это вызывает якобы сильные приступы с болями в бедрах.

В августе 1791 г. экспедиция прибыла в губу Св. Лаврентия, откуда начался сухопутный переход через Чукотку.

Алеутские обозначения месяцев на Уналашке

1. Зимние месяцы:

декабрь	— Tigidynamuk
январь	— Anulgelak
февраль	— Kadakissigunna

Месяц их увеселений.

2. Весенние месяцы:

март	— Agallagok
апрель	— Suchuschangol
май	— Amlitugida

Охота на морских львов и морских выдр (Muijas).

3. Летние месяцы:

июнь	— Igochtugida
июль	— Tschaghallichtugida
август	— Sadigkachtugida

Охота на маленьких тюленей и ловля птиц.

4. Осенние месяцы:

сентябрь	— Ugnamtugida
октябрь	— Tschmullimtugida
ноябрь	— Kimingimtugida

Охота на маленьких тюленей и ловля птиц.

Подготовка к охоте на морских котиков.

Охота на морских котиков.

СЛОВА КАДЬЯКСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ
К. МЕРКА О ЖИТЕЛЯХ О. КАДЬЯК¹

Achna	— морская выдра (калан)	Chajachgak	— двухместные лодки
Achsek	— черноватая медная руда	Chajak	— одноместные лодки
Adachluk	— морской лев (сивуч)	Chasii	— хижина для вечерних увеселений
Ahanautschak	— «женские» мужчины	Cootchak	— нити из горла морских воронов
Ahuk	— кит	Ennigen	— топор
Akchlyditt	— украшения и подвески вокруг ушей	Hajut	— маски
Aktschuk	— шнур из жил речной выдры	Ihatt	— вытатуированные линии на внутренней части кисти у девушек
Amat	— янтарь		
Angiak	— лодки на двадцать человек	Ikandatt	— вышитая лента
Apiitak	— клей из рыбьей чешуи	Itungunachtak	— сифилис
Avttchaat	— деревянные панцири (первое «а», едва слышно)	Kaelchnait	— трещотки из клювов чистиков
Atkuk	— парка из птичьих шкур	Kagonaudat	— игра с деревянными трещотками
Atyk	— морской котик	Kalahelik	— шаман
Auiginak	— шляпы, сходные с алеутскими	Kallugiak	— наконечник дротика на китов
Aygynak	— пихта, сосна	Koniagi	— так называют кадьякцев жители острова Уналашки

¹ Эскимосов. Имеющиеся в оригинале гласные (а, u) с умляутом по техническим причинам переданы сочетанием с «е» (ае, ue), а буква «у» с умляутом заменена буквой «у». (Прим. ред.).

Kaukchualik	— шляпы в форме цилиндра	Pektok	— наконечник дротика на морских котиков и морских свиней
Keniachliak	— дождевые рубашки из кишечной кожи	Pilchkalaktut	— мужские танцы
Kihachlut	— жилы кита	Punchpak	— речная выдра
Kluchkett	— нитки из жил	Saik	— палтус
Knehuik	— четыре хугольный очаг, несколько углубленный в землю	Schuek	— тюлень
Ktag	— окраска в красный цвет	Tackauk	— кровопускание
Kiak	— красная краска	Tamlon	— татуировка женщин
Kuguluvak	— наконечник дротика на каланов и уток	Tammu	— юкола
Kukadshit	— украшение нижней губы	Tchauyk	— наконечник дротика на тюленей и каланов
Kunguk	— могила	Tochsytt	— гарпун
Kutchlioak	— окраска в белый цвет	Tschachaick	— дух умершего шамана, появляющийся на земле в виде быстро проносящейся огненной человеческой фигуры
Kuweschik	— веревки из жильных ниток	Tschakjaul	— татуировка мужчин
Kychtagmytt	— самоназвание жителей острова Кадьяк	Tschaujak	— бубен
Maidatt	— украшение в носу	Tschekchujuk	— так называют того, кто ловок в пускании дротиков
Mangak	— морская свинья	Tup	— вытатуированные маленькие кругленькие пятна на щеках
Mumuk	— колотушка к бубну	Tutingak	— огниво
Ngajokak	— так называют главного в их поселении	Tzikluak	— жилище
Ngloch	— вспомогательные постройки	Ujungut	— женские танцы
Nykwachtuk	— маленькие шляпы конусообразной формы со сплюснутым дном	Utchuiuk	— род каракатицы
Olugak	— широкий нож	Wodschick	— летние сапоги до колен
Paiginak	— жилы морских свиней		

СЛОВА АЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ К. МЕРКА О ЖИТЕЛЯХ О. УНАЛАШКИ

Achailk	— женские танцы	Akadak	— свисающие с лент узкие ремешки из меха морских котиков
Achlychadak	— бабочка	Akkalufuk	— тропа
Adghillak	— землетрясение	Akugun	— острова с четырьмя вершинами
Agadak	— солнце	Akungk	— желтая краска
Agallugok	— март	Akutschi	— красные и чернобурные лисицы, так же называются они и на Унимаке
Aghik	— печень	Alagulot	— двухместный каяк
Agligak	— альбатрос	Aliachschilch	— старик
Agluk	— касатка, разновидность кита	Allak	— кит
Agugock	— божество, живущее на далеком востоке	Alungajak	— щавель
Ahajak	— маленькие кладовые	Amioik	— корень гвоздики
Aijahnuk	— «женские» мужчины	Amhuk	— каракатица
Ainkuk	— собака	Amlitugida	— май
Ajachkutag	— дротики (стрелы)		
Ajack	— месячные у женщин		
Ajaschuk	— морской ворон		
Ajohnak	— морской еж		

Anetschhun	— куча камней	Iganak	— берег с подводными камнями
Anetschin	— зарубка на гарпуне	Igatsch	— внутреннее озеро
Angaigik	— морская свинка	Igdak	— кремьнь
Angatschok	— тагуировка отдельными линиями или точками	Igdakak	— огниво
		Igochtugida	— июнь
Anigs	— железный топор	likan	— вещи покойника в разломанном виде, которые кладут снаружи могилы
Anjak	— кишки		— одностенный кожаный: каяк с прямым носом
Anuk	— течение	Ikjak	— родственник
Anulgelak	— январь	Illäsch	— краб
Anumchuda	— кета	Illghakuk	— леска
Aschuk	— горшок	Imagis	— мешок, сшитый из кишок
Asschallaknak	— труп	Imlok	— щетина морских львов
Atchida	— треска	Inglak	— тюлень
Audan	— буревестник	Ischok	— плетеный травяной мешок
Augak	— рабыня	Isschatik	— кант красного цвета, украшающий парку мужчин на плечах, груди, спине и спереди на рукавах
Aulak	— подвески в ушах	Itchak	— жесткий воротник на меховых рубашках обоего пола. У женщин из тюленьей кожи, у мужчин из меха оленя белого цвета. Употребляют на это мех оленей, заколотых осенью. Этот мех они также вымывают на Аляске
Auntschhun	— знаки на дороге или на торфяниках	Itchaschik	— олень
Badarguak	— краска, которая покрывает дно некоторых прудов и ручьев		— также леска
Bavtacki	— <u>кожи тюленя</u>		— прибой
Chagylykajak	— дьявол		— мель
Challuda	— шить		— сачок из китовых жил
Chaludak	— узкие, вышитые волосами оленей ленты для украшения парки		— китовый ус
Chaptschidak	— одинаково узкие полоски из подстриженного меха морских котиков		— рыба чешуя
Chaschik	— двухлопастное весло		— февраль
Choschik	— штаны из меха молодых тюленей		— фигурки из моржовых зубов, изображающие морских животных и людей
Chogdoghag	— корень с неприятным, резким запахом		— закругленный, оправленный в китовый ус камень, применяемый в качестве груза на удочках
Chsadak	— подвески, которые висят на палочках в носу	Ittschajak	
Chudak	— юкола	Iwak	
Chughalluk	— перчатки из меха тюленей	Janak	
Chughduk	— мох	Jasak	
Chusidak	— палочка в носу из кости или яшмы	Jugik	
Daliach	— петли из ремня, сплетенного из кишечных жил	Kachsek	
Diugak	— широкий нож	Kachscheha	
Ehk	— байдара	Kadakissigunnak	
Haenhuk	— горячий источник	Kadaung	
Halluisch	— швейная игла		
Hamidok	— корень гвоздики	Kadjugdak	
Iach	— мыс		
I-aku	— водоросль		
Ichtschelgetsch	— беременная женщина		

Kagduk	— женская парка из морского котика. Раньше носили парки из морских выдр и лисиц	Kyknaghei	— вулкан
Kaghalikta	— грудные и брюшные плавники	Lakudak	— морской котик
Kahadot	— мужские танцы	Mangidak	— мясо кита
Kamiliak	— широкий нож. Раньше их ножи были из железа, найденного в деревянных частях погибших на море судов, а большей частью из камня, из которого и теперь они делают также наконечники для дротиков	Mijias	— морская выдра
Kamuktschaluk	— зимние хижины	Nahuch	— зять
Kanahasch	— удочка	Namiak	— кровеносный сосуд
Kanga	— вершина горы	Negho	— самоназвание жителей Андриановских островов
Kangulkin	— больной	Nenelli	— большой
Kankunullott	— трехместный каяк	Nugyn	— дротик с четырьмя костяными острями, которые снабжены еще зубцами
Karho	— самоназвание жителей Крысиных островов	Nygatt	— пегли из китового уса для ловли птиц
Kartschichtyschk	— черная краска	Ogualok	— дротик с каменным наконечником на морских львов
Katschityk	— сапоги у мужчин	Olodak	— красная краска
Kauak	— сивуч	Sadigkachtugida	— август
Kaulang	— самоназвание жителей Уналашки	Sadgydak	— камень, который употребляют при кровопускании
Keghutsch	— вулкан	Saedak	— янтарь в виде трубочек, которые носят в носу и ушах. Кусочки янтаря они меняют на Кадьяке и носят нанизанными по одиночке между кораллами и бисером. Янтарь в виде трубочек служит им также вместо денег при обмене
Kehotsch	— вершина горы	Sakack	— гарпун
Kignon	— самоназвание жителей о. Акуна и Кигалга	Sakudaktschaluk	— летние хижины
Kimingimtungida	— ноябрь	Schehyik	— метательное копьё
Kinai	— самоназвание жителей северной стороны Аляски	Schiachschi	— раны венерического характера
Kitschiklak	— источник	Schlukak	— чайка
Knighi	— украшение из моржовых клыков у женщин	Schuettuk	— травяной мат
Koatantajagon	— самоназвание жителей о. Унимак и Аляски	Schvan	— сера
Koniagi	— самоназвание жителей о. Кадьяк	Schwak	— белая краска
Koshadangvitsch	— один вид стерляди	Sessignan	— самоназвание жителей островов, следующих за Крысиными
Kuhack	— танцы	Siatemhi	— тесть, теща, свекр, свекровь
Kumchuk	— коралл с мягкой известковой корой	Sidanak	— каменный топор
Kumkanga	— земляная губка	Sidanack	— бобровая бухта
Kumunak	— гробы	Ssak	— мужская парка из кож морских птиц — ар и топорков
Kuschpaejok	— татуировка крестиками	Suchuschangol	— апрель
Kuther	— спинной плавник	Tagadak	— подошва
		Tagnuk	— сладкая трава

Tahliachschik	— танцы	Tschmae	— хвост рыбы
Tajachu	— человек	Tschmullimugida	— октябрь
Talak	— раб	Tsch'uak	— вид саранчи
Tamigi	— украшенные кругом по краю жевские ручные и ножные ремешки из кожи молодых морских котиков или тюленей	Tschugatuk	— дротик с маленьким костяным наконечником на морских выдр
Tangäk	— сосуд для воды	Tschungin	— запруда
Tanhyk	— подводный камень	Tubhak	— деревянный сосуд для воды квадратной формы
Tchebloat	— татуировка на подбородке у девушек	Tuchtaschghyda	— угощать
Takkak	— двойной пучок волос на голове женщин. Для того, чтобы его сделать, женщины забирают волосы сверху и обвязывают куском кишки. Их волосы черные, жесткие и толстые	Tugidynamuk	— декабрь
Tschaach	— вырезанные из дерева фигурки выдр	Tukuck	— тойон
Tschachudak	— шляпа из дощечек	Tumhadat	— фигурки, похожие на птичий клюв
Tschaduk	— жир	Tumhasch	— колотушка для бубна
Tschaghadak	— «рыбодержатель» из нескольких камней	Tutak	— подвески в ушах
Tschaghallich-tugida	— июль	Tutamiklut	— украшения вокруг уха из плавленных гранатов
Tschagim	— палтус	Uchasch	— весло к байдаре
Tschajah	— бубен	Uchtosch	— кровопускание
Tschajak	— верша	Uchtosk	— заостренный камень для кровопускания
Tschakalkag	— тонкая морская водоросль	Ugnamtugida	— сентябрь
Tschalak	— раковина	Uhujun	— сладкая трава
Tschanganak	— долина	Uidak	— бухта
Tschidgajak	— зеленая краска	Ujalik	— источник
Tschigdak	— дождевик из кишок	Ujumkak	— шейный платок
Tschihijak	— клей	Ukalahytsch	— рулевое весло
Tschillanach	— нитки	Uligi	— болотные сапоги из шейной кожи морских львов
Tschich-schu	— рыбная икра	Ulungek	— евражки, находящиеся на острове Уналашка
Tschinatak	— как с загнутым носом	Um(e)nek	— плетеный ремень для перевязывания покойников. Здесь «е» почти неслышно
Tschitch	— желчный пузырь	Umgaschisch	— ножик с петлями
		Umghik	— легкие
		Umscha	— плавники морских животных
		Upada	— варить
		Unukugtak	— синяя краска

Описание обычаев и образа жизни чукчей

Перевод с немецкого З. Д. Титовой

Рукопись К. Г. Мерка, посвященная чукчам, была в 1887 г. приобретена Императорской Публичной библиотекой и до сих пор хранится в ее рукописном отделе¹. Эти записки о походе через Чукотский полуостров (от губы Св. Лаврентия до Нижне-Колымского острога) представляют собой описание этого края и этнографию населяющих его народов.

Чукчи разделяются на оленных и оседлых. Оленные все лето до самой осени живут по несколько семей вместе, вблизи стойбищ оседлых, а стада свои угоняют на пастбища ближе к морскому берегу на расстояние нескольких дней пути от своих временных поселений.

До сих пор лишь немногие из оленных чукчей постоянно живут по эту (левую. — З. Т.) сторону р. Анадырь. Те из оленных чукчей, которые селятся около оседлых, питаются с их помощью все лето только мясом морских животных, сберегая тем самым свои стада. Чукчи запасают на зиму мясо и жир (ворвань) морских животных, а также их кожи, китовый ус и другое, в чем у них оказывается потребность. Осенью они медленно откочевывают со стадами и юртами подальше от моря в горы, где они зимуют большей частью поблизости рек или озер. Изредка, когда олени поедают весь корм вокруг, перекочевывают на другое место. Хотя оленные чукчи и дают оседлым за полученные от них припасы мясо оленей, которых они специально для них закалывают, однако это, собственно, не является обменом, а скорее некоторого рода компенсацией по их усмотрению. Возможно, это потому, что оленные чукчи держатся в отношении своего хозяйства всегда только тех оседлых, от которых они из года в год получают все для себя необходимое и которых они поэтому называют *Aiwan* (что означает нечто вроде «свои люди»)², в то время как сами оседлые называют себя *Nimillaen* (живущие на одном месте, оседлые).

Стойбища оседлых простираются от мыса Сердце-Камень почти до Шелагского мыса. За Колючинской губой имеется только два стойбища, из которых последнее, у устья реки *Ekechta*, лежит недалеко от

¹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редкой книги. Фонд нем. F IV, № 173. 64 с.

² Айван — так чукчи называют сибирских эскимосов. В прошлом, когда чукчи по своему образу жизни делились на оседлых и кочевников, в отличие от эскимосов оленные чукчи оседлых называли чычетайван — родственник. (Прим. ред.).

р. Kchwat-Weiam и носит название Rirkai-Pija (Моржовая). Также некоторые из оседлых чукчей живут на острове Guupin, или Куупин, который лежит севернее острова Св. Лаврентия, напротив собственно Чукотского носа, и, как говорят, имеет длину 30 верст³. На о. Guupin живут также в течение лета оленные чукчи, привлекаемые хорошими пастбищами для своих оленей, до тех пор, пока пролив не покроется за зиму льдом. Шелагский мыс, по слухам, с восточной стороны лишь несколько шире, чем с западной, он образует бухту Чаун, перед которой лежит маленький остров. Чукчи утверждают, что ежегодно в июле, когда молодые птенцы уже достаточно оперяются, можно от последнего поселения, расположенного по ту сторону Amkeijap'a, пройти на байдарках мимо Шелагского мыса, так как тогда ветер с суши отгоняет плавающий лед (впрочем, ветер с моря снова пригоняет его назад). Чукчи называют Ледовитый океан Igy-Ancha, или Белое море.

У чукчей имеется предание о том, что в старину, когда они были гораздо многочисленнее и вели междоусобные войны, одна небольшая группа состоящих в родстве чукчей бежала от Шелагского мыса через лед со своей поклажей и оленями по направлению к матерiku и провела только одну ночь на льду; пролив в том месте был настолько узкий, что при ясной погоде с Шелагского мыса можно было видеть материк. Также чукчи утверждают, что весной оттуда переплывают олени и даже мыши. Попутно чукчи рассказывают, что некоторые из их собратьев переехали зимой на сушу в один день, там они нашли людей, говоривших на их языке и владевших оленями, но, так как последние не внушили им доверия, они не остались у них ночевать и тайно вернулись назад.

По языку оседлые чукчи также отличаются от оленных. Язык последних близок к корякскому и лишь незначительно отличается от него. Оседлые же чукчи хотя и понимают корякский язык, но имеют свой собственный язык, разделяющийся на четыре наречия и совершенно отличный от корякского. На одном наречии говорят от мыса Сердце-Камень или от маленького острова Mantschen до стойбища Uigin, на втором — от этого последнего до стойбища Puuchta, которое лежит несколько севернее бухты Св. Лаврентия. На третьем, называемом Rapkniskoi, говорят от стойбища Пуухта до северо-восточного мыса, лежащего несколько южнее, который они называют Mengihenitkin, но чаще по двум расположенным там стойбищам Nuchin и Peaeku, на четвертом, называемом Uwelenskije, говорят от вышеупомянутого мыса до последнего стойбища на Шелагском мысе. При этом рассказывают, что наречие тех чукчей, которые живут на северо-восточном мысе, приближается к американскому наречию, являющемуся собственно наре-

³ Река Kchwat-Weiam — это река Кузэт, впадающая в море к западу от современного мыса Шмидта. Река Ekechta — река Экеатта, расположенная к востоку от мыса Шмидта. Стойбище Rirkai-Pija — современное селение Рыркайпий на м. Шмидта. Остров Guupin, или Куупин, — остров Аракамчечен, отделенный от юго-восточного побережья Чукотского полуострова проливом Синявина.

чием островитян пролива. Однако последние понимают большей частью также язык собственно чукчей. В Беринговом проливе лежит три больших обитаемых острова: 1) Imaglin, или Imaeklin на увеленском наречии, по которому составлен словарь⁴; 2) Ingelin, возле которого лежит еще маленький необитаемый остров Ukijen; 3) Okipen. Жители этих островов находятся в зависимости от американцев, как оседлые чукчи от оленных, и боятся их. Но у жителей о. Imaglin теснее связь с чукчами. Еще что касается языка оседлых чукчей, то живущие на собственно Чукотском мысе говорят почти на том же языке, что и островитяне о. Св. Лаврентия (чукчи называют его Eiwugi-en). Этот остров находится на расстоянии одного дня пути на веслах от Чукотского мыса. Чукчи ездят туда за длинным китовым усом и лесом для своих лодок, который там выбрасывается на берег моря. Диких оленей там нет, и вообще, кроме песцов, других животных не водится.

Жители о. Св. Лаврентия не имеют лабрет (зуб под нижней губой) в противоположность жителям островов, расположенных южнее.

Чукчи дают своим соседям различные наименования: жителей трех вышеупомянутых островов пролива они называют Ikyrngaulet, как имеющих лабрет, а американцев называют Kygmylett; коряков называют Tangitan (что значит «враги»), а эти в свою очередь так называют чукчей. Чукчи и коряки сами себя называют Tschautschuo. Юкагир называют Etellit, а тунгусов — Goraremkyt. Русских оленные чукчи называют Milgitanggitan и, между прочим, называют еще Leluramkitt (а коряки — Lelujamkitt, хотя они тоже больше пользуются первым именем), что значит «бородастые люди». Первое наименование — Milgitanggitan — толкуется таким образом: огонь у чукчей называется Milgin, у коряков же Milguen, и, следовательно, Milgitanggitan означает нечто вроде «огненные враги», потому что русские воюют с помощью огнестрельного оружия. Оседлые русских называют Leluegmky.

Теперь я перехожу к обычаям и обрядам оленных чукчей, попутно касаясь также образа жизни оседлых чукчей и коряков.

Что касается происхождения, то оленные чукчи не имеют на этот счет никаких преданий в противоположность оседлым, которые рассказывают: на вышеупомянутом острове Guynip морж вывел однажды на свет мужчину и женщину, а чтобы кормить их и их потомство, водятся эти животные в большом количестве вокруг населенных чукчами областей.

Что касается бога, то они верят, что в небе живет божество, которое раньше находилось на земле (Amipon Kapon), последнему (божеству) они приносят жертвы ради того, чтобы оно удерживало земных дьяволов от причинения людям вреда. Но они, кроме того, приносят жертвы с той же целью и самим дьяволам. Однако их религиозные по-

⁴ Здесь Мерк имеет в виду словарь 12 наречий, опубликованный в книге Г. А. Сарычева «Путешествие флота капитана И. Биллингса чрез Чукотскую землю...», СПб, 1811.

нения очень несвязные. Установить в этом отношении возможно очень немного. Можно скорее впасть в заблуждение, расспрашивая об этом чукчей, чем наблюдая собственными глазами за их жизнью. Однако можно утверждать, что они больше боятся дьяволов, чем доверяют какому-нибудь высшему существу. Еще упоминают они о каком-то божестве — Engeng на обоих языках, которое якобы живет на земле и которому они также приносят жертвы. Они верят, что солнце, луна и неподвижная звезда (Ulwonger) являются высшими существами или божествами, причем особенно они чтут солнце и луну. Во время наших путешествий, когда звезды часто были видны и ярко сияли, они видели в этом доказательство нашего хорошего отношения к ним.

У них есть деревянные божки — Ggirriger, которых они используют для добывания огня и с которыми обходятся далеко не нежно; ведь им приходится мириться с тем, что их бросают туда и сюда, привязывают к грузовым нартам. Они называют их божками своих оленей и земли, украшают в праздники ивовыми ветками или полосками из жил, которые они надевают им на шею; подкладывают им из ивовых веток подстилку, и все это для того, чтобы божки во время сильных буранов, когда олени часто разбредаются, гнали их назад к стаду. Чукчи делают этих божков из корней, считая их древесину более мягкой. Кроме того, у чукчей имеются еще маленькие божки — Gamangau, или Oka-tak, которых они носят прикрепленными к поясу или, как у женщин и детей, прикрепленными сверху к меховой парке и которых они считают своими защитниками и охранителями. Божки представляют собой вилкообразные веточки, на нижних концах которых вырезаны как бы ступни ног, а наверху они имеют закругление в виде головы, за которую чукчи и привязывают их ремешками. От этих божков другие, называемые Jainiatek, отличаются только тем, что большего размера и более бесформенны. Их чукчи привязывают с той же целью к некоторым из своих грузовых нарт. Есть у чукчей еще один такой же божок, которого они прячут и вынимают только при закалывании оленей, причем они его тогда кладут на белую или пятнистую оленью шкуру. Чукчи называют его Tai-nugin. У него они пытаются узнать об исходе своих предприятий. Божка подвешивают на нитке и наблюдают за ним: если божок качается, когда его вопрошают, то это показатель предстоящей удачи, если же нет, то плохого исхода (рис. 3).

Чукчи считают, что они могут угадать будущее и при своих жертвоприношениях. Для этого, прежде чем убить животное, они всовывают ему в ухо красную тряпочку или кисточку из тюленьих волос, окрашенных в красный цвет, и наблюдают, какое движение сделает животное, прежде чем они нанесут ему копьём смертельный удар, и делают из этого свои заключения. Также обращают они внимание на то, как падает животное: если оно садится на задние ноги и тогда падает назад, то это нехорошее предзнаменование. Попутно они пытаются узнать будущее, гадая на оленьей лопатке, которая по-чукотски называется Parant. Они держат лопатку самой тонкой частью

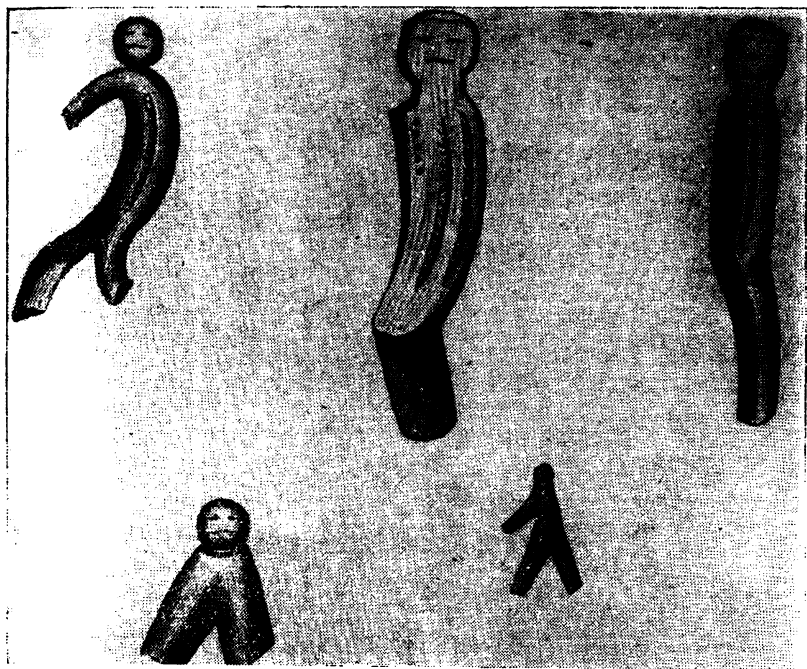

Рис. 3. Чукотские деревянные божки.

над горячими углями или над лампой, пока не образуется несколько трещин, по которым они определяют, следует ли предпринять путешествие и будет ли оно иметь счастливый конец и вообще предстоит ли им путешествие, а в случае болезни — имеется ли надежда на выздоровление. Если же на лопатке при обжигании образуется дыра, то это плохое предзнаменование. Последний вид предсказания называется у них *Kpargittik*.

Что касается жертвоприношений, то оленные чукчи приносят в жертву оленей, а оседлые — собак. При закалывании они берут в пригоршню кровь из раны и бросают по направлению к солнцу. Часто встречал я таких жертвенных собак на берегу моря, лежащих головой к воде, со шкурой, оставленной только на голове и ногах. Это дар оседлых чукчей морю ради его умиротворения и получения счастливого плавания. Также если чукчи удачно проезжают бухту Сердце-Камень на сво-

их байдарах, то они приносят жертвы у высокой крутой скалы на берегу. Каждый разводит свой огонь и бросает в него жир, которым также обмазывает и скалу. Жертвоприношения солнцу и земле называются у чукчей *Angangytteilgin*; то, что они кричат при жертвоприношениях, называется *Wajowajungwai*, а на уэленском наречии — *Tauwatauato*, что значит «смотри и возьми».

Об их остальных обычаях этого рода, как-то: о жертвоприношениях при болезнях, в праздники и во время путешествия — я буду говорить позже, когда о них будет речь, чтобы не повторяться. Только еще один обычай чукчей я приведу здесь ради его странности. Жена одного чукчи увидела сон, который ее сильно взволновал. На другой день утром старший из их родни принес откуда-то голову зайца, сделал вид, как будто он его закалывает, как они закалывают своих оленей, а кровь бросает в направлении солнца, и положил свою скудную жертву перед юртой по направлению к югу.

Их шаманы — *Aengaengheli* — шаманят к ночи, сидя в своих оленьих юртах в темноте и без особой одежды. Эти действия надо рассматривать как зимнее времяпрепровождение в часы досуга, которому, между прочим, предаются и некоторые женщины. Однако не все умеют шаманить, а только некоторые из оленных чукчей и несколько больше из оседлых. В этом искусстве (шаманить) они отличаются от других тем, что умеют во время своих действий отвечать или заставлять отвечать других измененным или чужим глухим голосом, чем они обманывают присутствующих, изображая, как будто дьяволы собственными устами отвечали на их вопросы. При болезнях и других обстоятельствах, когда к ним обращаются, шаманы играют роль как помощников, так и предсказателей, благодаря чему они могут так направлять воображаемые предсказания духов, что последние всегда требуют в жертву одного из лучших оленей стада, который и становится их собственностью с кожей и мясом. Голову же такого оленя они выставляют напоказ; рога оставляют на месте жертвоприношения, а несколько пригоршней крови бросают в направлении солнца. Это не мешает им, если они обслуживают зажиточного человека, еще увести с собой живого оленя. Бывает, что некоторые из шаманов набегаются по кругу в трансе, ударяя в бубен, а затем, чтобы показать свое умение, надрезают себе язык или дают колоть себя в тело, не щадя своей крови. Чукчи утверждают, что имеют еще таких шаманов, которые сжигают себя, а потом опять оживают или бросаются в воду, длительное время находятся под водой, а потом опять всплывают на поверхность. Некоторые из этих шаманов, выполняя повеление дьяволов, к своей мужской одежде присоединяют кое-что из женских украшений, а именно: заплетают волосы в косы, надевают на руки браслеты и так далее, причем становятся как будто благосклоннее к мужчинам. У оседлых чукчей я встречался с фактом, по их словам, не столь редким, что мужчина-шаман, полностью переодевшись в женскую одежду, жил с женщиной в качестве доброй хозяйки. Также и корякские шаманы

подчиняются этим бессмысленным «повелениям дьяволов», в существовании которых они настолько убеждены, что за какое бы из мужских занятий они ни принимались, ничего им не удастся (ломается в их руках), так что они против воли и нередко со слезами берутся за иглолку. От нерасположения к шаманам их духов-покровителей защищает еще и то, что никакой чукча не осмеливается отказать им в обмене женами.

Их жилища называются ярангами. Когда чукчи летом и зимой остаются дольше на одном месте, то яранги имеют больший объем и соответствуют количеству пологов, вмещающихся в них, что зависит от количества родственников, живущих вместе. Во время перекочевков, то есть пока они не оставляют своих стад на зимовку, чукчи разделяют ярангу на несколько более мелких частей для того, чтобы легче было ее устанавливать (это дело женщин). Для более длительных путешествий, как-то: в Гижигу, а теперь на Колыму — берут чукчи свои теплые пологи и покрывала шатров из наголо остриженных оленьих кож для натягивания сверху во время непогоды. Просторная чукотская яранга (рис. 4), в которой стояло до шести оленных пологов, имела двадцать сажений в окружности, пять сажений от одной двери до другой, в поперечнике четыре сажени, а в высоту посередине девять футов.

Основу яранги образуют короткие и длинные жерди, которые они во время своих путешествий предусмотрительно забирают с собой, так как суровая местность не всегда может обеспечить их лесом. Эти жерди они тащат, как и китовые усы, на маленьких нартах, сделанных из двух связанных друг с другом моржовых клыков и привязанных сзади к их грузовым нартам. Маленьких жердей, длиной свыше четырех футов, требуется им восемнадцать или больше. Эти жерди, связанные наверху по две или по три, устанавливаются по кругу на расстоянии от четырех до семи футов друг от друга. На них сверху также накладывают несколько коротких жердей. В середине между верхними концами расположенных по кругу жердей привязывается для большей устойчивости мешок из тюленьей кожи с жиром или с другим видом пищи, с подложенными под него ивовыми или березовыми ветками, а то даже подвешивается просто камень. От входа яранги, который сделан во всю ее высоту и против которого иногда имеется второй вход, стоят на некотором расстоянии друг от друга две опоры крыши из соединенных по три и раздвинутых жердей, на которые привязана еще одна жердь с прикрепленными к ней ремнями петлями; сквозь эти петли просовывают они длинные жерди или доски верхними концами — всякий раз по две — через каждую петлю с противоположных сторон, а нижними концами прикрепляют их к поперечинам основания. Эти жерди числом около тридцати состоят большей частью из отдельных, привязанных друг к другу кусков, благодаря чему они легчегибаются кверху; внутри яранги они поддерживаются в середине стоячими жердями, опирающимися на камни или на позвонки какого-

Рис. 4. Летняя яранга чукчей из оленьих шкур, натянутых на деревянный каркас.

нибудь крупного животного, к которым наверху прикреплены поперек тоже короткие жерди.

Для покрытия яранг чукчи используют свои старые оленьи пологи, так как они их ежегодно меняют на новые. Шерсть на кожах старых пологов обрезают коротко, кожи сшивают в покрывки и пользуются ими зимой, а когда из них вылезет вся шерсть вследствие непогоды и сырости, то пользуются ими летом. Натягивают покрывки ремнями на остои и закрепляют, так что наверху остается неровной формы отверстие. К нижней основе яранги чукчи привязывают еще изнутри по кругу прилегающие к земле кожи моржей. Когда в яранге пологи из оленьих шкур стоят отдельно, то они имеют только по одной тройной опоре верха полога, установленной спереди ближе к входу, на которой покоятся просунутые через ременные петли палки, поддерживающие полог, так что их концы выступают и снаружи закрепляются этим ремнем путем натяжения. Для своих теплых пологов (Inirig, а у оседлых Ulit) чукчи используют шесть или восемь, а зажиточные до 15 оленьих шкур. Пологи представляют собою неровный продолговатый четырехугольник. Для входа несколько поднимают переднюю часть и вползают в полог. Внутри можно стоять на коленях или согнувшись, почему в нем только сидят или лежат.

Чтобы установить такие пологи, чукчи делают наверху спереди и сзади в один ряд по всей покрывке яранги петли из кожаных полос, через которые просунута жердь, закрепленная с обоих концов на связанных по три наверху жердях. Спереди эти полосы привязаны также к отдельным опорам крыши яранги. Внутри, ближе к задней стенке, пологи подпираются с помощью жерди, к которой зимой привязана еще наверху поперек палка. На нее чукчи вешают ночью для просуш-

ки свои рукавицы, шапки, меховые чулки, легкие сапоги, потому что внизу около опоры стоит лампа. Пологи чукчи расставляют по кругу, причем кожи, которыми они покрыты, загибаются на земле внутрь и обкладываются по краю сырыми оленьими шкурами, между которыми еще разостлана шкура моржа. К зиме чукчи всегда сменяют эти шкуры. Нельзя отрицать, что даже в простых полах при самом большом холоде можно сидеть голыми, согреваясь от тепла лампы и от испарений людей. В тех местах, где чукчи остаются на зимовку, в их ярангах пологи делаются в два ряда шкур, причем один ряд укладывается мехом наружу, а другой мехом внутрь, поэтому в них так тепло, что тоже можно сидеть голыми. Пологи защищают чукчей от дождя, так как летние покрывки их яранг большей частью дырявые. Из-за дождя в их ярангах становится грязно, и они вынуждены часто переставлять яранги на другое место.

Пологи зимой во время перекочевок доставляют много работы женщинам: они должны каждый раз перед установкой пологов тщательно их выколачивать с помощью колотушки из оленьих рогов, счищать с шерсти сосульки, образовавшиеся к утру от людских испарений и горчей пищи. После этого они становятся в круг и встряхивают пологи несколько раз, причем в этом им помогают и мужчины. Подобные же яранги служат для оседлых чукчей летними жилищами, хотя некоторые продолжают жить в них и зимой. В противоположность описанным ярангам оленных чукчей яранги оседлых покрыты моржовыми кожами, перестянуты ремнями, к которым для более крепкого натяжения привязаны куски китового скелета, прилегающие к нижней основе. Теплые пологи оседлых чукчей плохие, и в них всегда есть насекомые, так как чукчи не могут часто обновлять пологи, а иногда вынуждены пользоваться и уже брошенными.

Жилища коряков подобны жилищам оленных чукчей, только коряки стараются установить их прочнее, чем чукчи. Чукчи делают жилища проще, чтобы иметь возможность разрушить их при первом вражеском набеge. Коряки живут постоянно в лесах, поэтому их яранги полны дыма, так что уже при входе глазам делается больно. Теплые пологи свидетельствуют об образе жизни коряков, несвойственном в общем чукчам.

Зимние жилища оседлых чукчей называются Kjaigit, а у оленных чукчей — Gleirat. Эти землянки всегда расположены на возвышенностях или на холмах близко одна к другой, и там же стоят их летние яранги. В отличие от последних землянки вмещают в себя всегда несколько семейств. Снаружи землянки покрыты дерном, закруглены и возвышаются над уровнем земли только на несколько футов. Сбоку наверху имеется четырехугольное отверстие, через которое спускаются в землянку. Вокруг этого наружного входа, за исключением места для прохода, стоят по кругу китовые челюсти, в сечении примерно в полторы сажени и высотой до семи футов. Сверху они покрыты китовыми ребрами, а поверх них — дерном.

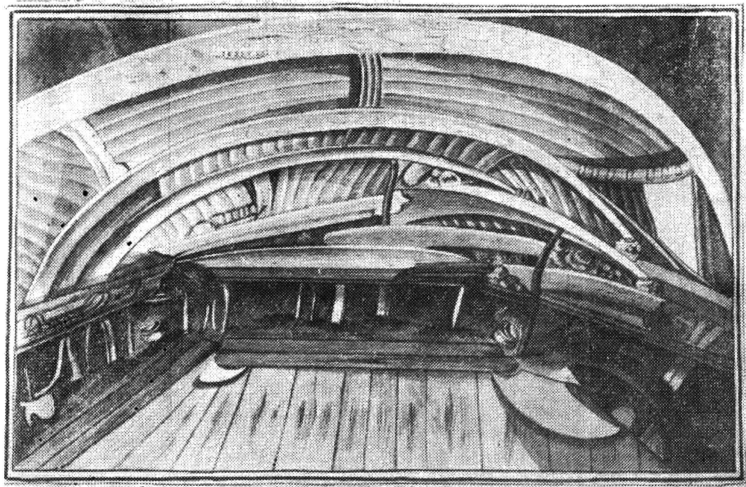

Рис. 5. Внутренний вид подземного жилища чукчей.

Рис. 6. Внешний вид зимнего подземного жилища оседлых чукчей, построенного из китовых костей.

Через упомянутый вход попадаешь сначала в сени, или проход, равный по длине землянке, который имеет в высоту около шести футов, в ширину сажень или больше и является немного углубленным по сравнению с уровнем пола землянки. Стены у него неровные, образованные из положенных друг на друга китовых позвонков, прикрытых сверху отдельными китовыми челюстями, положенными наискось к стенам или поперек. Все пространство между ними заполняется китовыми ребрами и более мелкими костями. Из середины этих сеней идет такой же короткий проход во внутрь землянки, в котором приходится нагибаться. Что касается самой землянки, то она внутри четырехугольная, примерно 14 футов в длину и ширину и примерно 8 футов или больше в высоту, однако она несколько ниже с двух сторон вследствие изогнутой крыши. Землянка углублена в землю примерно на пять футов, а сверху имеется еще земляной вал в три фута высоты, уложенный поверх китовых челюстей, установленных по всем сторонам четырехугольной землянки. Между челюстями уложены в землю позвонки, а у других обыкновенные камни. На упомянутых китовых челюстях лежат для образования крыши от входа в длину четыре друг от друга удаленные одинаковые челюсти, которые поперек покрыты ребрами во всю длину.

В трех футах от уровня земли в четырех углах землянки помещено поперек по ребру. Каждое ребро поддерживается в середине подпоркой, на которой вдоль четырехугольных стен лежит по две доски, образующие нары; на них чукчи спят. Пол покрыт досками, которых большей частью нет под нарами, а там вместо них разложены тюленьи шкуры. В крыше рядом со входом имеется боковое отверстие, обтянутое пленкой с китовой печени; из этой пленки чукчи шьют также дождевики. Возле бокового отверстия в крыше сделано еще маленькое отверстие с помощью вставленного позвонка, предназначенное для выхода чада от ламп, помещенных всегда в четыре угла землянки. Некоторые из китовых челюстей, образующих крышу, окрашены с боков в белый цвет и разрисованы фигурами китов, лодок и так далее (рис. 5). Этим чукчи занимаются в свои праздники. Сени освещает сделанное в крыше такое же отверстие, как у входа в землянку (рис. 6). Другая сторона сеней имеет два или три входа в их кладовые, а две землянки имеют только один наружный вход в сени. Теперь эти землянки производят омерзительное впечатление, так как пол большей частью заплесневелый или покрыт жировыми лужами. Зимой, как рассказывают, в землянках не только тепло, но даже жарко. Чукчи готовят на своих лампах, потому что им нет надобности экономить жир. Землянки оседлых чукчей больше юрт оленных чукчей.

Чукчи-мужчины носят короткие волосы. Они смачивают их мочой и режут ножом, а делают они это как для того, чтобы освободиться от вшей, так и для того, чтобы волосы не мешали при борьбе.

Что касается одежды мужчин, то она плотно прилегает к телу и теплая. Чукчи обновляют ее большей частью к зиме. Их штаны — Go-

paita, Kochligit, u — доходят до ступни, как и у американцев, без пояса и подобно штанам последних сверху завязываются спереди вдернутым шнуром из жил. А внизу перетягиваются также шнуром из жил, пропущенным через пришитую к штанам двойную широкую коротковорсистую полосу из меха, отличного по цвету от цвета штанов. Пока позволяет время года, чукчи носят обычно штаны из тюленьих шкур, реже из обработанной оленьей кожи, с исподними штанами, большей частью из шкур молодых оленей. В начале зимы, а также к весне их верхние штаны сделаны большей частью из белого камуса — Panza, которые также лучше служат для защиты от ветра и пурги. Зимой их верхние штаны теплее; они сделаны из кож годовалых оленей, которых чукчи для этого убивают в конце августа. Носят они также штаны, сшитые из кусков кожи с волчьих лап, на которых даже оставляют когти. На их штанах из тюленьей кожи сзади от пояса до пришитой внизу надставки была полоса из черного собачьего меха.

Чукотские короткие чулки — Pamjat — сделаны из тюленьих шкур, и чукчи носят их шерстью внутрь, пока еще не холодно. Эти чулки не боятся сырости. Зимой же носят они чулки из длинношерстного камуса, реже из шкур молодых оленей, но они предпочитают первые, потому что в них не потеют ноги. Летом носят короткие сапоги — Pinnigha-eit, Akubetschaht, u — из тюленьих шкур волосами внутрь, также из обработанной оленьей кожи, а против сырости — из обработанных тюленьих шкур. Чукчи надевают штаны поверх голенища сапог, а снаружи низ штанов стягивают ремнями из тюленьей кожи, окрашенной в белый или красный цвет. Еще носят они сапоги из тюленьей кожи — Ngretschkyt, Akubujaschruet, u иногда до колена или выше — почти до бедра.

Зимой носят большей частью короткие сапоги из камусов, для чего наиболее подходящими оказываются животные, забитые поздней осенью или зимой. Также носят чукчи в более холодное время года, хотя и только некоторые из них, сапоги до колена; те и другие украшены, если камусы белые — коричневыми вставками или черными заостренными треугольниками по бокам; по бокам и спереди подошвы, но только не сзади, украшают чукчи сапоги коротковорсным мехом в виде узкой ленты; наверху сапог с более широкой отделкой; если же сапоги серого цвета, то треугольники белые. Подошвы этих сапог белые из шкуры моржей, волосами внутрь. У зимних сапог, но больше у тех, которые доходят до колен, подошвы сделаны из сшитых «щеток», волосом наружу, которые, если бы они были сшиты плотнее, были бы теплее для ног; они служат не столько для хождения на лыжах, сколько для спанья на открытом воздухе, для чего они даже совершенно необходимы. В качестве стелек в сапогах чукчи используют большей частью сухую мягкую траву, а также стружку от китового уса; без таких стелек сапоги никакого тепла не дают. Летом чукчи носят две меховые кухлянки — Iren, Atkughat, u, частично уже раньше ношенные, сделанные из шкур молодых оленей. Нижняя кух-

лянка остается у них на всю зиму. Верхняя кухлянка сделана осенью или к весне, большей частью из более короткошерстных шкур молодых оленей, которых закалывают для этой цели до 20 июля, зимой же — из шкур животных текущего года, которых они закалывают позже. Эти кухлянки имеют наверху только маленький закругленный вырез, длиной они примерно до половины бедра и перетягиваются, несколько подбираясь кверху, кожаным ремнем, застегивающимся спереди с помощью костяной пряжки. Верхняя кухлянка оторочена кругом по подолу собачьим или волчьим мехом, как и на рукавах, а иногда также бывает оторочена узкой полосой меха росوماхи. Вокруг шейного выреза кухлянка оторочена большей частью собачьим мехом.

Голову чукчи часто оставляют непокрытой все лето, осенью и весной, если только позволяет погода. Если же они хотят прикрыть голову, то оленьные чукчи так же, как и оседлые, носят повязку, спускающуюся на лоб с оторочкой из волчьего меха, а на ушах закругленные куски из мягкой, окрашенной в красный цвет кожи тюленя или используют обработанные бело-желтоватые куски кожи с шеи собак. Внутри повязки делаются на теплой подкладке, а снаружи вышиты подшейными волосами оленей. Также защищают чукчи голову малахами, как это они делают постоянно зимой. Малахаи делаются чаще из шкур молодых оленей, а оторочены собачьим или волчьим мехом. Бывают эти малахаи из камуса, иногда еще с закругленным, прилегающим к затылку куском, который по кругу имеет зубчатое украшение из ровдуги. Также носят летом некоторые чукчи, большей частью оседлые, четырехугольный, спускающийся над глазами козырек из прилегающих друг к другу стволов перьев птиц.

Поверх малахая чукчи надевают, особенно зимой, капюшон — *Warko, Natschahat, u.*, который закругленно лежит поверх плеч, а также на груди и на спине. Он сделан из густошерстных оленьих шкур и затягивается для прочности ремнями петлями под мышками. Капюшон защищает от ветра и непогоды как непокрытую шею, так и само лицо, поскольку он оторочен волчьим мехом. Надевают капюшон волосами внутрь. Носят их, однако, более молодые зажиточные мужчины, чтобы придать себе более красивый вид. Капюшоны украшают снаружи белым мехом молодых оленей, а также в них вшивают пучки шерсти молодых тюленей, окрашенные в красный цвет. Снизу капюшон имеет оторочку. Еще носят некоторые чукчи на голове вместо малахаев содранную с головы волка шкуру с мордой, ушами и глазами. А к голове волка приделан сзади еще узкий кусок оленьей шкуры для защиты от ветра.

При дождливой погоде и сыром тумане, который бывает у них большую часть лета, чукчи надевают поверх своей одежды дождевики с капюшонами. Эти дождевики представляют собой сшитые поперек четырехугольные кусочки тонкой кожи от кишок китов и имеют вид мешка в складку. У кистей рук и вокруг шеи их стягивают с помощью пропущенного шнура из жил, который продевают при помощи тон-

кой рыбьей кости. Дождевики называются у них *Parutan*. При длительных дождях эти дождевики промокают насквозь, и чукчи тогда надевают вниз еще второй такой дождевик, для чего они употребляют также и просто сшитые женские дождевики; последние они называют *Oköntschin, Kallick,u*.

При ветреной, но сухой погоде летом, при снегопаде или пурге зимой носят чукчи поверх своей одежды верхнюю кухлянку из ровдуги. На плечах кухлянки пришито по два кольца, к которым шнурами прикреплены отдельные бисерины. Эти кухлянки они называют *Etemautitshghin*. Реже используют мужчины при своих путешествиях зимой широкие верхние парки из короткошерстных оленьих шкур, хотя они обычно их имеют. *Kuklaencke* называются они у русских; *Utitschghin* — у оленных и *Mackak* — у оседлых. Они одинарные или двойные, причем тогда вторую чукчи носят волосами наружу.

Их рукавицы — *Lili, Agheiluk,u* — сделаны из камусов оленей зимнего убоя. Эти рукавицы свободные, длинные, так, что заходят под рукава парки, без подкладки, шерстью наружу, и, какими легкими они ни кажутся сначала, они все же достаточно теплые и не портятся от потения рук. Еще носят чукчи нагрудник из соединенных, слегка укороченных кусков камуса, который застегивается на затылке с помощью пуговицы и петли, сделанных из ремней и нашитых с верхней стороны нагрудника. Этот нагрудник служит им для предохранения парки от сразу же замерзающих испарений при дыхании. Зимой свою одежду чукчи вынуждены выколачивать каждый вечер колотушкой, вырезанной из рогов, перед входом в юрту, чтобы очистить ее от снега. Колотушка — *Tewitschigin*. Они ее носят с собой в нартах. В своей облегающей и хорошо закрывающей все части тела одежде чукчи не боятся никакого холода, хотя из-за жесточайших у них морозов, особенно с ветром, они отмораживают себе лицо, чаще женщины. Ближе к морю, где горы реже, даже при более сильном ветре воздух туманнее и мягче. Реже чукчи отмораживают себе ноги. Отмораживание бывает или из-за плохой обуви или из-за небрежной сушки чулок. При дождливой погоде они ходят обычно босые. На ремне вокруг шеи под меховой рубашкой на груди носят чукчи в мешочках из ровдуги табак, который они смешивают с мелкой березовой стружкой, трубку из моржовой кости, а чаще из олова, и трубочку, похожую на якутскую, предметы для высекания огня: огниво и кремь, затем оселок либо кусок яшмы, как у американцев, для точки ножей — *Kauulan*, полую трубочку из ноги большой птицы для посасывания воды во время путешествий и меньших размеров ножик с загнутым острием, который им незаменим при более тонкой резьбе. Обычно каждый оленный чукча носит нож на наружной стороне правого бедра. Оседлые чукчи щеголяют более длинными ножами, которые они получают от торговли с русскими. Оленные же чукчи, кроме шкур своих оленей, не имеют ничего оригинального, разве только что приобретенное путем обмена или обмана. Где его нет! Оседлые чукчи носят свои ножи как будто по обычаю островитян

пролива: иногда на левом боку, на широком ремне, надетом через правое плечо; или подвязанными на пояс, или, наконец, на правом бедре. В кожаные ножны их ножи засунуты только наполовину: ножны украшены одной большой кистью и несколькими маленькими кистями.

Занятия мужчин у оленных чукчей весьма ограничены: наблюдать за своим стадом, что осуществляется попеременно более молодыми мужчинами одного семейства; охранять животных, которые составляют одно стадо, ночью или днем; гнать во время перекочевки стадо за поездом; пригонять стада, пока они еще не оставляют свои юрты; отделять упряжных оленей; вылавливать последних из круга, который их жены обычно делают с помощью ремня; запрягать оленей, причем в этом им помогают еще женщины; затем вести некоторое количество грузовых нарт, однако это они делают редко, потому что обычно они едут вперед на своих легких нартах; загонять оленей в корали; курить табак; разводить слабый огонь; иногда смотря по условиям местности; выбирать удобное место для перекочевки, где должен быть мох для оленей, как и ивовые прутья для варки пищи из мяса оленей. К переносному еще присоединяется работа вокруг нарт, которые чукчи из-за нехватки леса должны чинить довольно часто. Что касается охоты на диких оленей и баранов, то последняя не имеет для оленных чукчей хозяйственного значения. Что касается другой охоты, то чукчи умеют ловить только волков, мех которых они особенно ценят для оторочки своей одежды. Что же касается охоты на морских и на отдельных сухопутных животных, торговли и больше того — грабежа в Америке, то это дело оседлых, о чем я еще буду говорить ниже.

Так как оленные чукчи главное внимание уделяют своим оленям, то следует сообщить о них самое интересное. С начала сентября рога важенков почти сплошь свободны от шерстяного покрова; около десяти числа и самцы начинают терять этот покров, некоторые с кровью; к концу сентября рога некоторых оленей были очищены от него; причем иногда олени срывают свисающие обрывки этого покрова. Олени коряков теряют этот покров ранее, потому что могут тереться рогами о деревья. У оленей оленных чукчей шерстяной покров на рогах местами остается примерзшим на всю зиму, что очень тяжело для животных. С конца февраля и весь март сбрасывают олени свои рога, самки после отела. Если новые рога оленей страдают от мороза, хотя это бывает редко, во время поздних весенних бурь, то эти животные падают, но чукчи их спасают подвязыванием к рогам нитей из жил. Если у оленей тунгусов молодые рога портятся, то они их снимают и варят для еды.

С середины сентября постепенно начинается время течки, которое продолжается до середины октября. В это время приходят в стада и дикие олени; некоторых из них чукчи, по их словам, заговаривают, и они остаются в стаде, причем после времени течки чукчи их убивают. Молодых оленей, родившихся от диких, чукчи считают выносливее для

тяги и быстрее в беге. С конца апреля до мая телятся самки по второму году, что чукчи называют Kwuchgei, принося при этом одного, реже двух оленят; второго чукчи обычно убивают. Однолетних оленей, которых чукчи предназначают для упряжки, они кастрируют различными, довольно примитивными способами. При забое сосунков осенью у самок еще три-четыре дня имеется немного молока. Молоко чукчи принесли нам в завязанной кишке. Доят они самок высасыванием, так как другого способа доения не знают, а этот способ снижает вкус молока.

Личинка овода оленей называется у чукчей Ritschuwalgin, у тунгусов — Ergat. Чукчи пытаются ее выдавить, а то в конце мая из нее развивается овод, которого чукчи называют Rokkor. В остальном чукчи не могли мне ничего сообщить о болезнях оленей. У юкагиров и тунгусов, которые живут в лесистых местностях, олени часто страдают болезнью копыт, которая среди них очень распространена. Нога распухает, так что копыта расщепляются и даже раскалываются; опухоль распространяется дальше, и тогда этих животных закалывают, чем раньше, тем лучше, а иначе они сами околевают.

Также приучают чукчи своих ездовых оленей к моче, как и коряки. Напиток этот олени очень любят, дают себя им приманить и в связи с этим приучаются узнавать своего хозяина по голосу. Говорят, что если умеренно поить оленей мочой, то они становятся выносливее при перекочевках и меньше устают, почему чукчи везут на своих нартах большой таз из кожи, чтобы в него мочиться. Летом оленей мочой не поят, так как у них нет к ней охоты. Зимой же олени так сильно хотят пить мочу, что их надо удерживать от ее употребления в большом количестве, в то время когда женщины выливают или выставляют сосуды с мочой рано утром из своих яранг. Двух чрезмерно напившихся мочой оленей я видел в таком опьянении, что один из них был похож на дохлого, а второго, который сильно вздулся и не мог стоять на ногах, чукчи подтащили сначала к огню, чтобы дым раздражал ему ноздри, привязали его ремнями, зарыли до головы в снег, царапали ему нос до крови, но так как все это нисколько не помогло, то они его закололи.

У чукчей стада оленей не так многочисленны, как у коряков. Кто у чукчей имеет триста важенок, уже считается зажиточным. Незначительное количество оленей у оседлых чукчей объясняется климатическими условиями: между девятым и двадцать пятым мая в местностях, близких к морю, а именно к Северо-Восточному, или собственно Чукотскому, носу бывают сильные бури, в результате которых замерзают олениа и даже годовалые олени. От этих бурь скорее могут уйти оленные чукчи, которые всю зиму питаются мясом своих оленей и легче переносят лишения, чем оседлые, к тому же они уводят свои стада глубже в высокие горы. Падеж оленей в этих местностях происходит еще и от недостатка пищи, что чаще бывает зимой, так как при более мягкой погоде снег начинает таять, а затем сильно замерзает, так что олени ничего не могут выскрести своими копытами, как это имело место прошлой зимой, когда пало также много и диких

олений. Чукчи стараются объезжать местность на своих легких нартах и искать такие места, где снег остался не замерзшим.

Стада у коряков многочисленнее еще в связи с тем, что они меньше закалывают оленей. Летом коряки оставляют некоторых из своих людей у богатых рыбной рек, и те сушат рыбу на зиму. Коряки также умеют лучше охотиться на диких оленей и лосей. Чукчи, как уже было сказано, охотятся без особого успеха в долине первой горной цепи за Чауном. Если чукчи встречаются более или менее крупное стадо диких оленей или если они предполагают их местонахождение, то все мужчины быстро туда едут, стараются окружить стадо на легких нартах, и только обычно одному из многих охотников удается арканом *Tschawutt* не промахнуться и поймать одного дикого оленя. Такие арканы чукчи обычно с ловкостью набрасывают на рога своих ручных оленей. Что касается стрел и лука, то они у чукчей всегда при себе, но ловкостью попадания они не обладают, так как почти не упражняются в этом, а довольствуются тем, как выйдет. Для лучшего натяжения тетивы носят чукчи подобно американцам на правом или на левом предплечье по пластинке из моржовой кости — *Enwauii*, так как им почти безразлично, стрелять ли правой рукой или левой. За дикими баранами, которые обитают на более высоких горах, и за лосями, которые больше попадают по границам их края, охотятся чукчи на нартах. Если они убивают дикое животное, то совершают над ним определенный обряд: кладут животное у огня, закалывают еще одного из своих ручных оленей и делятся мясом с обитателями ближайших яранг. Также и при поимке евражки подражала какая-то старая женщина со своей дочкой этому обряду. Они развели перед ярангой маленький огонь, к которому положили зверька на ивовые ветки, отрезали по кусочку меха у углов его рта и бросили их в огонь, окропили из стоящей рядом чашки с оленьим жиром пространство земли вокруг него, а остаток жира съели сами.

Против волков, которые находятся в северных областях зимой, преимущественно в пургу, и причиняют часто большой урон стадам оленей, используют чукчи следующее средство: берут узкую полоску китового уса, только притупив острие, складывают втрое, так что получается кусок длиной от двух до трех с половиной дюймов; концы заостряют в виде развилки, затем обвязывают плотно нитками из жил и замораживают (вероятно, предварительно обмакнув в воду). После этого нитку срезают, а эти примерзшие друг к другу куски китового уса, толщиной в палец, обвязывают вокруг моржовым или оленьим жиром, начинающим уже прокисать. Кладут эти приманки на возвышенных местах недалеко от юрт в маленькие ямки по четыре-пять штук вместе и слегка прикрывают камнями, а то привязывают их по две еще оставшимися концами нити к колышку примерно на четыре фута от земли с той целью, чтобы до них не добрались лисицы, которые могут проглотить такие куски. Когда же волков привлекает запах жира, то они проглатывают эти куски. Растаявшие в же-

лудке куски не дают сначала быстро бежать, а затем волк околеваёт. Если чукчи находят волка ещё живым, то они накидывают ему ремennую петлю на шею, ведут его за нартами домой, кладут перед огнём, закалывают двух своих оленей и предлагают ему их жир или другое угощение.

Что касается **способа передвижения**, то свои легкие нарты чукчи делают изыщно из березового дерева, весной разбирают их на куски, а к зиме снова собирают, причем всегда выскабливают их добела и обивают полозья китовым усом. Их грузовые нарты тяжелы и из-за нехватки леса часто в заплатах. Копылья, соединяющие полозья, делаются большей частью из рогов диких оленей и похожи на дуги. Сами полозья чукчи стремятся загнуть спереди, для чего полозья выдерживают во влажном мхе, а затем обвязывают китовым усом и медленно распаривают над огнем или между камнями. Так они делают их, если им не удастся подобрать в лесу куски дерева, нужным образом изогнутые. Для связывания и закрепления частей грузовых нарт пользуются чукчи китовым усом, а для ездовых нарт — чаще ремнями из ровдуги. Их поклажу, которую они везут во время перекочевков, составляют продукты питания и мешки из тюленьей кожи, в которых находятся меха для обмена с русскими. От дождя и снега укрывают они нарты моржовыми шкурами.

Еще есть у чукотских женщин крытые нарты, основой которых служат дуги из узких дощечек или прутьев, большей частью тоже из березового дерева, тщательно отделанные. Они обтянуты короткошерстным белым или пятнистым мехом в виде полога. Этот полог покрыт большей частью кругом по низу вышивкой в ширину ленты, а кругом еще висят ремешки из замши, вместо бахромы. Также ради украшения нашивают чукчи на эти нарты сбоку закругленный кусок вышивки более крупного размера, к которому в середине подвешено несколько длинных кистей из окрашенной в красный цвет шерсти молодых тюленей. На таких нартах следует за поездом беременная женщина, затем чукчи везут на них своих маленьких детей, и еще жена сопровождает на них своего мужа в гости. В такие нарты, а также в легкие ездовые нарты впрягают чукчи для езды двух оленей, в грузовые же нарты только одного.

Оленей запрягают следующим образом: один олень прикреплен узким потягом к середине нарт, а второй таким же потягом с левой стороны первого. Лямки оленей надевают на левое плечо, концы их пропускают под правой передней ногой. С потягом они соединяются при помощи пуговицы. Для управления у чукчей служит узкий ремень, который надевают в виде петли на лоб оленя, а сзади его прикрепляют с левой стороны вокруг рогов. Эти ремни управления возница прикрепляет с помощью петли к запястью поверх рукавиц. У грузовых нарт чукчи привязывают оленей таким ремнем всегда с левой стороны к идущим впереди нартам, причем один возница ведет четыре — восемь — семнадцать таких нарт.

К дополнительным занятиям мужчин относится и изготовление стрел, тогда как луки они выменивают чаще у коряков или американцев, как и панцири. Острия стрел сделаны большею частью из клыков моржей или лобковой кости этих животных, с забубринами, однако бывают у них и железные наконечники. Для работы над стрелами нуждаются чукчи в клее, который изготовляют следующим образом: кожу кеты или гольца очищают от чешуи путем жевания или с помощью ножа, помещают ее в кусок кишки, подвешивают в котел и варят или распаривают ее в таких же мешочках между горячими камнями и сырым мохом.

Их панцирь (рис. 7) — Murgau — состоит из заднего щита, который представляет собою деревянную доску четырехугольной формы в один дюйм толщины, в полтора фута длины и в один фут и три дюйма ширины, которая снаружи и изнутри обтянута окрашенной в белый цвет тюленьей кожей и закрывает затылок и голову. Сверху, частично по краям, а также в середине, щит окрашен в красный цвет, и с него свешиваются окрашенные кисти. К заднему щиту прикреплен с левой стороны передний щит, свободный и гибкий, состоящий из четырех тонких, также обтянутых внутри и снаружи тюленьей кожей дощечек в четыре дюйма ширины, которые заканчиваются спереди куском из двойной кожи лахтака в шесть с половиной дюймов ширины. Эти дощечки соединены друг с другом узкими ремнями, а передние дощечки скошены наверху вдоль. Для удлинения панциря служат загнутые вокруг тела человека восемь толстых ременных лент из кожи лахтака в два дюйма. Первая лента шириной в пять дюймов, остальные — в десять дюймов. Задний щит прикреплен ремешками к самой верхней ленте, последующие ленты соединены друг с другом таким же образом. Снаружи недалеко от верхнего края прикреплены ровдужные ремешки, которыми нижняя часть панциря подвязывается к поясу, и это облегчает передвижение в нем. Спереди к самой верхней ременной ленте прикреплена нагрудная часть из кожи лахтака, взятой вдвойне, шириной в десять дюймов и длиной в семь дюймов, имеющая у шеи закругленный вырез, по бокам которого прикреплены зацепки из кости или китового уса, которые служат для притягивания панциря. Такие же кости просунуты в прорези ремня, пропущенного сзади внутри верхней ленты, как и через задний щит, лежащий на плечах. Через петлю переднего щита просовывают чукчи левую руку (а иногда и правую, если передний щит имеется у них и с правой стороны, что бывает реже), благодаря чему они могут отгибать щит вперед и назад. С правого бока нижняя часть панциря соединяется только наверху на груди при помощи петли, в которую входит крючок, а внизу она открыта. Нередко более молодые мужчины, облаченные в такой панцирь, приучаются следовать за оленьим поездом в течение целого дня пути, но идут обычно по боковой горной тропинке, и случается еще при этом, что они тащат кое-что из поклажи на себе. Также есть у чукчей железные панцири, сделанные из соединенных ремнями друг

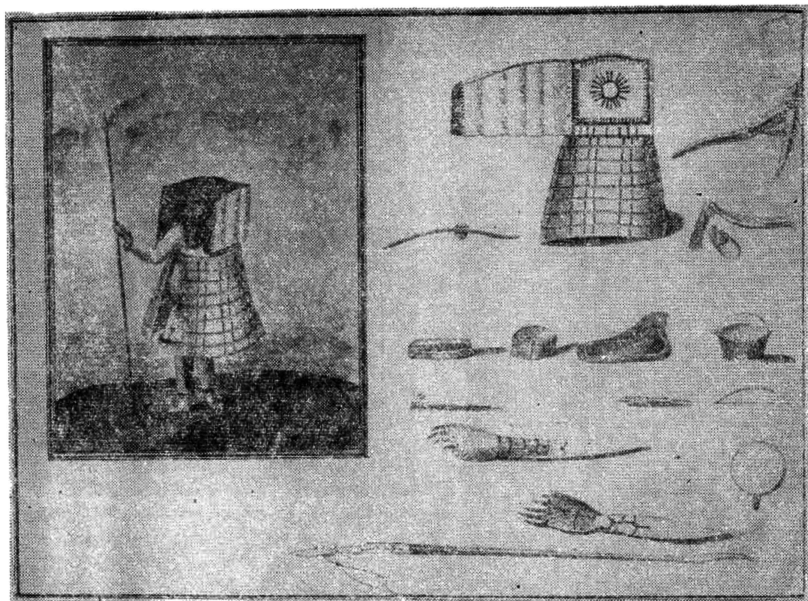

Рис. 7. Чукотский воин в панцире (слева); чукотский панцирь (справа сверху); домашняя утварь и орудия охоты.

с другом продолговатых четырехугольных кусков железа, которые они особенно ценят, как равным образом и шлем с опускающимися на лоб и уши частями. Островитяне пролива носят панцири, которые защищают и затылок. Эти панцири похожи на камзол, имеют рукава до половины задней части рук из пластинок в шесть дюймов длины и два дюйма ширины, сделанных из клыков моржей или рогов диких оленей, соединенных друг с другом ремешками из ровдуги.

Занятия оседлых чукчей составляет главным образом охота на морских животных. В конце сентября отправляются чукчи на охоту на моржей — Ryrka, Aiwoк,и. Они убивают их так много, что даже белые медведи не в состоянии за зиму их всех пожрать, хотя море и выбрасывает не всех. Вокруг Колючинской губы моржи держатся только до ноября; вокруг бухты Св. Лаврентия и южнее — в течение всей зимы. По эту сторону реки Амкейпан чукчи могут охотиться только летом, реже на моржей и мелких китов, а чаще бьют здесь тюленей. На моржей чукчи идут вместе по несколько человек, бегут на них с криком, бро-

сают при помощи бросалки гарпун, в то время как другие тянут за прикрепленный к гарпуну ремень длиною в пять сажений. Если подбитому животному удастся уйти в воду, то другие моржи, думая его спасти и ложась на ремень гарпуна, пытаются уплыть с раненым. Но чукчи настаивают на нем и добивают раненого в грудь железными копьями — Peigtulan. Гарпун для моржей, морских львов и тюленей пазывается у них Waetek или Gluun, а вместе с бросалкой — Jenipin.

К весне, а также и зимой еще отправляются оседлые чукчи на охоту на моржей, которые больше криком, чем видом, обнаруживают свое местонахождение на льду. Чукчи пытаются к ним приблизиться с подобным же криком. Оседлые тащат свои байдары по льду на маленьких нартах из клыков моржей, чтобы иметь возможность воспользоваться ими на свободных от льда местах или если лед отойдет от берега. Если чукчи закалывают животное на воде или если раненое животное бросается в воду и там околеваает, то они берут только его мясо, а скелет остается большей частью с клыками и погружается в воду. Между тем можно было бы вытащить скелет с клыками и обменять на табак, если бы чукчи не жалели на это труда. За каждый клык свободно получили бы до двух папаш табаку. Оседлые чукчи также ставят зимой под лед сети из тюленьих ремней на тюленей и молодых лахтаков. Белые медведи встречаются здесь редко, и то в одиночку. Лахтаков пытаются чукчи убивать следующим образом: они снимают с такого животного кожу головы с мордой и щетиной, и охотник надевает это на себя, затем ползет с плотно сдвинутыми ногами к тому месту, где лежит на берегу несколько лахтаков. Когда один из них замечает приближающегося чукчу и несколько поднимается, чтобы на него посмотреть, то охотник остается неподвижным, но только несколько больше выставляет надетую на себя морду и при этом обманывает еще животное, царапая лед ладьями на руки лапами животного, пока лахтак опять не заснет, и тогда охотник двигается дальше. Когда охотнику кажется, что он подполз достаточно близко, он вскакивает и кидает в животное с помощью бросалки гарпун, к которому прикреплен ремень. Гарпуном с помощью нижнего более толстого костяного конца бросалки охотник старается попасть прямо в глаз животного, чтобы его прикончить. Чтобы облегчить ползание при такой охоте, чукчи подвязывают к локтям и коленям куски шкуры белого медведя. Нижний костяной конец бросалки называется у них Etworai, а искусственный ласт — Weulkunai. С весны до октября оседлые чукчи бьют китов. Их ловля делается очень опасной, если они тотчас же, как подобьют кита, не удалятся со своими байдарками. Гарпун обычно весь сделан из клыка моржа, иногда с железным острием, к нему прикреплен прочный лить, а к последнему привязаны три надутых воздухом шкуры тюленей на 30 сажений от гарпуна вместо поплавков, затем через 20 сажений еще две таких же надутых воздухом шкуры, через такое же расстояние еще одна, в конце литья. Надутые воздухом шкуры тюленей, снятые «чулком», на-

зываются у чукчей *Puiri, Watachpak, u.* Чукчи следуют за этими всплывшими знаками и пытаются прикончить измученного кита копьями, как и подбитых тюленей. Оседлые коряки Каменского острога тоже ловят китов в Пенжинском заливе, который называется у чукчей *Miyurk, a* у коряков *Migykin — Weiam.* Коряки привязывают ремень гарпуна к широкому носу своих кожаных байдар и пускают гарпун, как стрелу, в голову кита. Эти морские животные доставляют большинству оседлых богатую пищу, однако иногда случается, что им грозит голод. Причина этого в следующем: временами плавучий лед слишком рано, чуть ли не в середине августа, прибывает к берегу, а иногда уже в январе от него отгоняется и тем самым препятствует чукчам, выезжающим на ловлю, обеспечивать себя вовремя достаточным количеством пищи; однако они, видимо, до сих пор это не уразумели. Что касается ловли рыбы, то здешние занимаются ею лишь иногда, для употребления рыбы в свежем виде, а не для заготовки ее впрок. Пользуются они сетями из ниток, сделанных из китовых жил или ремешков из тюленьей кожи — *Jaeginghi; Nigachpach, u.*, а иногда сачком из полосок китового уса, к которому подвязывают внизу камень; для ловли мелкой рыбы служит костяная удочка — *Tscheruena, Nikschick, u.*

Их байдары обтянуты разрезанными вдоль моржовыми шкурами, по верхнему краю остов закреплен двумя шестами, образующими спереди острый, выдающийся вперед нос, а сзади шесты выступают за тупую корму. В байдаре четыре скамьи для гребцов. На передней сидит один, а на прочих 2—3 гребца и один на руле. Гребут короткими однолопастными веслами. При дальних плаваниях привязывают чукчи к байдарам в середине, чуть ближе к носу, по поперечному шесту, а на выступающих концах последних прикрепляют по целой, надутой воздухом тюленьей шкуре в виде поплавка, благодаря чему они противостоят ударам волны и обеспечивают безопасность плавания. Без таких пузырей-поплавков они не осмеливаются выходить в море. Кроме того, служат эти поплавки для равновесия при втаскивании убитых морских животных и при разделке туш, причем в последнем случае оба поплавка привязывают с одной стороны байдары. Замшевый парус из ровдуги называется у них *Eteme-Tleni* или *Tempore*, весла — *Teweno* или *Amgaghnu, u.*

На медведей охотятся они с копьями и утверждают, что белых медведей, за которыми охотятся на воде, легче забить, чем бурых, потому что последние якобы значительно поворотливее.

Лисиц и песцов ловят силками, куда кладут пищу и, когда зверьки попадают на приманку, силки затягивают длинным ремнем. Зайцев загоняют они в жилые сети, а за росомами охотятся в легких нартах, запряженных оленями. Зимой ездят оседлые чукчи на собаках.

Их нарты имеют пять с половиной футов длины, восемь—десять дюймов высоты и один фут четыре дюйма или несколько больше ширины. Полозья скорее узкие, подбитые китовым усом, на них поставлено семь-восемь копыльев из оленьих рогов, к ним привязаны с помощью

полосок из китового уса два отстоящих друг от друга на четыре дюйма более толстых шеста (нащепы) по длине. На них лежит еще продолговатая четырехугольная рама, напоминающая стремянку с семью или восьмью ступенями. К этой раме спереди с обеих сторон прикреплено по тонкому шесту, соединяющему полозья с передком нарт. В задней части нарт делают они, как и оленные чукчи, сиденье для женщин. В отдельные ремни, привязанные к передку нарт, впрягают чукчи от трех до семи собак в ряд (поперечный) и проезжают на них, особенно весной, большие расстояния за день пути, особенно потому, что собакам всегда хватает пищи, а кнут делает остальное.

Может быть, можно было бы отнести к их занятиям курение табака, в чем они едва ли превосходят своих женщин. Для чукчей это замена наших спиртных напитков. Курение — это единичная глубокая затяжка дыма, который они затем большей частью выпускают с отрыванием слюны; реже следует рвота при впадении в бессознательное состояние. Такие примеры нередки у якутов, когда кое-кто из них под влиянием опьянения дымом падает в огонь своего очага и обгорает до смерти или при переезде вброд реки падает с лошади и тонет.

Представляется целесообразным добавить здесь кое-что об их торговле с островитянами пролива и об их военных походах. Набег свои оленные чукчи направляют главным образом против коряков, вражду с которыми все еще не могут забыть, а в прежние времена выступали и против юкагиров, которые с их помощью почти уничтожены. Цель их набегов — грабеж оленей. При предприятиях подобного рода чукчи выбирают себе предводителя, что в других случаях редко имеет место. Когда они приближаются к чужой земле, то оставляют позади женщин и юрты, а их предводитель советуется с более опытными стариками. Возраст при таких предприятиях имеет преимущество, а все остальные молчат. Вождь — Parthup — посылает в стойбища посланцев и определяет место сбора. Нападения на яранги противника начинают всегда на рассвете. Одни бросаются с арканами на яранги и стараются их разрушить, выдергивая стойки, другие в это время колют копытами покрывки яранги, а третьи, подъехав быстро на своих легких паргах к оленьему стаду, делят его на части и угоняют. Иногда удается корякам убить некоторых из нападающих, стреляя из ружей из яранги, или ранить, и тогда чукчам приходится ни с чем убраться восвояси. Однако так как чукчи большей частью очень быстро разрушают яранги, то корякам реже удается стрелять во второй раз и больше. В то время как чукчи закаляются всех боеспособных мужчин (так как когда дело доходит до копыта, то эти «русские бабы», как чукчи называют коряков, уступают чукчам и справляются с ними только при большом численном перевесе), женщин и детей они уводят с собой. Коряцкие женщины носят на боку маленькие ножи, которыми они тогда убивают собственных детей. Родственники пленных приходят через несколько дней к чукчам, чтобы выкупить своих близких, причем им нет надобности бояться дальнейших враждебных действий со стороны чукчей.

Прежде чем чукчи начинают враждебные действия (бой) в открытом поле, они приносят несколько оленей в жертву земле. Со своих убитых врагов чукчи снимают одежду и кладут трупы затем на землю, лицом вниз, чтобы они не могли смотреть на солнце. Трупы храбрых врагов, которые ранее убили нескольких из чукчей, они увечат, прокалывая большей частью правое предплечье стрелами, как они сделали это с майором Павлуцким. Оседлые чукчи к тому же имеют обычай татуировать на своих руках фигуры, изображающие убитых ими врагов. Хотя и реже, но проявляют чукчи жестокость и в отношении пленных; так, нескольким казакам, которые попали к ним в руки, они выжгли кожу раскаленными ножами, а затем убили их; еще раньше они взяли в плен молодого казака из Анадырского острога и принесли его в жертву земле.

Ради той же цели, то есть грабежа, пересезжают оседлые чукчи на своих байдарках в Америку, нападают на стойбища, убивают мужчин и забирают женщин и детей в качестве пленных; в результате нападения на американцев получают они частично и меха, которые они обменивают у русских. Оленные чукчи покупают у оседлых за 12 важенок или за 10 важенок и за двух ездовых оленей американских женщин, детей — за более умеренную плату; женщины они используют для постоянной работы, слегка бьют, одевают в поношенную одежду и предоставляют в распоряжение приезжих. Пленный называется у них *Pugel*. Благодаря продаже американских женщин оленным чукчам и прочим торговым сделкам оседлые чукчи превращаются в оленных и могут иногда кочевать вместе с оленными, хотя со стороны последних никогда не пользуются уважением. Большинство оседлых владеет десятью, двумя или одним оленем, которых они держат при стадах оленных. Встречаются также у чукчей коряки и единичные юагиры в качестве работников. Чукчи женят их иногда на своих бедных женщинах; а оседлые также берут зачастую в жены пленных американок⁵.

В нынешнем году (1791) оседлые чукчи отправились на нескольких байдарках в Америку для набега, но нашли пустые жилища, а жители все ушли, боясь мести чукчей, так как в прошлом году во время шторма из четырех чукотских байдар три были выброшены на Американский берег, и американцы перебили всех мужчин. Чукчи же четвертой байдары, поскольку у них разорвалась старая обтяжка их лодки и в перспективе у них оставалось только утонуть, перерезали друг друга ножами.

Только немногие из оседлых чукчей отправляются сами в Америку для меновой торговли. От марта до апреля лишь единичные чукчи осмеливаются отправляться туда с северо-восточного мыса пешком или на собаках через лед с некоторым риском для себя. Чаше же всего отправляют они туда замужних пленных женщин из тех мест или устраивают меновую торговлю на островах в проливе, предлагая же-

⁵ Автор имеет в виду эскимосок Аляски. (Прим. ред.).

лезные изделия и бисер и получая в обмен парки из куньего и мышиного меха, волчьи, рысьи, росомашьи, лисьи и выдровые шкуры. Жители о. Окипен встречаются, по своему обычаю, байдары чукчей в доспехах, с луками, стрелами и ножами, также провожают они их при отъезде, причем чукчи отвечают им тем же. Островитяне распределяют таких гостей между собой поодиночке и ходят и сидят с ними в своих жилищах большей частью с обнаженными ножами. Островитяне имеют до восьми жен каждый и предоставляют их приежжам.

Волосы женщины заплетают по бокам в две косы, которые они большей частью связывают концами сзади.

Что касается их татуировки (рис. 8), то татуируют женщины железными, частью трехгранными иглами — *Titinga, Sikuk, u.* Удлиненные куски железа прокалывают над лампой и придают им форму иглы, отбивая молотком на камне, причем они сначала опускают острие последних в вываренный и смешанный с жиром мох от своих ламп, а затем в протертый с мочой графит *Telngniacher, Tainagli, u.* Графит, которым чукчи натирают нитки из жил при татуировке, они находят в изобилии кусками на реке поблизости от их стойбища Пуухта. Татуируют иглой с выкрашенной нитью, в результате чего чернота остается под кожей. Несколько опухшее место, где сделана татуировка, намазывают жиром.

Еще до десяти лет татуируют они девочек сначала в две линии — вдоль лба и по носу — *Jakchajakchynkaligtyk, Atkahutschikschi, u.*, затем следует татуировка на подбородке — *Kuwelkukeli, Talueuchtichyi, u.*, затем на щеках — *Gelpukeligitt, Ukhutschichtschi, u.*, а когда девочки выходят замуж (или около 17 лет), татуируют снаружи предплечья до кисти различными линейными фигурами — *Krumkeligitt* или *Runmuckel*, которое женщины выговаривают как *Zunmuckel, u.* У большинства последний термин означает татуировку по всей руке, а у немногих только татуировку предплечья или тыльной части кисти, реже обозначают татуировку у женщин на лопатках или на лопке (рис. 9а). Также татуируются и мужчины оседлых чукчей, а у оленных чукчей мужчины татуируют иногда только лицо, или от плеча до груди, или снаружи на руке, где они вытатуировывают изображения убитых или врагов. Снаружи на передней части руки они изображают (рис. 9б), что у них называется *Tamyngytschinchteikitik Juguljachtschi, u.*; на лице татуируют они себя на лбу, с обеих сторон (рис. 9в), а внизу дальше ограничено линией, затем от наружных углов глаз (рис. 9г); частично еще дальше двумя более короткими чертами и между глазами над носом (рис. 9д); над бровями рисунком (рис. 9е) снаружи; от углов рта частично косою линией (рис. 9ж), а также (рис. 9з) таким же рисунком частично от углов глаз; также некоторые татуированы от углов рта следующим образом (рис. 9и, к) или фигурами, подобными (рис. 9л), а на подбородке при этом (рис. 9м) или (рис. 9н), так же, как и продолговато-округлыми (рис. 9о) одинарными линиями; некоторые чукчи татуированы полностью на щеках изогнутыми линиями.

Рис. 8. Татуированная чукотская женщина.

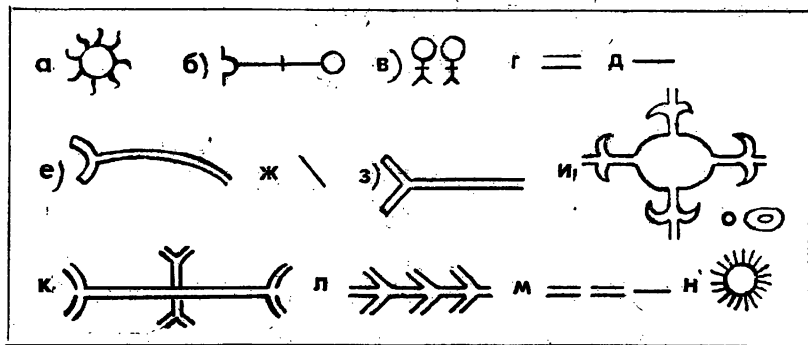

Рис. 9. Образцы татуировки чукчей.

В качестве серег — Wiluelgin, Kupagyt, u — используют женщины хотя и некрасивый, больше голубой бисер, но и наши дешевые серыги, кажется, нравятся им как подарки. Также и мужчины подражают им в этих украшениях; также и американки по соседству оказывают предпочтение такому бисеру, однако они довольствуются вместо него или коралловых бус закругленными, короткими алебастровыми трубочками, которые чукчи называют Wankat-Kililet. Этот же термин применяют чукчи и для обозначения бус из стекла или плавленного бисера, а также коралловых бус. Американки имеют в носу дырку и носят пропущенные через нее голубые бусы, которые свешиваются до самой губы. Чукотские женщины, а иногда и мужчины, носят вокруг шеи спускающиеся на грудь коралловые бусы в несколько рядов. Украшают руки браслетами, как и американки, из железных колец по три в ряд. Вокруг шеи женщины носят ремень, который просунут затем в железную трубочку для передвижения взад и вперед; в ремень внизу воткнуты иголки. Иногда на концах ремня бывают подвешены маленькие бубенчики.

Свою одежду называют они Kerker, а оседлые — Kachlibagyt. Она плотно облегает тело, опускается ниже колен, где и завязывается, образуя как бы штаны. Эта одежда имеет удлиненный вырез спереди на груди и несколько короче сзади. Надевают ее через голову. Рукава у кистей не сужаются, а остаются свободными. Они, как и вырез, оторочены собачьим мехом. Эту одежду носят двойной; нижняя из шкур оленя, а верхняя из шкур оленей, забитых поздней осенью, шерстью наружу. У оседлых чукчей мужчины и женщины носят короткие нижние штаны, доходящие до бедер, а женщины поверх носят еще другие штаны из шкур тюленя шерстью наружу, к которым сзади пришита спускающаяся вниз оторочка из собачьего меха, доходящая до колен, где шта-

ны раскрыты: подражание американской одежде. Женские сапоги — *Plaeket, Kamgyt, u*, доходят до колен, где они завязаны под штанами. Пока позволяет время года, они делаются из выделанной тюленьей кожи; зимой же из камуса, и чукчи надевают их на меховые чулки.

Поверх упомянутой одежды носят чукчи широкую меховую рубаху с капюшоном, доходящую до колен. Надевают ее в праздники, при поездке в гости, а также во время перекочевков. Эта рубаха имеет с обеих сторон внизу закругленный вырез, а сзади образуется короткий «хвост». Они надевают ее шерстью внутрь, а более зажиточные носят еще вторую — шерстью наружу, для которой они выбирают бело-пятнистые коротковорсные меха. Первая рубашка окрашена чаще в бледно-коричневый цвет, а внизу кругом и наверху по вороту под капюшоном украшена широкой полосой коричневого цвета с оторочкой из волчьего меха, а у других только вокруг капюшона и внизу кругом из белого длинноворсного собачьего меха. Нагрудник шит из кож, снятых с собачьих лап вместе с когтями. На плечах так же, как по обе стороны спины, нашиты маленькие кусочки волчьей шкуры, от них спускаются ровдужные ремни, к которым иногда привязаны бисерины. Когда эту одежду носят шерстью наружу, на шею нашивают ремешки с кистями, из шерсти молодых тюленей, окрашенной в черный и красный цвета.

Зажиточные чукчи оторачивают одежду более широкой опушкой из волчьего меха, а украшение делают из меха росомахи. Вместо верхней парки носят также и старухи простую более длинную камлейку, которую они используют также в качестве дождевика. Их рукавицы такие же, как у мужчин. В дождливую погоду женщины носят простые дождевики. Имеют они еще и другие, из отбеленных на солнце кишок плащи, которые больше служат для украшения, чем для защиты от дождя.

Занятия женщин: забота о съестных припасах, обработка шкур, шитье одежды.

Их пища — от оленей, которых они закалывают поздней осенью, пока эти животные еще жирны. Чукчи сохраняют мясо оленей кусками про запас. Чтобы полакомиться свежим мясом, они зимой еще закалывают оленей. Пока живут на одном месте, коптят мясо над дымом в своих ярангах, а то просто употребляют его в течение зимы слегка подваренным, если местность вокруг их стоянки имеет ивовые заросли; употребляют мясо и мороженым, причем разбивают его на маленькие кусочки на камне каменным же молотком. К этому блюду мы тоже скоро привыкли. Бульон от вареного мяса чукчи пьют горячим из круглых чашек, сделанных из китового уса, однако бульон служит им также и для утоления жажды, причем они кладут тогда в него снег. Костный мозг свежий или замороженный, жир и язык считают они самыми вкусными. *Receptaculum chyli*⁶ заполняют они жиром, покрывающим диа-

⁶ Это латинское название не переводится на русский язык. По отдельности эти слова означают: *Receptaculum* — вместилище, *chyli-chylus* — молочный сок, пищеварительный сок.

фрагму, который они любят. Другой жир сохраняют в кишках, которые тоже, очистив от нечистот, сушат и употребляют в пищу. Кости для варки разбивают, после чего из них вытапливают жир. Зимой чукотские женщины делают из оленьего мяса с жиром вкусное блюдо. Мясо мелко рубят, смешивают с оленьим жиром, костным мозгом и небольшим количеством китового жира, чтобы оно легко застыло. Это блюдо они называют Ргеагем. Чукчи, живущие на берегу реки Анадырь, примешивают еще к этому молодые шишки сибирского кедра *Pinus Sembra*. Коряки употребляют то же самое блюдо, что и чукчи, и берут его с собой во время перекочевок. Также используют чукчи содержимое желудка оленя и его кровь. Содержимое желудка называется у них *Rilgyril*, а женщины произносят это слово как *Zilgyzil*, так как они не могут произносить «г»⁷. Пока олени еще питаются ивовыми листьями, чукчи их закалывают, извлекают содержимое их желудка, примешивают к нему иногда ивовые листья, заранее собранные, и заполняют этой смесью мешки из тюленьих шкур, снятых «чулком». Эту смесь они с удовольствием едят зимой, смешивая с ворванью, оленьим жиром и кровью. Кровь сохраняют в сосудах — *Waegen*, куда еще бросают мелко нарубленные легкие и печень, слегка поджаренные на огне. Эти сосуды они подвешивают в своих ярангах, чтобы кровь несколько закисло, а зимой везут это в замороженном виде с собой. Наконец, чукчи употребляют еще жилы с ног оленей для шнурков, а жилы со спины для приготовления ниток для шитья. Оседлые чукчи летом варят плавники китов и сохраняют их свежими. Мясо китов сушат в ярангах на поперечном бруске под кровлей в дыму или закладывают его вместе с мясом моржей в ямы, где оно хорошо закисает. Употребляют его в пищу сырым с ворванью или вареным. Также вешают на воздухе куски китовой туши за ребра. Затем эти куски они покрывают сеткой из ремешков, сделанных из китовой кожи. Китовый жир — *Kaegmytkumytt*, *Mytscheghan,u* — кладут они в ямы, большей частью поблизости от берега моря, недалеко от своих яранг, и закрывают частями китового скелета (сверху жир счищают), а попадающая туда дождевая вода вытекает тогда из ям по желобу, как и в их кладовых. Набивают они также этот жир без кожи в виде прессованных кусков в мешки из тюленьих шкур, где он сам собой тает, превращаясь в сало — *Mitchimit*. Последнее является для чукчей незаменимым для их ламп, а не только для употребления в пищу.

Их лампы — *Eijak* или *Naeeek*, *Kennach,u* — сделаны из глины или камня, и под них еще подкладывают две подставки равной величины. Фитилем служит у них мох — *Witeae*, *Paskak,u*.

⁷ В прошлом, до введения письменности, радиовещания на родном языке, чукотские женщины употребляли особое произношение. Дело тут не в том, что они «не могут произносить «р». Это была традиция, объяснения которой, к сожалению, еще не дано. В наше время все чукчанки уже говорят так, как и мужчины, то есть они произносят все существующие в чукотском языке звуки без каких-либо затруднений. (Прим. ред.).

Китовый или тюлений жир растапливают они медленно до тех пор, пока он уж больше не тянется, подобно черной смоле — Wapa (ее жуют для времяпрепровождения). Оседлые варят пищу на огне, который поддерживают костями и китовым жиром. Ласты моржей, защитные кругом, можно встретить лежащими в их ярангах.

Из растительности чукчи используют: 1) ивы, которых здесь имеет-ся два вида: а) растущие на равнине ближе к горам, вокруг рек, защищенных горами и высокими берегами, высотой 3—4 фута — *fol. la-pocolata* Sub, *serratula*, *subtus albidula* или с легким беловатым налетом — ива оленей; б) вокруг рек, несколько выше человеческого роста, *fol. latiora vix serrata*, *subtus albotomentosa*, молодые листья зелено-желтовато-белые, опушенные, снизу беловато-опушенные — ива лосей. Оленные чукчи называют первую Jomrot или Jomrat; оседлые — Okjuet,u; второй вид называют они из-за пушистости Pokata или Poka-Jomrot. У ив того и другого вида сдирают они кору корней, реже кору стволов, хотя вторую предпочитают первой. Они едят кору с кровью, китовым жиром и мясом морских животных. Древесину корня жуют мужчины ради времяпрепровождения до мягкости и плетут из нее фитиль для зажигания трубки. С ив первого вида собирают чукчи еще молодые листья, варят их в глиняном горшке — Rae-kukeng (слово обозначает также котел, называемый у оседлых Kolumtschit,u). Эти горшки, как и деревянную свою посуду, чукчи получают из Америки. Варенные ивовые листья сохраняют в тюленьих мешках и едят зимой с салом. 2) *Polygonum divaricatum*; некоторые стебли расширены, цветы имеют красновато-беловатый цвет. Корень этого растения собирают чаще в начале сентября на зиму. Называется он у чукчей Kuret, женщины произносят его Kutzet. Само растение чукчи называют Poigitzet. Названный корень — слегка вяжущий, если он потолще; когда гниет внутри, становится полым, и чукчи едят его, обмакивая в кровь, с салом. Листья едят отчасти свежими с квашеной тюленьей кровью, как и с квашеной моржовой печенью, но большей частью их варят, как сказано выше, то есть для сохранения на зиму, причем сначала выдавливают сок руками. 3) Чукчи собирают также корень *Nedyfarum alpinum*, который называют Inataet. 4) На зиму запасают еще корень травы со многими узкими, длинными листьями, которая растет вокруг внутренних озер и болотистых мест. Русские этой области называют этот корень пельха, а само растение осокой. Чукчи же называют корень Pelkchomug, а растение Weipelkchomug. Сами они редко затрудняют себя выкапыванием этого корня, а чаще забирают к концу сентября запасы короткохвостой мыши. Мышиные норы образуют неровные, скорее округленные отверстия в земле, непосредственно под мшистым дерном, большей частью по берегам рек, куда мыши сносят чаще всего эти корни, а также корни *Nedyfarum*, а частью и корни *Polygonum*, те и другие кусочками. Эти корни едят чукчи иногда с кровью оленя и с жиром, слегка отваренные; иногда отдельно, как и другие корни. Реже собирают они корень *Ahtragulus* (*Astragalus*) с пузыреобразными

стручками, которые сладковаты на вкус, называют его Kytschupat, и еще другой корень типа Pedicularis с красноватыми цветами.

Для выкапывания указанных видов корней пользуются женщины мотыгой из моржового клыка или куском оленьих рогов — Windid. Также собирают чукчи морскую капусту — Murgomug, которую едят с китовым салом, кровью и содержимым желудка оленей в вареном виде. Часто собирают вокруг возвышенностей шикшу (водяницу), которую едят только в свежем виде.

Заготовка оленьих шкур: После сушки свежих кож очищают мездру от тонкой пленки и жира, который они в дальнейшем используют, с помощью скребка, состоящего из острого куска шифера, вставленного в круглую деревянную рукоятку. Вместо шифера иногда употребляется кусок какого-либо камня. Этот скребок они потом заменяют вторым — железным. Затем они смачивают эту сторону кожи мочой, что они делают и повторно, причем прибавляют к моче содержимое желудка оленей, затем снова прилежно скоблят, опять смазывают слегка подваренным содержимым желудка и оставляют лежать на ночь в свернутом виде. После этого они опять повторяют соскабливание, затем стараются сделать эти кожи мягкими путем разглаживания их пятками, для чего они надевают обувь иногда даже на двойной подошве. Кожу скоблят и трут также шероховатым песчаниковидным камнем и мнут в руках, обмазывают еще на ночь содержимым желудка, после чего опять скоблят и потом, красят. Для окраски кожи в ярко-коричневый цвет служит им кора ольхи, которую они размельчают в порошок, а затем смешивают с мочой. Казаки в Гижиге варят кору в воде с добавлением небольшого количества ивовой золы. Вместо ольховой коры употребляют чукчи еще окись железной руды — Tschewutscha, которую они находят на берегах некоторых рек. Они ее растирают на камне с мочой.

Коряки пользуются для выделки шкур не мочой, а только содержимым желудка оленей, поэтому шкуры у них мягче, но становятся влажными на холоде и сохраняют запах содержимого желудка.

Ровдугу чукчи готовят подобным же образом. Размачивают кожу в моче для удаления волос, затем смазывают несколько раз содержимым желудка оленей.

Коряки же придают ровдужей коже желтоватый цвет с помощью листьев сибирской снежной розы, которую они собирают и сушат, а в пелях окраски варят. Это растение называется корякской травой.

Для окраски шкур молодых тюленей в красный цвет служит чукчам корень *Galium boreale*, называемый у них Rekinmangyt (женщины произносят как Tschekinmangyt), а у русских этой местности он называется марена⁸. Собирают его осенью, выбирают густого желтого цвета или, как они выражаются, выпадающий в красноватый оттенок. Цвет они проверяют соскабливанием коры ногтями. Корень разламыв-

⁸ Марена — красильный корень (Даль В. И. Указ. раб., т. 2).

вают и варят в воде, причем добавляют листья *Arbutus alpina* — Кло-кайуитт, один лист Witwitt, которые к осени становятся красными, и немного золы. В эту смесь бросают для окраски некрупные куски шкур. Чукчи утверждают, что эта краска отличается устойчивостью.

Юкагиры тоже красят шкуры этими корнями и корой ольхи.

Оседлые чукчи обрабатывают тюленьи шкуры еще другими способами. Так, они размачивают тюленьи шкуры в моче, пока не вылезут все волосы, затем шкуры вешают на февральский мороз для того, чтобы они стали мягче и белее. Обработанные таким образом кожи казаки называют мандарками, а чукчи Emtenugun и употребляют для наращивания сверху своих легких коротких сапог, а также сапог, входящих до бедра, и для ремешков, которыми перевязывают последние. Другие шкуры, размягченные, сначала в моче и обработанные, красят они с одной стороны корой ольхи в красный цвет. Для легких, более коротких и длинных сапог, которые чукчи носят, пока позволяет время года, особенно в сырую погоду, а также для налучней и колчанов употребляют чукчи кожи, обработанные соскабливанием волос с тюленьих шкур не начисто, а делают это, насыпая сначала на них золу, из-за чего кожа, хотя и неравномерно, делается черной и такой остается.

Что касается шитья, то они ловко с ним справляются, но шьют довольно скверно.

Брак у чукчей. Если сватающийся получил согласие родителей, то он спит с дочкой в том же самом пологе; если ему удастся завладеть ею, то тем самым брак заключен. Если же у девушки нет расположения к нему, то она приглашает к себе на эту ночь нескольких своих подружек, которые борются с гостем женским оружием — руками и ногами.

Корячка иногда заставляет своего ухажера страдать продолжительное время. Жених в течение нескольких лет напрасно старается достигнуть своей цели, хотя и остается в яранге, таскает дрова, сторожит стадо и не отказывается ни от какой работы, причем другие для того, чтобы испытать жениха, дразнят его, даже бьют, что он терпеливо переносит, пока момент женской слабости не вознаграждает его.

Иногда чукчи допускают половые отношения между детьми, которые растут у родителей или родственников для дальнейшего вступления в брак. О приданом эти дикари ничего не знают, и дочка получает кроме одежды только нарты с двумя оленями, на которых и следует за своим мужем. Правда, тесть одаряет зятя оленями, но тот отвечает тем же. Коряки же распределяют своих оленей поровну между своими детьми.

Чукчи как будто не берут себе больше четырех жен, чаще по две или по три, а менее зажиточные удовлетворяются одной. Если умирает жена, то муж берет ее сестру. Младшие братья женятся на вдовах старших, но брать старшему брату вдову младшего — противоречит их обычаям. Бесплодную жену чукчи вскоре выгоняют без всяких претензий со стороны ее родственников, и часто встречаешь еще молодых

женщин, которые таким образом уже доставались четвертому мужу. Обычно ее наконец навсегда берет более пожилой мужчина или который имеет уже детей, но возьмет из-за ее молодости или каких-либо прелестей.

При родах чукотские женщины никакой помощи не имеют, кроме природы, и, говорят, нередко они при этом умирают; послед — Жагапи, Algakhrach, u — обкладывают недалеко от яранги кусками дерна и отдельными камнями. Во время месячных — Rekokatje, Awtuk, u — считают женщин нечистыми; мужчины воздерживаются от общения с ними, полагая, что от этого получаются боли в спине. Девственность называют чукчи Jeraschoimugunkile. Говорят, что корякские женщины, которые полны коварного упрямства, чтобы дать полную свободу своей неприязни к мужьям, выдавливают свой плод сильным давлением рук. Чукотские женщины как будто им в этом не подражают.

Чтобы дать новорожденному имя, чукчи держат нитку с привязанным камешком и вызывают своих умерших предков по имени, смотря по полу ребенка, с добавлением: «Ты пришел!». Этот призыв они продолжают до тех пор, пока им не покажется, что камень на нитке качается, и тогда ребенок получает последнее из названных имен. Имена их допускают перевод. Все имеют два имени, но привыкают только к одному; однако во время болезни часто меняют первое имя на второе.

Дети сосут очень долго, большей частью пока сами от этого не отвыкнут; обычно сосут по двое сразу, почему чукотские женщины преждевременно стареют и особенно делается дряблой их грудь. Чукчи предоставляют детям полную свободу и часто поощряют их упрямство. В пологе, где я ночевал во время нашего путешествия, был мальчик пяти лет. В добавление к мясной пище, которой его усиленно пичкали, он постоянно сосал грудь своей бабушки, потому что привык к ней больше, чем к своей матери. Этого мальчика добрые бабушка и дедушка так избаловали, что в самых ничтожных случаях, когда не соглашались исполнить его капризы, он принимался драться с ревом с матерью и бабушкой к радости деда, который его за это сердечно ласкал и прижимал к себе; также его мать — тощее длинное существо — иной раз давала пинка своей матери или просто била ее.

Мужчины живут большей частью в согласии со своими женами, но последние выкидывают грубые штуки, против чего мужчины используют даже оружие.

Одежду детей шьют из оленьих шкур шерстью наружу. Она подбита мехом оленят, заканчивается рукавичками, сапогами и капюшоном, отороченным длинношерстным собачьим мехом. Одежда детей имеет клапан, который открывается между ногами до спины, и, пока маленькие еще пачкают, с его помощью часто меняют подстилку из оленьих волос с мехом. Носят чукчи своих детей на плечах.

Обмен женами — Newtumgin. Если мужья сговорятся таким образом укрепить свою дружбу, то спрашивают согласия жен, которые редко отказывают им в их просьбе. Когда обе стороны таким образом

договорились, спят мужчины, не спрашиваясь, вперемишку с чужими женами, если они близко живут друг от друга или когда приходят друг к другу в гости. Обмениваются своими женами чукчи большей частью с одним или двумя, однако случаются примеры, когда они получают подобное родство одновременно с десятью, так как их жены, по-видимому, не считают такой обмен нежелательным. Зато женщины, особенно у оленных чукчей, реже оказываются склонными к измене. Они обычно не терпят чужих шуток на этот счет и вместо того, чтобы ответить на шутку шуткой же, принимают все всерьез и плюют в лицо или дают волю рукам.

Коряки не знают такого обмена женами; они ревнивы и измену мужу наказывали когда-то смертью, но теперь — только изгнанием.

Дети чукчей при таком обычае повинуются чужим отцам. Что же касается взаимного питья мочи при обмене женами, то это вымысел, поводом к которому могло послужить мытье лица и рук мочой. Во время скудных осенних перекочевок такой гость часто приходил к нашей хозяйке, причем муж ее тогда отправлялся к жене последнего или спал в другом положе. Оба они мало церемонились, и если хотели и днем удовлетворить свои страсти, то выпроваживали нас из полога; они также часто ели вместе жирные куски, курили вперемижку табак, меньше проявляли нежностей, причем целование у них выражалось в трении носами, а для того, чтобы отправлять свои нужды, обоим служил чашка (Schaaale).

Оседлые чукчи также меняются между собой женами, но оленные не меняются женами с оседлыми, также оленные не женятся на дочерях оседлых, так как считают последних недостойными себя. Жены оленных никогда не согласились бы на обмен с оседлыми. Однако это не препятствует тому, чтобы оленные чукчи спали с женами оседлых, на что их собственные жены не смотрят косо, но оленные чукчи не разрешают оседлым делать то же самое. Оленные кормят полутьму мужа и жену оседлых, когда те приходят в гости, и дают им с собой в подарок мяса свежезаколотого оленя. Еще представляют оседлые чукчи своих жен чужеземцам, но это не доказательство их дружбы к ним и не из желания получить от чужеземцев потомство. Это делается из корысти: муж получает пачку табаку, жена нитку бус на шею, несколько ниток бисера на руку, а если хотят роскошествовать, то еще серьги, и тогда сделка заключена.

Чтобы удалить болезни, которые, чего доброго, могли бы им занести чужеземцы, принимали нас оленные чукчи следующим образом. Еще когда наши лодки были на некотором расстоянии от берега, жена нашего будущего хозяина и жена его сына развели около берега два маленьких костра на небольшом расстоянии друг от друга, после чего, когда мы приблизились к берегу, они стали вместе с детьми бросать в нашу сторону с криком приветствия горящие ветки ив и шикши. Когда мы высадились и наша поклажа была вынесена на сушу, все остались стоять перед огнем; затем женщины, достаточно расторопные,

принесли в жертву огню кусочки смеси из оленьего жира, ивовых листьев и сала, а также моржовых кишок; тогда только хозяин, а за ним наш начальник Биллингс прошли между двумя кострами, причем женщины в это время делали вид, что отгоняют что-то от себя руками, после чего проследовали и мы таким же образом вместе с прибывшими с нами чукчами, и, наконец, пронесли они таким же образом нашу поклажу. Теперь хозяин снял свою парку, сделанную из шкур белых молодых оленей, и подарил ее нашему начальнику для того, чтобы он ее надел, взамен чего начальник дал ему рубашку, которую хозяин надел вместо парки; после этого хозяин пожелал нам здоровья и счастливого путешествия к Колыме и повел нас к яранге. Такой прием чужеземцев называется у них Ktangytangyt, а у оседлых — Tughnagaityk.u. При встрече своих, то есть чукчей, возвращающихся из Гижиги и с Колымы, остававшиеся дома идут им навстречу, на некотором расстоянии от яранги встречают приехавших, бьют сверху вниз копьями вдоль их одежды, стреляют мимо них в воздух стрелами и пропускают затем между двумя кострами. Также, когда они зимой возвращаются домой от оседлых, они останавливаются на своем пути, несколько отдалившись от поселений, обращиваются и кричат ветрам, чтобы не занести никакой болезни, как будто они были сопровождаемы дьяволами: «Возвращайтесь назад, у нас холодно, у нас вы замерзнете».

Когда чукчи приходят в гости друг к другу, то единственное приветствие, которое они произносят, это: «Я пришел», на что хозяин отвечает: «Ты пришел», а при уходе говорят они взаимно (что им заменяет будьте здоровы) «Tam, tam», что соответствует «довольно, довольно», к этому реже они добавляют две буквы: «Tamto, tamto». Когда чукчи ездят в гости, они обычно берут с собой одну жену, чаще для того, чтобы получить добавочно пищи, особенно если они едут к зажиточным. Это связано с тем, что в их обычаях, когда приезжают с женами или если жены приезжают одни, закалывают оленя и целиком отдают гостям с кожой.

Праздники оленных чукчей. Осенью, примерно от 20 июля до 20 августа, на следующий день после забоя оленей, а также весной после отела, причем я сошлюсь на очевидцев, которые наблюдали празднества, имело место следующее. После того как женщины из нашей яранги шли некоторое время навстречу стаду, они развели перед ним два костра, принесли в жертву огню китовое сало, мясо и кашу из заквашенных ивовых листьев с кровью и жиром, бросили горящие ветки в направлении стада и съели остатки из своих деревянных чашек; теперь женщины погнали стадо к яранге, поставили корали из своих грузовых нарт, к ним приставили в ряд свои копья и окружили стадо по всему объему ремнями. Между или перед грузовыми нартами каждая женщина развела свой особый костер, после чего мужчины начали закалывать оленей.

Сначала наш хозяин, как самый почтенный человек этого семейства, заколол олененка с белыми пятнами на шкуре, причем он бросал

кровь рукой в направлении ручья, впадающего в море. «Мы боимся моря, потому что наши лодки очень маленькие», — был его ответ на наш вопрос. Также бросали они кровь по направлению солнца, как и по направлению местности, цели нашего дальнейшего путешествия; клали затем заколотое животное в зависимости от своих целей головой к солнцу, к морю, к направлению будущего пути, к ярангам на ивовые ветви или перед огнем, также обмазывали себя чукчи, не исключая женщин и детей, кровью из свежей раны, делая полоску на лбу, обмазывали свои нарты в нескольких местах, внутреннюю часть покрышки своей яранги, одежду, у себя под мышками, исподнюю часть моржовых шкур, на которых спят, и делали это, чтобы отдалить от себя дьяволов и чтобы не схватила их какая-нибудь болезнь.

В этот день заняты больше их жены; они снимают шкуры, чистят кишки, собирают содержимое желудков, наполняют сосуды кровью, отделяют мясо от костей и так далее. На обмазанные кровью ветки ивы и ноги оленей, положенные по нескольку штук вместе, чукчи укладывали свой лук и стрелы, своих божков — бесформенные деревянные фигурки, черепа медведя и волка, вместе с отдельными костями голени с копытами от оленят, которых они уже раньше освежали на необработанной оленьей шкуре, наконец, прежде чем они все убрали, разбили еще кость ноги, употребляя для этого каменный молоток и кожаную миску, обмазали костным мозгом рты своих божков разной величины, пасти упомянутых черепов животных, чтобы побудить животных этого рода щадить их стада, и немного мазали еще между копытами оленят. Упомянутые выше ноги животных и пучки из ивовых прутьев подвешивают чукчи к подпоркам внутри своих яранг для того, чтобы матери заколотых оленят прекратили печалиться и огорчаться. И хотя они уже к полудню удалили стадо на несколько верст от своих яранг, эти животные все же вернулись через несколько дней и искали своих детенышей. «Природа, дорогое имя! Пока мои веки не закроются навеки, твои узы будут меня связывать!» Рога, очищенные от шершавой пленки, вместе с лобовой костью оставляют лежать большей частью на том месте, где закололи оленей, или вешают их в своих ярангах.

Уже с раннего утра следующего дня женщины нашей яранги в полных больших котлах варили оленье мясо, смешивали костный мозг с ивовыми листьями и небольшим количеством волчьих ягод, жидкую кашницу из ивовых листьев смешивали с оленьей кровью и жиром. Закончив это дело, они разрезали мясо на куски на разостланной коже и ставили чашки с растительной пищей.

Теперь наш хозяин слегка ударил палкой снизу по краю бубна, после чего женщины снова высекли огонь и развели два костра, мужчины же бросали в них сырой костный мозг, кусочки листового табака, а также остатки растительной пищи, смешанной с настроганным березовым деревом. Затем предоставили вареное мясо женщинам оседлых чукчей, здесь оказавшимся. Эти последние в сутолоке запихивали мясо

в мешки и после того, как между ними были еще распределены отдельные листья табака, поспешно покинули ярангу. После, когда угощение прошло, перекрыли они ярангу снаружи сырыми моржовыми кожами, попутно, вместе с детьми, дочиستا подъели всю смесь из чашек. Теперь они положили кожи убитых накануне животных с головой и рогами перед двумя кострами, причем головами животных к югу, потому что на севере, в этой мрачной полосе неба, нет жилища солнцу; на головы оленей поставили своих деревянных божков, которые служат им для добывания огня, поскольку перед ними, как говорят чукчи, «огонь должен быть без погашения».

Тут начал наш хозяин с несколькими стариками двигаться к огню, причем они ударили в край бубна, который сначала смочили водой, чтобы он звучал менее громко; затем хозяин обратился с пригластительными призывами в адрес упомянутых божков; теперь запели более старые попеременно и медленно, к чему другие между тем кричали ho-ho-ho, hei-hei-hei; здесь танцевали мужчины в одиночку, поколачивая в бубен, быстро поворачиваясь в стороны, причем женщины танцевали вместе с ними, как и в Америке; затем медленно бегали с одной стороны на другую, громко поколачивая в бубен, и с теми же выкриками вокруг огня; затем пел наш хозяин божку их оленей: «Мы приносим тебе жертвы и никогда тебя не забудем, не дай постигнуть нас никакой напасти, защити наши стада и сохрани наших жен». Потом рассказывал он, обращаясь к старику: «Я рад, что дождался этих гостей, я рад так же, как если бы бог послал нам диких оленей и если бы в нашей суровой местности он дал бы расти деревьям; всякое счастье должно нам сопутствовать, чтобы мы здоровыми, невредимыми прибыли на место; вы видите теперь, как светит нам солнце, неужели счастье не должно нам сопутствовать? Пусть всякие невзгоды останутся далеко от наших яранг», к каковым пожеланиям старец все время приговаривал: *Naïuwa so, so*, или: «Пусть так случится». Потом хозяин продолжал: «Только нам должно быть жаль, что у нас не хватает леса, я желаю, чтобы никакие бури не препятствовали нам находить ивовые прутья; правда, нам казалось, что нам занесут болезни, но их мы пока что не видели и приносим за то нашу благодарность; правда, нам предсказывали болезни, но они могли направиться в другие места, мимо нас; мы радуемся русским, никогда эти чужеземцы не жили среди нас таким образом, не только нас они одарили табаком и коральками, но и нашу страну».

Снова танцевали мужчины на тот же лад с пением и также рассказывали кое-какие вещи из предстоящего и закончили пожеланием счастья, когда вдруг один старец сказал: «Один из оленей перед огнем, кажется, приближается к входу», и когда другие попросили его истолковать это, то ответил, сначала приведя себя в транс усиленным шумом бубна, что «будущее соответствует их желаниям».

Женщины повторяли следующую песню: «*Nenjo-jo jo-nenjo-nenjo*» — и при этом подпрыгивали на месте, гримасничали и как будто накло-

нялись вниз, вытягивали точно из земли непонятные слова: Enjomai, jo-jojo-enjomai, e, e, e-je, je, je, numjen do-numjen kojo-no no-no no,-ko, ko-ko, ko-ko koi, eho-jo, jo-joho, johohook, ko kook-ho, ho;-do-ooi, doooi, doooi, doooi-chei, chei-go, go-demanjo, awawei, последнее еще по десять раз, aiga, aiga — это повторялось еще восемь раз, — jaje, metemete, engonotonono, ono-mono, onoton-etjo, jo-anaui, ogoi. Это увеселение длилось до самого вечера, причем чукчи опустошили менее полный котел и без конца курили табак. Такие праздники называют оленные Myirkit, оседлые — Uwaelaui, а первые пользуются еще термином Nymnuchinaet, что значит «празднование».

У оседлых чукчей за ловлей китов в ноябре, декабре и январе следуют танцы, когда они ходят друг к другу в гости и когда избыток пищи заменяет лакомые блюда. На празднике после удачной добычи тюленей оседлые чукчи поднимают на шкуре связанные черепа этих животных, сколько каждый убил, и, когда ловля прошла, а это бывает в конце мая, кладут эти черепа на возвышенностях в качестве отдачи земле, при этом не забывают пировать. Танцы мужчин и женщин у оседлых чукчей сходны с танцами в Америке. Мужчины танцуют голыми, но только с обувью на ногах, голова украшена у них перьями,двигающимися в разные стороны. Подражают военным столкновениям и охоте, делают вид, точно они натягивают лук, и делают всякие другие быстрые вращательные движения. Также женщины оседлых принимают участие в танцах мужчин с пением и подражанием собственным занятиям, как-то: собиранию ягод и так далее. Они садятся в кружок близко друг от друга на земле (в зимних жилищах сидят они на скамейках по стенам), подобрав левую ногу, а правую вытянув вперед перед собой, причем с обнаженной правой рукой и грудью. Сначала они поднимают правую руку медленно к груди, точно что-то хотят поднять, повторяя это несколько раз, затем, наклоняясь, вытягивают ее к земле, потом ее быстро несколько раз вытягивают вверх, причем предплечье держат вертикально, затем, опершись ладонью на левое колено, двигаются попеременно в обе стороны, а также несколько вперед, для чего они слегка поднимают туловище. Еще развлекаются оседлые, подобно алеутам, на моржовой шкуре, при этом они поют под удары в бубен.

Также для времяпрепровождения служит им скакание через ремень, который держат за концы и быстро крутят над головой и под ногами прыгающего, чтобы не коснуться его. Пока позволяет время года, упражняются чукчи в беге по кругу, что они делают каждый вечер. Начинают с медленного бега, бегут постепенно быстрее и в конце концов уже соревнуются в быстром беге, к этому они приучаются с молодого возраста. Делают они это так долго, пока не запыхаются и не оказываются вынуждены отдыхать. Пожилые также идут с ними внутри круга, хотя годы им уже не позволяют большего.

За бегом следует борьба, для чего толпа садится в кружок, борющиеся снимают с себя меховые рубашки и медленно приступают к де-

лу; они хватают друг друга со шлепками по рукам и плечам, прижимаясь друг к другу головами, а удаляясь ногами, стремятся подставить друг другу ножку или свалить на землю, прыгают с криком друг на друга, садятся на землю, чтобы перекинуть через себя противника и т. д. Кто из двух возьмет верх, борется еще с другими противниками до тех пор, пока сам не потерпит поражения.

Также собираются иногда зимой оленные чукчи на гонки на легких нартах, как, например, наш хозяин устроил гонки во время нашего путешествия в честь выздоровления своего сына. Они проехали расстояние в пять верст, а потом погнали назад к ярангам. Непосредственно перед ярангами стояло в двух деревянных сосудах вареное мясо, костный мозг и блюдо из мелко нарезанного мяса, на что хозяин положил еще горсть табачных листьев, а также полгорсти для того, кто вернется первым. Из упомянутых сосудов они принесли в жертву сначала кусочки огню и предоставили затем остаток еды вернувшимся назад, только рога одного из забитых по этому случаю оленей остались лежать на месте, к ним был подвязан поперек ивовый прут с помощью китового уса. Когда гонки прошли, побежали мужчины помоложе наперегонки на несколько верст только в одних парках из меха оленят, в нижних штанах и меховых чулках. Праздник закончили борьбой, а к вечеру уехали с женами в свои яранги. Упомянутый бег называют они Mndatschumuk, а оседлые — Achwaitutue,u; «давайте бороться» — называется у оленных Minteikeum, а у оседлых — Tunchlutuk,u; месяцы называют чукчи следующим образом:

	У оленных	У оседлых
Январь	Inplueje	Edsheachtschu,u
Февраль	Temgleorgin	Teiluechtschuch,u
Март	Leorgipel	Tlioghwit,u
Апрель	Rojalgin	Nedshechtsch,u
Май	Imdreelgin	Kiutaghnaet,u
Июнь	Tawtilgelgin	Angutoghwit,u
Июль	Haetturilgin	Pelerwit, u
Август	Nerner	Kmulaewik, u
Сентябрь	Gytchaalgin	Naiwagwit, u
Октябрь	Kutschshaw	Akumuk, u
Ноябрь	Ieraotschin	Kangaingytschik, u
Декабрь	Tschuktschaenje	Galluebick, u

Чукчи считают подобно другим туземцам с помощью рук и ног, а дальше считают путем дальнейшего удвоения общего числа пальцев. При выговаривании иностранных слов превращают букву «v» в «b» или «p», но в общем они выговаривают латинские слова легче и чище, чем русские и немецкие. Последние они выговаривают с большим трудом.

Реже встречаются у чукчей болезни. Сифилис, который большей частью распространен среди дикарей этих местностей, остался им до сих пор неизвестным; оспа свирепствовала только однажды среди оседлых в начале 1730 года. Еще теперь вплоть до берега по ту сторо-

ну бухты Св. Лаврентия можно видеть остатки прежних жилищ, жителей которых, как они говорят, задушили дьяволы. Больше умерло тогда от этой болезни оседлых чукчей, которые прибыли к реке Анадырь, где с казаками из острога охотились на диких оленей. Что касается оленных чукчей, то они большей частью не подвергались эпидемии, так как при одном слухе о ней перекочевывали со своими стадами внутрь страны; впрочем, они не допускают никаких больных к своим ярангам, а также не разрешают входить в их яранги, если там находится больной или глубокий старик. Красные слезящиеся глаза постоянно встречаются у этих туземцев, реже у женщин. Нарывы — Eupelii, Aningwab, u — также свойственны им, но как будто не в столь опасной форме, как на Камчатке. Что касается истерических припадков, встречающихся в этих местностях, то чукотские женщины их не знают. О целебных травах или других целебных средствах, а также о кровопусканиях чукчи ничего не знают. Только они научились у коряков прижигать больные места грибами тополей и берез. Этот гриб называется у них Kejuk, а прижигание — Hkejutik; березу они называют Wulgyll. Коряки обозначают этот гриб, как и трут, одинаково — Kejuk, чукчи же называют трут Ewelnick. При болезнях они прибегают больше к шаманству. Причем я прибавлю здесь то, что наблюдал во время нашего путешествия.

Сын нашего хозяина получил легкую лихорадку с жаром вследствие переедания. Они разбили ему отдельный полог вне яранги, потому что, как они говорили, ему был противен запах наших кушаний — жареного мяса, а также оладий из муки, которые нам заменили хлеб. После того как шаман в течение двух ночей не щадил ни своего голоса, ни бубна, принес он жертвоприношение солнцу недалеко от яранги, бросив под бормотание жир с диафрагмы оленя сначала несколько раз в огонь, затем некоторое количество в направлении солнца, а затем опять в огонь, поглаживал кнizu рукой по парке отца, затем поглаживал больного, который сидел закутанный в нартах, по голове и ушам, на чем и окончилась его помощь; за это он получил заколотого оленя и удалился. Так как у больного не было заметно никакого улучшения, то отец заколол собаку, обмазал больному лоб и спину ее кровью, после чего женщины разрезали живот собаки и вытащили из него кишки, а сын, после того как отец пробормотал несколько слов, прошел внутри сплетенных и растянутых кольцом собачьих кишков, по чему чукчи полагали, что болезнь перешла в собаку; затем, когда содрали с собаки шкуру, развели костер перед нартой больного и сожгли кусочки Omento⁹, причем отец тщательно наблюдал за их сгоранием, чтобы иметь возможность судить, каков будет результат. Теперь, когда сын выздоровел, то, прежде чем они снова пустились в путь, прогнали сначала стадо между двух костров, чтобы болезнь осталась на месте; на следующий день выздоровевший должен был заколоть молодого оленя,

⁹ Omento (лат.) — жировая оболочка, сальник, брюшина, внутренности, потроха.

причем он дважды бросал кровь в направлении юга, затем олени рога и аркан были положены к югу, куда отец и сын бросали еще жир, и после этого сыну в одежду вдели по пучку засушенных стеблей.

Если мужчины-чукчи чувствуют приближение смерти, они чаще велют себя заколоть — обязанность друга, как братья, так и сыновья не огорчаются его смертью, скорее радуются, что он нашел в себе достаточно мужества не ожидать женской смерти, как они выражаются, а сумел уйти от мучений дьяволов. Также во время нашего путешествия случилось однажды, что муж заколол ножом свою старую больную жену, не без согласия последней, чтобы прекратить ее страдания. Сделал он это в пологе, после того как всех остальных из него выслал. Она лежала расprostертой на своих нартах в верхней парке, лицо закрытое, привязанная ремнем, а на груди у нее лежал ее ножик, футляр для иголок, а по обеим сторонам головы по кишке с жиром. Чукчи верят, что его надо взять с собой в другой мир. Труп чукчи одевают в одежду из белого или пятнистого меха оленей. Двадцать четыре часа труп остается в яранге, и, прежде чем его оттуда вынесут, пробуют несколько раз голову, поднимая ее, пока не находят ее легкой; а пока голова тяжелая, им кажется, что покойник забыл что-то на земле и, следовательно, не желает покидать ее, почему ставят перед покойником кое-что из еды, иголки и тому подобное. Труп они выносят не через дверь, а рядом с ней, поднимая край яранги. При выносе покойника один идет и выливает на дорогу оставшийся жир из лампы, которая горела двадцать четыре часа у трупа, а также краску из коры ольхи. Перед тем как увезти покойника, чукчи подкладывают две жерди поперец под полозья нарт и пробуют, скрипят ли они при движении или легко скользят через них; в первом случае они утверждают, что покойник хочет, чтобы в нарты были запряжены другие олени, и до тех пор меняют оленей, пока им кажется, что нарты больше не скрипят.

Для сжигания труп отвозят за несколько верст от яранги на возвышенность, перед сжиганием вскрывают его таким образом, что выпадает внутренности. Это делают, чтобы облегчить сжигание. Попутно они еще приносят в жертву этому огню лук и стрелы покойника, его копье и нарты, которые сначала разламывают. Где нет ивняка для сжигания, обкладывают труп на земле камнями, как это встречаешь нередко у яранг оседлых. Сжигание мертвых называется у них Ganlueatik, Echtykungaku, а мертвый — Paenthin, Pabliangok.u. В память о покойнике обкладывают место, где сожгли труп, в форме овала камнями, что должно напомнить фигуру человека, причем в изголовье и к ногам кладут по более крупному камню, из которых верхний лежит на юг и должен изображать голову, от нижнего же кладут на некотором расстоянии друг от друга палки вместо ног, на которые еще кладут камень, чтобы удержать их в таком положении. От головного камня до третьего камня окружности пространство заполнено еще меньшими камнями, что должно, видимо, изображать сложенные руки. Эту обкладку камнями называют они Melolan, что обозначает покой-

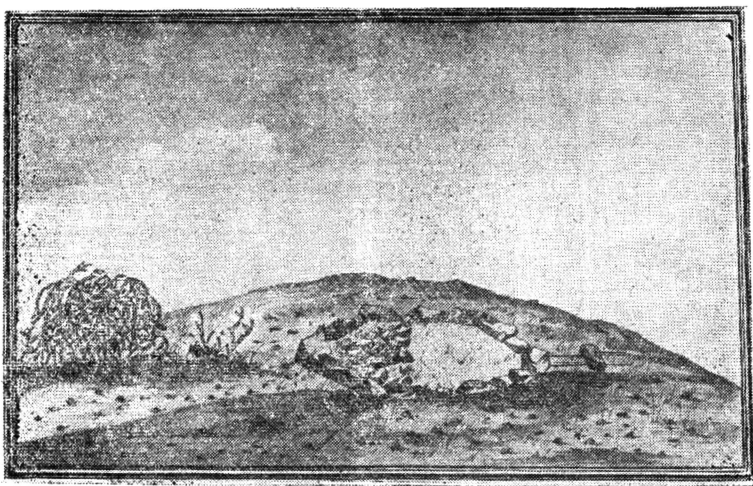

Рис. 10. Чукотские жертвенники (места захоронений).

ника; далее кладут еще очищенные рога с лобовой костью на всю кучу (рис. 10). Оленей, на которых отвозили покойника, тут же на месте закалывают, поедают их мясо, обмазывают головной камень снизу костным мозгом или жиром и оставляют рога в той же куче. Каждый год чукчи вспоминают своих покойников, что называется у оленных Meluelet, а у оседлых — Kпугut,u; если чукчи стоят в это время поблизости, то они на этом месте закалывают оленей, а если далеко, — едут ежегодно на это место от пяти до десяти парт родственников и знакомых, добывают огонь сверлением при помощи своих деревянных огнив, бросают в огонь костный мозг, причем говорят: «Ешьте это», мажут головной камень тем же самым, угощаются сами, курят табак и кладут на кучу очищенные рога.

Точно так же сжигают коряки своих покойников; они спускают их с парт в костер, более богатых в лучшем белом платье, сжигают их копыта, лыжи, колчан, лук и ружье, закалывают оленей, поедают их мясо и оставляют кости с рогами на месте; также отдают они двух оленей, на которых привезли покойника, обычно казакам, и только на месте, где сожгли труп, складывают рога.

Чукчи скорбят о своих умерших детях. В нашей яранге незадолго до нашего приезда умерла девочка; мать оплакивала ее каждое утро перед ярангой, причем пение сменял вой, — теперь она не хотела выполнять никакой работы для чужеземцев, также и отец был временно

освобожден от общих дел, пока не было пригнано стадо и они сделали поминки по умершей. Брату покойной, мальчику двенадцати лет, мать делала помазание графитом, когда он спал, широкой полосой через нос и по обеим сторонам лба большим пунктиром.

Чтобы еще кое-что добавить об этих туземцах, скажем, что чукчи чаще среднего роста, но не так редко встречаются чукчи, рост которых достигает шести футов; они стройные, сильные, выносливые и доживают до глубокой старости. Оседлые мало в этом отношении уступают оленным. Суровый климат, жестокие морозы, которым они постоянно подвергаются, их частью сырая, частью слегка подваренная пища, которая у них почти всегда в изобилии, и физические упражнения, от которых они не уклоняются почти ни один вечер, пока позволяет погода, их немногочисленные занятия дают им преимущества силы, здоровья и выносливости. Среди них не встретишь жирного брюха, как у якутов, у которых более зажиточные, называемые обычно их князьями, при хорошей и обильной пище перекладывают тяготы работы охотно на более бедных и вместо того услаждаются жирными кусками.

В общем чукчи свободны, занимаются обменом, не думая о вежливости; если им что-либо не нравится или предлагаемое в обмен кажется слишком незначительным, то они с легкостью плюют на это; в воровстве они достигли большой ловкости, особенно оседлые, потому что в этом отношении у оленных встречаются исключения, хотя тоже редко. Быть вынужденным жить среди них — это настоящая школа терпения. У нашего начальника один оленный чукча стащил мешок с табаком, потому что он счел более легким для себя взять все, чем довольствоваться несколькими папушами, которые он получил бы за один день путешествия. Отдельные старики хотели нас утешить тем, что они говорили: «Эти молодые люди, которые своевольничают в жизни, подобны маленьким быстрым речкам, которые скоро замерзают», и нам представлялось более целесообразным отказаться от расспросов, так как немного недовостало, чтобы мы за то, что только обратно потребовали наше добро, не были отправлены к праотцам.

Их предрассудки. Чукчи не терпят, чтобы палки, взятые с места, где сожгли труп, вносили в яранги — они считают это дерево нечистым; они думают, что если кому-либо даже в шутку угрожают ножом или случайно прокалывают его одежду, то этот человек должен после этого неминуемо умереть; они не терпят, чтобы в нарты, в которых едут их жены и дети, клали что-либо постороннее или ставили нарты несколько поперек (выдвинув их из ряда): они не любят, чтобы из еды вынимали волосы или вообще что-нибудь выкидывали; они не терпят, чтобы рвали листья и ломали прутья с ивовых кустов на земле, на которой они устанавливают свои яранги; они не позволяют, чтобы в их ярангу приносили огонь свечкой из другой яранги и зажигали их лампу, они тотчас же ее тушат, причем затем сами добывают огонь путем высекания.

У чукчей дело редко доходит до ссор, но тем легче кончают пос-

ледние убийством, чему недавно были примеры, когда сын убил отца, а племянники — дядю, причем в обоих случаях поводы к ссоре были незначительными и в обоих случаях дело кончилось смертью. Отец сделал при выезде сыну упрек, что он недостаточно быстрый и потому мало пригоден к походу против коряков. Это так взорвало сына, что он на месте заколол отца, который даровал ему жизнь; дядя выходил со своим сыном и обоими племянниками зимой, чтобы поставить сеть на тюленей; ссора без всякого значения заставляет племянников убить дядю и его сына.

Чукчи кажутся любезными и услужливыми и требуют взамен все, что видят и что хотят; они не знают того, что называется свинством; они отправляют свою нужду в своих полах, и что самое неприятное при этом — они принуждают и чужеземцев, часто даже с толчком, сливать мочу в чашку; они дают вшей зубами наперегонки со своими женами — мужчины из штанов, а женщины из волос.

Эти мужчины храбры, когда им противостоит масса, меньше боятся смерти, чем трусости.

Еще немного о чукотских красавицах. Женщины оленных чукчей целомудренны по привычке; женщины оседлых представляют им в этом полную противоположность, однако природа снабдила последних более красивыми чертами. И те и другие не очень стыдливы, хотя и не понимают этого.

В заключение еще добавление о коряках. Эти туземцы неприглядны, малы, и даже на лицах их отображены их тайные козни; всякий дар забывают они тотчас по получении — оскорбляют смертью, подобно чукчам, и вообще это кажется более свойственным Азии. Надо всегда сообразовываться с их настроением, чтобы не сделать их врагами; приказами и жестокостью от них ничего не получишь; если они иногда наказываются побоями, то от них не услышишь ни криков, ни просьб; им в их упрямой лени все безразлично, они только жуют свою одежду, не пикнув, хотя случается такой вид наказания только у крещеных оседлых, потому что оленные коряки считают удар хуже смерти; лишить себя жизни для них все равно что пойти спать. Коряк убивает либо угрожающего ему, либо, если это невозможно, душит жену и детей, а затем и себя самого; наши вещи и предметы одежды не имеют для них, как и для других туземцев, ничего заслуживающего внимания; они меньше обращают внимания на металл или другой материал, из которого сделана та или иная вещь, чем на способ ее обработки; эти туземцы трусливы; они не только оставляли на произвол судьбы казаков местных острогов, попавших в беду, когда последние не раз вынуждены были выступать из-за коряков против чукчей, но даже и в тех случаях, когда казаки должны были с ними спастись бегством, коряки отрубили им пальцы, чтобы казаки не могли держаться за нарты. Как сообщают письменные свидетельства, в общем коряки убили гораздо больше казаков спящими, чем чукчи днем своими стрелами и копьями.

Однако не является ли причиной их поведения то, что казаки этих отдаленных областей рассматривают их больше как созданных для них рабов, чем как подданных, стоящих под скипетром величайшей монархии, и соответствующим образом обращаются с ними. Вдумчивые начальники должны были бы решить что-то и препятствовать этому, если бы они не думали легче удовлетворять свои собственные интересы.

Но следует похвалить в коряках то, что они гостеприимны, однако в этом они еще уступают чукчам. Их женщины, по-видимому, никогда не причесывают волос. Загрязненность одежды должна как будто служить гарантией их целомудрия для ревнивых мужей, хотя их лицо, которое редко может претендовать хотя бы на тень прелести, никогда не улыбается при взгляде на чужеземца.

Чукчи закалывают весной стельных важенок больше для того, чтобы тем самым определить, когда важенки должны телиться. Они хотят наперекор природе, чтобы их олени доживали до ста лет. Хотят по числу колец на рогах диких баранов узнать их возраст. Шкуры молодых диких баранов, волосы которых мягче и гуще, редко дают больше тепла по сравнению со шкурами оленей.

Евражка¹⁰ (Alpenhaze) обитает между камнями берега залива Св. Лаврентия и дальше по берегу моря, где имеется каменистая почва. Он выдает себя громким свистом. Эти животные черные вперемешку с желто-коричневым, причем желто-коричневые больше у головы, а на спине и на макушке — черные. Голова длинная, верхние более длинные волосы бороды черные, из которых самые длинные равны почти двум дюймам, а нижние — белые. Уши длинные, но не широкие, имеют белый закругленный край. Лапы светло-коричневые, когти черные. Такой евражка достигает пяти с половиной дюймов длины и называется Wuwyltu, Wuutschelkalin, u. Самую маленькую мышь, как и на Камчатке, называют они Girrair. Мышь вообще называют Pinichelgin, и под этим названием понимают они *M. torquatus* и еще другую, до четырех дюймов длины. Надутые целые туленьи кожи, которыми чукчи пользуются как при ловле китов, так и при выезде в море на байдарках, называются у них Puipu, Watachepak, u.

Мухомор чукчи называют, как и коряки, Warach. Крытые нарты у чукчей — Кокага, у коряков — Kokai.

Кроме железа, чукчи не имеют никаких специальных обозначений для металлов. Железо называют Pilwinten. Золото называют добавлением к названию железа — Tirky-Pilwinten (солнечное железо); серебро называют Tschatama-Pilwinten (лунное железо); а медь называют красным железом.

Их топоры напоминают по форме американские, только вместо камня они из железа.

Печатное и написанное называют так же, как и вышеупомянутую

¹⁰ Евражка — суслик, степная кошка (Даль В. И. Указ. раб., т. 1).

тонкую татуировку, которую делают женщины оседлых, — Kellikel, а чернила — Kelli-Mimul.

Чукчи носят большие тяжести на спине, придерживая их ремнем на груди.

Муку называют чукчи Pingping (зола), так же ее называют коряки. Хлеб у чукчей Pingtekitschgin, у коряков — Pingkinuap (кушание зола). Водку чукчи и коряки называют Acha-Mitill (плохая вода, хотя они скоро научатся ее любить). Соль и те и другие называют Ancha-Mimill, то есть морская вода, и ее они только пробуют и выплевывают (не так, как сахар).

Бивни мамонта находят в этих последних местах весьма редко, причем чукчи считают их рогами оленей дьявола.

Чукчи склеивают своих оленей путем откусывания кусочков ушей. Добавлю еще несколько сведений о бывшем Анадырском остроге. На острове, в 666 верстах от устья реки, стоял острог, а в 600 верстах от устья встречается первый лес, сначала только ивовые кусты. В течение 130 лет, когда стоял этот острог, только однажды тамошние жители испытывали недостаток в пище из-за большого наводнения. Они жили, по их утверждению, в изобилии. В реке, которая разливается между 15-м и 20-м (месяц у Мерка не указан. — З. Д.), водятся следующие рыбы: нельма, появляется около 1 июня в 150 верстах от устья, к острову подходит около 20 или 25 июля, откуда идет дальше вверх, до 8 сентября останавливается, мечет икру и возвращается обратно; во время своего пребывания в реке она несколько худеет. С нельмой одновременно приходит чир, сиг, налим, а несколько позже селедка; чир, сиг и селедка входят в стоячие озера. Кета подходит начиная с 8 июля к острогу, чаще к 1 августа, а затем еще до сентября и назад не возвращается. С ней приходят также гольцы, подобные тем, которые приходят в реку Чаун, а весной они все возвращаются назад в море. Среди названных видов встречаются еще отдельные нерки и горбуши, реже чавыча; большие шуки, хариус и валеж держатся всегда в реке. Из нескольких сортов этих рыб делали жители острога юколу, которая особенно удается там, как говорят, из-за долго продолжающегося сухого лета. Около 8 сентября оставляли они рыбу в свежем виде — морозили. Из печени налима вываривали на медленном огне в котлах жир, остатки печени употребляли после варки с голубикой. Самую рыбу большей частью бросали опять в воду. Из селедки летом вываривали жир с помощью горячих камней в чанах, когда эта рыба со спадом воды опять входила из внутренних озер в реку; 14 сентября селедка приходила к острогу, метала икру, а жители закладывали икру селедки в сайбы¹¹, а зимой вывозили этот запас на собаках. Около 20 сентября река стает, и тогда ставили маленькие сети. С 17 ноября до 10 января шла дальнейшая ловля путем заграждения реки

¹¹ Сайба (кмч.) — амбаринко на столбах, вдали от жилья для хранения провесной и мороженой рыбы (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

запором с помощью прутьев, где ловили оставшихся в реке рыб, которые тогда идут вверх по реке. Это чир, сиг, щука, налим и немного селетки.

Переправа диких оленей через Анадырь происходила, говорят, раньше выше острога, а теперь бывает ниже его, весной, около 20 мая, в 160 верстах от устья. К этому времени все население со всем своим хозяйством, оставив в поселках только охрану, съезжалось туда на шитиках; это суда длиной 5—6 сажень с кожаным парусом, сделанным из 80—100 выделанных до мягкости оленьих кож; тогда они жили в шалашах, покрытых такой же кожей. Переплывающих реку оленей преследовали они на легких лодках (ветках), закалывали копьями, вынимали кости, мясо сушили, а 1 июня возвращались назад; 1 августа мужчины еще раз ездили туда одни, а 1 сентября возвращались. Оленей убивали при этом такое множество, что много туш оставалось лежать на берегу, потому что шкуры они сдирали со всех, а мясо увезти не могли. Чукчи утверждали, что при более сильном ходе встречаются важенки, которые, по их мнению, приплывают из Америки; также в это время приезжали на байдарках оседлые чукчи, как ради охоты, так и ради обмена.

С августа до сентября женщины собирали ягоды и кедровые орехи; из ягод — голубику, которую они варили с Tschibitza¹² и сохраняли на зиму в кадках; таким же образом варили красную и черную смородину, бруснику и шикшу, а также немного клюквы. Все это составляло их обычный зимний запас. Из корней собирали они те, которые были названы выше и которые они частично забирали у мышей. Осенью мужчины ловили силками и клепцами зайцев, которые будто бы не редкость в этой местности; из заячьих шкур шили женщины одеяла. На зайцев также ставили западни, когда весной они обгрызали свежие побегов ивняка. Лисиц, волков и росомх ловили капканами, клепцами и отравленной приманкой, а белых куропаток силками. 1 марта выезжали с собаками на охоту за лосями за 50—200 верст от острога вверх и вниз по течению реки; они охотились за ними на лыжах с собаками и убивали их стрелами или самострелами. Они считают год плохим, если убили только от 150 до 200 лосей на все население острога, а большей частью число последних (лосей) достигало 350—400 штук.

Из числа перелетных птиц отстреливали около 1 апреля на открытых местах реки лебедей, затем гусей и уток, массовый перелет которых происходил около 1 мая; позже были последние при линьке. Какие выгоды могла бы дать торговля от этого острога на маленьких судах вдоль берега чукчей, а то и дальше в Америку, покажет, может быть, будущее.

Гижига, по общему утверждению, многим уступает упомянутому бывшему острогу в отношении пищи, поскольку здесь не только нет изобилия рыбы, но часто грозит недостаток последней; а рассчитывать

¹² Чибиксей (якут.) — хвощ (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

на приход судов из Охотска рискованно; пуд муки стоит там $3\frac{1}{2}$ —4 рубля, и если даже последняя в магазинах Якутска требует большой заботы при тамошнем хранении, то тем более она теряет свои качества, когда ее везут до Гижиги, несмотря на принимаемые меры предосторожности при перевозке.

Коряки не раз вынуждены были делиться с жителями Гижиги своими оленями, но так как первые не всегда настроены мирно, то рассчитывать на их постоянную помощь невозможно. Что касается чукчей, то они охотнее совершают свои ежегодные поездки ради обмена в Гижигу, чем на Колыму, кроме небольшого числа тех из них, которые живут у Чауна, потому что хотя первый путь оказывается дальше, но на пути на Колыму не хватает моху для их оленей и березового дерева, которое требуется им для ездовых нарт и так далее. Чукчи охотятся на лосей, которых убивают также и осенью; их мясо и жир обменивают в Гижиге и имеют для себя пищу на обратный путь, тем самым сохраняя своих тощих оленей. Кроме того, по пути на Колыму не живет никаких коряков, тогда как едущие в Гижигу чукчи имеют среди коряков своих знакомых, которым они, приезжая, делают подарки в виде парок из куниц или лисиц и другие, за что коряки заменяют им некоторых из уставших оленей для дальнейшего путешествия домой, а также дают чукчам с собой в дорогу мясо, специально для этого закалывая оленей.

Сообщив об этом, возвращаясь я снова к нашему прибытию в залив Св. Лаврентия и кончаю последующим за ним путешествием.

Вскоре после того как мы бросили якорь и сопровождали капитана на сушу, пришли к нам на встречу несколько оседлых чукчей и повели нас к маленькому стойбищу, находящемуся поблизости, куда также было отведено наше судно, — к маленькому заливику для стоянки.

Утром 13-го мы продолжали путешествие на байдарках оседлых чукчей, которых в общем было пятнадцать, и после обеда 14-го прибыли к бухте, расположенной южнее, у летнего местопребывания наших оленных чукчей. До места нашего привала после переезда бухты прошли мы мимо следующих населенных мест оседлых чукчей: 1) Gartshocher, где было пять яранг; 2) Nutepenmin; 3) Tschuligen; 4) Jandaqan; 5) Akenin; 6) Kohun; 7) Loren, где мы переночевали; 8) Auritkin, где находились отдельные летние яранги на узкой вытянутой песчаной косе в направлении бухты, а с южной стороны перед входом в бухту; 9) Matschigmin — населенный пункт, по имени которого называют и бухту. Здесь имеется шесть больших яранг, пять маленьких и две зимние юрты. Местность, где мы теперь нашли оленных чукчей и где было двенадцать или тринадцать больших и пять маленьких яранг, называли они Maiku по небольшой горе, расположенной поблизости. Вообще очень часто называют реки, ручьи и внутренние озера по имени близлежащих гор, вокруг которых находятся их кочевья.

Ранним утром 26-го оленные чукчи разобрали свои яранги и после обеда тронулись в путь. Проехали три версты, затем отдых на малень-

кой, постепенно снижающейся горе с тремя маленькими озерами по бокам, из одного вытекает ручей. Путь туда постепенно поднимается по тундре, где растут *seidum palustre*, стелющиеся по земле низкие ивы, повсюду скорее синего цвета, а также отдельные скорбутовые ягоды¹³; на склонах возвышенности — шикша. Четыре поезда по 8—10 привязанных друг к другу в один ряд нарт следовали за девушками и женщинами, которые тащили еще на спине по большому грузу подобно мужчинам. На старом стойбище чукчи положили по кругу очищенные рога, поверх них камни или дерн. Сегодня и в последующие дни пролетали на юго-восток журавли, а то можно было найти только отдельных уток, чаек, ржанок (сивок) и ворон.

4 сентября. Проехали полторы версты дальше к реке *Meta-Weiam*, которая вытекает из озера и впадает в бухту. В нее входят кета, мальма, хариус. Путь сегодня шел частично по покрытому кочками холму.

21 сентября. Проехали три версты дальше. У речки отдых. Эта речка течет, как и другие, с севера к бухте; две версты дальше речка *Kalauenger*, около которой также росли низкие ивы; местами встречались просмоленные обломки дерева.

4 октября. Проехали три с половиной версты дальше, по тундре две версты слегка вверх к маленькой речке *Egal-Weiam*, которая была уже покрыта тонким льдом. Река впадает в юго-западном направлении, делая большие извилины, в отдаленную бухту. На ее каменистом берегу попадаются *Carneols* и *Sardonux*, а также отдельные просмоленные обломки дерева; в значительном количестве *Salix repens* (ползучая ива) в человеческий рост. В полдень пришел к нам на встречу сотник И. Кобелев с двадцатью чукчами от бухты Колючин.

5 октября. Рано утром капитан Биллингс поехал вперед с сотником Кобелевым, одним матросом и прибывшими вчера чукчами. Сегодня проехали четыре с половиной версты дальше к речке, которая впадает в упомянутую маленькую реку. Путь проходил по тундре с небольшим уклоном.

7 октября. Сегодня проехали восемь с половиной верст дальше вдоль речки *Wagenmatzchen-Weiam*, у которой сделали привал. По имени этой реки чукчи называют также две не одинаково высокие, довольно плоские вершины одной горы, до которой они считают от *Matki* половину пути до бухты Колючин.

8 октября. Сегодня проехали по тундре вдоль упомянутой речки шесть верст дальше, ивы здесь достигали едва двух футов высоты. От сегодняшнего места стоянки гора *Fuchni* оставалась на юго-запад, примерно в десяти верстах. Гора средней высоты с двумя поднимающимися от половины ее высоты наверху плоскими вершинами, которые разделяет довольно широкая долина, на которой можно было видеть отдельные низкие вертикальные скалы. Южнее ее лежит большое озеро

¹³ (*Scharbocksbeer*). Вероятно, ягоды, помогающие от цинги.

того же наименования; из него вытекает река того же имени, которая омывает гору с западной стороны и направляется в бухту Колючин, куда впадает и наша маленькая река. Во внутреннем озере зимует мальма, которую чукчи в изобилии ловят поздней осенью.

9 октября день отдыха, потому что наши проводники выехали на рыбную ловлю. Отсюда в пяти верстах к северо-западу, на вершине низкой горы, которая постепенно поднимается на высоту до 50 сажен и имеет в окружности полверсты, находятся минеральные источники, представляющие собой две ямы с очень невысокими краями, соединенные друг с другом узкой протокой. Большая яма имеет три сажени в длину и две в ширину, из нее вытекает тонкий ручеек; вторая имеет две сажени в длину и сажень с половиной в ширину; вода тепловатая, и говорят, что остается такой в течение всего года, не замерзает зимой. Теперь края ям были слегка покрыты льдом. В общем вода бесцветная, без запаха, на вкус соленая, иногда даже терпкая, без поднимающегося пара, и источники заметны только по поднимающимся пузырям. Гору покрывает тонкий ломкий покров, который переходит потом в землю густого желтого цвета, образуя невысокий холм, и кажется, что он образовался в результате того, что вода переливалась через края ям. У подножия горы находится еще несколько источников, из которых вытекают ручьи. На некотором расстоянии от источников приносят чукчи в жертву рога, куча которых называется у них, как место воспоминания об их покойниках, — *Tenpai*; сами они к источникам не приближаются, по их словам, с тех пор, как один мальчик, который охранял стадо, был туда втянут дьяволом. Для чукчей это обиталище дьявола, называемое у них *Kelni-Jarang* (хижина дьявола); сами же источники называют они *Tscheritscher*; возле горы протекает речка, в которую впадают ручьи и которая называется у них *Tscheru-Weiam*, по направлению к *Waranmatzchen-Weiam*.

11 октября. Сегодня после семи часов езды проехали еще 16 верст. Остановка у реки *Juchni*, которая здесь 200 сажен ширины с островами, где, как и на берегах реки, стоят высокие ивы. Сегодня рано утром мы переправились через упомянутую реку. Она здесь имеет широкие, покрытые крупным щебнем берега и течет между маленькими горами, медленно спускающимися; местами из них выступают еще меньшие горы, путь к которым лежит через тундру, нередко мимо внутренних озер.

13 октября. С одиннадцати до семнадцати часов проехали 13 верст по тундре, которая здесь местами медленно поднимается до маленьких возвышенностей. Два раза сегодня мы переезжали через реку *Wulolu-Weiam*, которая впадает в *Juchni* и имеет от 15 до 70 сажен ширины и на берегах ивовые заросли. К концу нашего пути переехали три больших озера, из которых самое большое имеет 450 сажен ширины и 2 версты длины.

14 октября. Сегодня проехали 12½ верст дальше. Путь первоначально шел через маленькие внутренние озера, между которыми на-

ходились узкие полосы тундры, затем проехали 6 верст через конец бухты Колючин, получившей свое название, по утверждению чукчей, от маленького острова в море. Около ее устья, которое чукчи называют Piligin и где в нее впадает маленькая речка, мы сделали отдых. На берегах можно найти выброшенные куски дерева, чаще лиственницы и топольник, которые чукчи используют для своих яранг и для полозьев грузовых нарт. Перед нами находилась цепь низких гор, тянувшаяся с юга на север к бухте.

15 октября. Сегодня проехали 11 верст дальше после 4½ часов езды. Отдых у речки, которая течет с низких гор и вместе с названной вчера речкой впадает в бухту. По берегам обеих речек нет никаких ивовых зарослей. Устье Juchni остается у нас к востоку. Наш сегодняшний путь пролегал больше по тундре, местами мимо маленьких внутренних озер, берега бухты здесь пологие.

16 октября. Сегодня сделали день отдыха из-за сильной пурги, которая к ночи еще усилилась, а еще больше из-за того, что наши олени смешались с чужим стадом.

18 октября. Сегодня проехали 7½ верст дальше по слегка горной местности по тундре до маленькой реки Ingaatwantsch-Weiam. На северном берегу ее находился гранит в небольшом количестве. Предгорья у устья реки около бухты чукчи называют Jagujacha (чайка) и Keingin (медведь).

20 октября. Сегодня проехали 12½ верст дальше. Путь шел, как вчера, позже — вдоль маленькой реки Ijuju-Weiam, у которой отдыхали. По берегам ее низкие ивы, перед нами низкая горная цепь, тянувшаяся с юго-запада.

22 октября. Сегодня проехали 13 верст дальше, ближе к горной цепи, сначала по тундре вверх по упомянутой маленькой речке, затем через горный хребет к другой речке Tschemin-Weiam, которая течет с запада к другой бухте и здесь имеет ширину 50 сажен. Вокруг нее горы средней высоты, а по ее берегам местами довольно высокие ивовые заросли.

24 октября. Сегодня проехали 6 верст дальше от внутреннего озера, у которого мы останавливались, вверх по реке, мимо гор, тянувшихся с юго-запада на северо-восток. Вокруг устья упомянутой реки стоят якобы ивы в человеческий рост.

30 октября. Некоторые чукчи, провожающие нас на зимовку, повернули обратно, потому что мох, промокший от дождя и изморози, теперь замерз вследствие наступивших холодов и не годился в пищу оленям.

6 ноября. Сегодня проехали 22 версты до реки Welmai, у которой отдых. По берегам реки ивы не растут, а ширина ее здесь 80 саженей. Вдоль течения река имеет глубокие места значительной протяженности. Из внутренних озер в нее впадает несколько маленьких речек. Сама река впадает в мелководную бухту, у которой живут оседлые чукчи. В реке водятся, как и в озерах, чир и мальма.

8 ноября. Сегодня проехали дальше до речки, которая впадает в реку Welmai; здесь мох был не замерзший, а раньше большинство чукчей предполагало сделать зимовку по ту сторону реки Amkeijan. Сегодня у нас с правой стороны осталась долина, которую чукчи называют «долина внутреннего озера».

17 ноября. Ехали дальше вдоль упомянутой речки и сделали отдых у реки Amkeijan, по берегам которой растут ивы повыше. Река средней ширины, и берега ее покрыты низкими скалами.

18 ноября переехали реку, противоположный берег ее возвышенный, отдых сделали у речки, называемой чукчами Elli-Weiam.

19, 20, 21-го ехали вверх по речке по постепенно суживающейся долине. Вокруг речки и повыше к горам — ивовые заросли. Перед рекой Amkeijan горы низки, как и дальше, на них небольшой снежный покров, но в горах зимой частые снежные метели. Не так обстоит дело по ту сторону реки, где долины становятся все уже, а горы все выше, почему большинство оленних чукчей перезимовывают по ту сторону реки.

26 ноября. Переехали маленькую реку Achitiku, которая вытекает из внутреннего озера длиной больше 10 верст и окруженного высокими горами. В переводе название реки означает «незамерзающая река», потому что при выходе из озера она никогда не замерзает. Вокруг внутреннего озера зимуют чукчи. В озере имеются крупный налим, чир и валец.

С 27 по 2 декабря ехали вдоль Tschangojan-Weiam.

5—7-го ехали вдоль маленькой реки Kirikinei, которая впадает в реку Amkeijan; по берегам ее можно найти ивы до 2 сажень высоты, а в одном месте низкую пушистую ольху. После этой реки переехали через длинное широкое озеро между горами, где водились кунжи, чир и хариус. Через несколько дней пути переехали мы довольно крупную гору, откуда по ту сторону к западу долина постепенно расширяется, а еще через несколько дней пути подошли к маленькой реке Quael-Weiam, вдоль которой и шел наш путь. По ее берегам растут ивы, а в одном месте пушистые ольхи. Тут на низких горах стоят одинаковой величины гранитные скалы, как и по ту сторону Бараньего камня от реки Колымы; за этой рекой следует река Wercho-Weiam, перед которой мы переехали сначала горный отрог, тянувшийся от более высокой горной цепи на северо-запад к морю. Через эту реку, ближе к месту ее впадения в море, переплывают дикие олени.

За этой рекой, позади низкой горной цепи, находится река Bachla-Weiam, а дальше, после того как мы переехали эту горную цепь, — Tschawa-Weiam, или Чаун. Tschawa-Weiam здесь не шире 40 сажень, и ее широкие берега покрыты ивами и ольховым кустарником. Ее течение — из широкой долины, где холод гораздо сильнее, а в ясные дни, которых там большинство, бывает резко пронизывающим. Река имеет открытые места по берегам, и вследствие очень частой ловли встречающихся здесь форелей лед, как говорят, гораздо тоньше. Форели по-

больше, чем гольцы на Камчатке, и довольно жирные, так что если их просто варить и есть без приправы, то они скоро надоедают, но меньше надоедают, когда их едят морожеными, строгаными. Чукчи ловят форелей с декабря до января с помощью установленных сетей из жильных ниток. Они ловят форелей также железным крючком, который прикреплен к палке. Как скоро чукчи получают избыток этих рыб, они кончают ловлю. Эту рыбу они замораживают, нагружают ею свои нарты и возят ее с собой. Чукчи, живущие по берегам реки Чаун, называются другими *Tschawa-gamkin*, или «живущие у названной реки». Когда стоит вместе несколько яранг, которые остаются на месте более продолжительное время зимой или летом, то это называется у них *Rajenaht*.

Наши проводники несколько дней отдыхали у этой реки, частью для того, чтобы получить рыб из разбросанных по местности яранг, частью также для того, чтобы оставить часть своих припасов для обратного путешествия. То, что они оставляли из припасов, закопали на каменистом берегу реки и облили затем это место водой. Прежде чем чукчи снова пустились в путь, их шаманы принесли в жертву нескольких оленей, насадили их головы с языками на шести. Со стороны губы вырезали только один кусочек и бросили в огонь, в направлении предстоящей дороги, туда же бросили и кусочки печени, а от молодых важенок — плод. За Чауном следует скоро другая речка, у русских Большая река, которая впадает в море недалеко от Бараньего камня¹⁴.

После маленького горного отрога, который спускается к морю и который мы переехали, наш путь в течение двух дней шел вверх по долине высокой горной цепи. Через 10 верст встретили первый лес, при этом долина постепенно расширялась. После переезда горной цепи мы обнаружили речку Росомашью, а недалеко за лесом вытекает из довольно значительного внутреннего озера Сухой Анюй. Вдоль него мы проехали два дневных пути, после чего свернули направо от реки вверх по другой речке между высоких гор до ее истока, а затем переехали саму горную цепь, которая здесь выше и круче. По долине, по ту сторону реки, мы быстро подъехали к речке Орловке, ехали вдоль нее до ее впадения в Большой Анюй, затем сделали еще два дневных перехода, а отсюда еще один дневной переход в сторону Анюя до отрога, который называется по ближайшей речке Ангарке, впадающей в Анюй.

На следующий день, когда чукчи приблизились к первому стоячему лесу, они устроили отдых. Шаманы старались умиловить чужую землю и ее неласковый прием. Почти каждый хозяин заколол одного, а то и нескольких своих ездовых оленей, даже женщины и незажиточные следовали их примеру — тоже приносили жертвы. В кишку, набитую жиром, которую один держал на аркане, другие кололи копьями, а женщины ножами и бросали куски жира в дар чужой земле; бросали

¹⁴ Мыс Баранов. (Прим. ред.).

также часть собранных корней. Затем каждая женщина подносила жир, кровь и мочу к огню в чашках, сделанных из снега, и бросала в огонь все, как их шаманы приказали им на Чауне, со словами: «Это тоже мое, или мой дар». На последнем привале перед острогом приносили опять жертвы. Как смелы и решительны они казались у себя (дома), так робки становились они по мере того, как приближались к острогу. Когда они приходили к нам в гости, их взгляды были направлены больше к земле, чем кверху, и они умели так скромно ходить по комнате, точно они только что научились ходить.

Вокруг маленького острога у Ангарки, куда теперь казаки из Нижне-Колымского острога приходят только ко времени прихода туда чукчей, живет род юкагиров, числом примерно человек двадцать, которые называют себя чуванцами и представляют собой остатки живших ранее на Анадыре. Они говорят на своем, особом языке, теперь же, когда они все крещены, тоже и по-русски; они имеют лишь немного оленей, питаются охотой, почему они постоянно меняют свое место жительства; также ловят они диких оленей, частично сетями из лосиных ремней. На Большой Анюе, в который впадает много источников, почему на нем и зимой из-за выступающей воды надо ездить с осторожностью, в одном дне пути на собаках от последнего острога вниз по реке, живут оседлые юкагиры, которые имеют только собак (место называется Собачье). Такие же юкагиры живут у Сухого Анюя. И те и другие сплошь крещенные; говорят на своем особом языке, хотя знают и по-русски и питаются как весной, так и осенью переплывающими в это время дикими оленями, занимаются рыболовством и охотой; число их весьма незначительно.

СЛОВА ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ К. МЕРКА О ЧУКЧАХ

Acha-Mimill	— водка	Etellit	— так называют юкаги- ров
Aengaengheli	— шаман	Eternautitschghin	— кухлянка из ровдуги
Aiwalkal	— рога	Eteme-Tlenu	— замшевый парус
Aiwan	— так называют осед- лых чукчей, около ко- торых живут	Etwpal	— нижний костяной ко- нец бросалки
Amunon Kanon	— божество на небе, находившееся раньше на земле	Eunelli	— нарыв
Angangytteilgin	— жертвоприношение солнцу и земле	Ewelnick	— трут
Ancha-Mimill	— соль	Ewulchkaerkin	— течка
Eijak	— лампа	Gamangau	— маленькие божки
Emaekulgin	— гага	Ganluecatik	— сжигание мертвых
Emtenugyn	— обработанные тюленьи шкуры	Gelpukeligitt	— татуировка на щеках
Engeng	— какое-то божество на земле	Gepaer	— росомеха
Enwauul	— пластинка из моржо- вой кости для натя- гивания тетивы	Ggirriger	— деревянные божки
		Girrair	— маленькая мышь
		Gleirat	— зимнее жилище
		Gluun	— гарпун
		Gonaita	— штаны
		Goraremkyt	— так называют тунгу- сов
		Gytchaalgin	— сентябрь

Haltturilgin	— июль	Kwychgei	— отел самок по второму году
Hkejutik	— прижигание	Kygmylett	— так называют американцев
Hontsch-chill	— некастрированные олени	Kytschupat	— корень <i>Antragalus</i> со сладкими стручками
Ikyrngaulet	— так называют жителей пролива	Leluramkitt	— так называют русских
Ilgy-Ancha	— Ледовитый океан	Leorgipel	— март
Imdreelgin	— май	Lili	— рукавицы
Inataet	— корень растения <i>Hedyafum alpinum</i>	Loylue	— дикий олень
Iniri	— теплые пологи	Maemilla	— тюлень
Inpluejl	— январь	Melolan	— покойник
Inych	— волк	Meluelet	— ежегодное воспоминание о покойниках
Iren	— меховая курлянка	Milgin	— огонь
Jagujacha	— чайка	Milgiotschin	— деревянная коробка для огнива
Jainiatek	— божки несколько больших размеров	Milgitanggitan	— так называют русских
Jakchajakchynkaligtyk	— татуировка девочек в две линии — по носу и вдоль лба	Milgyiritt	— ружье
Jaranu	— послед	Minanchzauum	— железные браслеты у женщин
Jawahoi	— кастрированные олени	Minteikeum	— выражение «давайте бороться»
Jeninin	— гарпун с бросалкой	Mitchimit	— сало
Jepachomurynkile	— девственность	Miyrky	— название Пенжинского залива
Jeraotschin	— ноябрь	Mndatschumuk	— бег во время праздника
Jomrot	— ива, которую едят олени	Myirkit	— праздники
J-urgit	— баклан	Myrgau	— панцирь
Jueginghi	— сети из жилых ниток или кожаных ремешков	Myrgomyr	— морская капуста
Kaulan	— оселок	Naeck	— лампа
Kchwatte	— шершавый покров на рогах оленей	Nelwyl	— стадо
Keingin	— медведь	Nerner	— август
Kejuk	— гриб тополя и березы	Newtumgin	— обмен женами
Kelni Jarang	— хижина дьявола	Ngretschkyt	— сапоги из тюленьей кожи, доходящие до бедра
Kellikel	— так называют печатное и написанное	Nymnychinaet	— праздники
Kelli-Mimul	— чернила	Okontschin	— женский дождевик
Kerker	— одежда	Paenthin	— мертвый
Klokauwitt	— листья <i>Arbutus Alpina</i>	Pamjat	— короткие чулки
Kojalgin	— апрель	Panza	— камус
Kokara	— мухомор	Parant	— лопатка оленя
Kpgargittik	— предсказывать по лопатке убитого оленя	Pariak	— белуга
Krumkeligitt	— татуировка снаружи предплечья до кисти различными линейными фигурами	Partheyn	— вождь
Ktangytangyt	— прием чужеземцев	Parutan	— дождевик
Kurei	— корень растения <i>Polygonum divaricatum</i>	Peigtulan	— железное копые
Kutschchaw	— октябрь	Pelkchomyr	— корень осоки
Kuwelkulkeli	— татуировка на подбородке	Peteritte	— сброшенные старые рога или часть их
		Pilwinten	— железо
		Pimighait	— короткие сапоги из тюленьих шкур волосами внутри

Pingping	— зола (мука)	Tempore	— замшевый парус
Pingtekitschgin	— хлеб	Teweno	— весло
Pinichelgin	— мышь вообще	Tewitschigin	— колотушка для выколачивания одежды
Pinnighaeit	— короткие сапоги из тюленьих шкур волосами внутрь	Tirky-Pilwinten	— золото
Plaeket	— женские сапоги	Titinga	— татуировка у женщин
Pochla-Machmitt	— свинцовая пуля	Tscharatschalingin	— маленький бекас с камчатки
Pochla-Pingping	— порох	Tschatama-Pilwint	— серебро
Poigitzet	— растение Polygonum divaricatum	Tschautschuo	— самоназвание чукчей
Pokata	— ива лосей	Tschawutt	— аркан
Preraem	— название местного блюда	Tscheritscher	— источник
Puau	— оселок	Tscheruenia	— костяная удочка
Purel	— пленный	Tschewutscha	— красная железная руда
Pyipu	— надутые воздухом шкуры тюленей, снятые «чулком»	Tschuktschaenje	— декабрь
Rae-kukeng	— глиняный горшок	Ujetuek	— нарты
Raegmytkymytt	— китовый жир	Ulwonger	— неподвижная звезда
Rajenaeht	— несколько яранг, остающихся на месте более продолжительное время	Uncka	— белый медведь
Rechokalgin	— песец	Utitschghin	— широкие верхние парки
Rekinmangyt	— корень Galium boreale	Waarko	— капюшон
Rekokatje	— месячные у женщин	Waegen	— сосуд, в котором сохраняют кровь
Relkignag	— нарты с полозьями из моржовых клыков	Waemek	— гарпун
Rilgyril	— содержимое желудка оленя	Wajowajungwai	— то, что они кричат при жертвоприношениях
Ritschuwalgin	— личинка овода оленей	Wana	— черная смола
Rojalgin	— апрель	Wankat-kililet	— алебастровые трубочки
Rokkor	— овод	Wapach	— мухомор
Ryrka	— морж	Weipelkchomyr	— осока
Tainugun	— божок, употребляемый только при закалывании оленей	Weulkunan	— искусственный ласт
Tamyngytsch- incheitikitk	— татуировка в виде лежащего человечка	Wiluelgin	— серьги
Tangitan	— так называют коряков	Windid	— мотыга из моржового клыка
Tawtilgelgin	— июнь	Wirwitty	— кора ольхи
Telngniacher	— графит	Witeae	— мох
Temgleorgin	— февраль	Witwitt	— один лист Arbutus alpina
Temmai	— куча рогов	Wiut	— китовый ус
		Wulgyll	— береза
		Wuwyltu	— евражка в 5,5 фута длины
		Yngym	— рыбий клей

СЛОВА ЭСКИМОССКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ
К. МЕРКА О ЧУКЧАХ (с литерой «и»)

Achwaitutue, u	— бег во время праздника	Akubetschaht, u	— короткие сапоги из тюленьих шкур волосами внутрь
Agheiluk, u	— рукавицы	Akubyjachpuet, u	— сапоги из тюленьей кожи до бедра
Aiwok, u	— морж		

Akumuk, u	— октябрь
Algakhpach, u	— послед
Amgaghun, u	— весло
Angutoghwit, u	— июнь
Aningwab, u	— нарыв
Atkahutschik-schi, u	— татуировка девочек в две линии — по носу и вдоль лба
Atkughat, u	— меховая рубашка
Awtuk, u	— месячные
Echtykyngak, u	— сжигание мертвых
Edsheachtschu, u	— январь
Galluebick, u	— декабрь
Gamyjik, u	— нарты
Gatypagyt, u	— гага
Juguljachtschi, u	— татуировка в виде лежащего человека
Kachlibagyt, u	— одежда
Kallick, u	— женский дождевик
Kamgyt, u	— женские сапоги
Kangaingyt-schik, u	— ноябрь
Kannach, u	— лампа
Khoren, u	— ручной олень
Kiutaghnaet, u	— май
Kjaigit, u	— зимнее жилище
Kmulaewick, u	— август
Knugut, u	— ежегодное воспоминание о покойниках
Kochligit, u	— штаны
Kokawa, u	— крытые нарты
Kolumtschit, u	— котел
Kuingit, u	— ручной олень
Kupagyt, u	— серьги
Lelueromky, u	— так называют русских
Mackak, u	— широкие верхние парки
Mytscheghan, u	— китовый жир
Nachschak, u	— тюлень
Nachtschaluet, a	— деревянная коробка для огнива
Naenuk, u	— белый медведь
Naiwagwit, u	— сентябрь
Natschahat, u	— капюшон
Nedshechtsch, u	— апрель

Nelvyt, u	— стадо
Nigachpach, u	— сети из жилиных ниток или кожаных ремешков
Niksckick, u	— костяная удочка
Nilkhat, u	— баклан
Nimillaen	— самоназвание оседлых чукчей
Okamak, u	— маленькие божки
Okjuet, u	— ива, которую едят олени
Packak, u	— мох
Pariak, u	— белуга
Pelerwit, u	— июль
Poka-Jomrot, u	— ива лосей
Publiangok, u	— покойник
Runmuckel, u	— татуировка снаружи предплечья до кисти различными линейными фигурами
Sikit, u	— евражка
Sikuk, u	— татуировка женщин
Taluechtschuch, u	— февраль
Tainagli, u	— графит
Taluechtichyi, u	— татуировка на подбородке
Tauwatauato, u	— то, что кричат при жертвоприношениях
Tlioghwit, u	— март
Tschukak, u	— китовый ус
Tughnagaityk, u	— прием чужеземцев
Tunchlutuk, u	— выражение «давайте бороться»
Tungtu, u	— дикий олень
Ukchutschichtschi, u	— татуировка на щеках
Uliahak, u	— песец
Ulit, u	— теплые пологи
Uwaela, u	— праздники
Waliannak, u	— оселок
Watachepak, u	— надутые воздухом шкуры тюленей, снятые «чулком»
Wuutschelkalin, u	— евражка в 5,5 фута длины

Журнал Чукотской земли от бухты Св. Лаврентия до Ангарской крепости, веденный геодезии сержантом Гилевым с 11 августа 1791 г. по 17 февраля 1792 г.¹

И. И. Биллингс послал сержанта А. Гилева на чукотской байдаре сделать опись берега вокруг Чукотского мыса и берега Колучинской губы, где его ожидал сотник И. Кобелев.

«Журнал» Гилева кроме описания берега, речек и промеров глубины содержит записи о расположенных на морском берегу чукотских поселениях.

11 августа 1791 г. в бухте Св. Лаврентия по данному мне от господина флота капитана первого ранга географической и астрономической морской секретной экспедиции начальника И. И. Биллингса сего августа от 9-го числа ордеру за № 201 велено следовать байдарою с данными чукчами до сотника Кобелева, где онный находится, и ожидать начальника экспедиции...

Курс О О $\frac{1}{2}$ О, берег низменный, в 9 часов на перпендикуляре курса речка в расстоянии 15 сажень шириной в устье 1 сажень, где чукотское жительство. Зимних юрт 15, летних 9. У зимних юрт земной вход сверху люком, и обложены камнями и китовыми звеньями, осыпаны землею. А летние чумы из оленьих и моржовых кож, круглые, с поверхностью плоской, где чукчи остановились ночевать.

21 августа 1791 г. ... В конце расстояния начался залив, через его пологость по тому ж румбу $\frac{1}{2}$ миля итальянская, где жительство чукотское, называемое Угелен, а онный залив называется Кыманкин. От оного залива через кошку мелкого камешника до моря 70 сажень. От указанного жительства к О простирается высокость, а к W низменная дресвяная кошка.

23 августа 1791 г. ... У жительства Угелен летних юрт 26, зимних 7.

9 сентября 1791 г. стояли у жительства Икен. Затем шел через небольшие высокости, в 1 версте речка течет из двух рассошин, соединяются от устья в 10 сажень, меж рассошинами над устьями чукотское жительство Утан. Летних юрт 10, где чукчи остановились ночевать.

11 сентября 1791 г. В 2 часа отправились, следуя байдарой близ берега, в $\frac{1}{4}$ часа влево на перпендикуляр курса — речка расстоянием

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 256 и 257. (Заверенная копия).

до одного 10 сажений, у которого жительство, называемое Ичан, на небольшой высоте.

...Румб ZZW $\frac{3}{4}$ W шел речкою $\frac{3}{4}$ мили, где чукотское жительство оленных чукок, у которых довольно оленей и табуны, в котором чулки остановились.

15 сентября 1791 г. стояли при речке с чуками. Сего числа побрались между собой двое чукок, высочили из байдары, схватили копы, из оных один другого заколол до смерти, пришедшего из жительства Уэлен, а прочие чулки, смотря на то, смеялись.

23 сентября 1791 г. ...Шли низменностью, где речка Икичийн, по которой чукотские кочевые юрты. В $\frac{1}{4}$ мили от оной чулки остановились.

24 сентября 1791 г. Сего числа ведомой чуками с матерой американской земли женщине для продажи, которая бесчеловечно мерзла, принудили меня чулки купить торбаса, коим отдал табак и коральков.

26 сентября 1791 г. ...Сего числа проходили чулки от Z с речки Поохта и приносили рыбы гольцов величиной в $\frac{3}{4}$ аршина, коим дарил табак, также оные ушли обратно.

27 сентября 1791 г. пришли к месту, где речка Кагуха, коя выпадает от моря и впадает в речку Чехтувеем, где остановились ночевать. От этого пункта вверх по реке $\frac{1}{4}$ мили итальянской кочевые юрты.

29 сентября 1791 г. стояли на реке Качугую. Сего числа приезжало чукок довольно число с табунами, откуда послал двух чукок к сотнику Кобелеву, коему дожидаться велено меня.

9 октября 1791 г. стояли у речки Айвопер. Затем шел ровным местом $\frac{3}{4}$ мили, где речка Убмо впадает в реку Юну, шириною 25 сажений, у которой остановились. В 12 часов приехали на оленях двое чукок; пересказывают, что начальник экспедиции отправился с двумя людьми к NW, где находится сотник Кобелев, а прочие идут на запад с дворянином Дауркиным.

14 октября, следуя на оленях с чуками, шел через небольшую высоту 1 милю, перешел через речку, которая течет в бухту, в $\frac{3}{4}$ мили от речки переменял румб WZW, шли до высоты кочковником, $1\frac{3}{4}$ мили прошел пологостью, где речка шириной 3 сажени, которая протекает во внутреннюю бухту, и чрез небольшие высоты 2 мили переехали речку шириною 2 сажени, где кочевых оленных чукок юрт 5.

16 октября 1791 г. У озера остановились ночевать, где встретились с капитаном 1-го ранга И. И. Биллингсом и сотником Кобелевым.

20 октября 1791 г. ...С командующим и начальником экспедиции И. И. Биллингсом отправились к устью губы и с нами сотник Кобелев и чука Погранче.

20 октября же ехали через бухту $1\frac{1}{4}$ мили, она бухта кончилась. От острова (Кулючина) до сего берега, по сказкам чукок, [бухта] приглубокая, в нее далеко внутрь проходят киты. Приехали к летнему жительству сидячих чукок, которые промысел имеют китов, моржей, нерп и крыс.

24 октября 1791 г. ...В 9 часов отбыл от нас начальник экспедиции

к чукче Имлерату, с ним сотник Кобелев и один матрос, а мне велено следовать к прежнему чукче. 31 октября 1791 г. на речке Едирчен в 8 часов приехало 25 чукок на санках, кои между собой проговорили, то прибежал ко мне мой хозяин чукча и плевал мне в глаза и ударил, говорит, что начальник экспедиции уехал далеко, табаку и коральков нам-де нету, то принужден ему дать табаку папушу и две с половиною нитки коральков.

5 ноября 1791 г. ...Остановился на речке, шириной 10 сажений, и прибыл к нам командующий и начальник экспедиции и с ним доктор Мерк и сотник Кобелев.

6 ноября 1791 г. ...Начальник с прочими отбыл в свой конвой к чукам.

11 декабря 1791 г. ...Отправились, следуя речкою Екехтою, шел $\frac{1}{2}$ мили, река отходит, шел вверх рассошиной Екехты $4\frac{1}{4}$ мили, где в 6 часов остановились ночевать. Устье оной, по сказкам чукчей, на NO 16 впадает в море расстоянием 100 верст. Между оной и Рыр-карпию последние сидячие чукчи.

14 декабря 1791 г. ...Шел вверх речкою две миди. Влево две чукотские юрты, кои стоят над рекою Хвейт, или Кувет, летуют подле моря у последних сидячих чукок. Для взятия у них жиров и моржей или каких зверей и прикочевывают с табунами и зимуют, а к весне отходят к морю. Живущих мужчин с малолетними 20, женска 14.

28 января 1792 г. ...Видели на речке Умрель к ZO довольно диких оленей. Чукчи собрались из всех близ стоящих стойбищ и пошли их ловить. Некоторые на оленях, запряженных в сани, а другие пешие. Пришед, окружили и застрелили из всего табуна диких оленей одного из лука, коего разделили лучшие мужики по себе. Всех чукок собралось на облаву до 120 человек.

17 февраля 1792 г. стоял на р. Большой Анюй. Затем шел вниз по речке Анюй, прошел 6 миль по течению. На левом берегу р. Большой Анюй стоит Анюйская крепость — домов 2, казарма 1, балаганов 2, где находится командующий и предводитель экспедиции. О прибытии доложено благополучно.

Журнал описания Чукотской земли от губы Св. Лаврентия до Ангарской крепости 1791 г. Подпись: «Штурман Ботаков»¹.

Журнал штурмана А. Ботакова, участника сухопутного похода И. Биллингса, из этнографических материалов содержит только описание праздника у оленных чукчей.

Приехали к р. Мамку, которая течет с хребта того же названия. При этой речке селение оленных чукчей с тойоном Имлератом Кириевым.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 260 и 261.

Через переводчика Дауркина было сказано от чукоц, что прежде в их селение не входить, пока они не переведут через огонь. И вскоре недалеко от юрт разложили из мелкого тальника огонь и перевели меня через оный; сказали, что они почитают приезжающих не из подветренных мест, и для лучшего благополучия сей ими карантин в обыкновении находится установленным, после чего велено с прочими ходить.

В Беринговом проливе острова имеются: 1-й большой — Имяглин; 2-й — Инялнин; 3-й — Окивахай².

10 августа 1794 г. чулки с хребтов пригнали табун оленей двух юрт до 500 оленей. Не догнав до юрт, поставили женщины оных на ветре под горой, разложили в разных местах огни, по которым окурили всех оленей, потом подогнали оных к юртам и огородили с одной стороны санками, прoderнули от одних до других ремни — сделали пригоном. Женщины привезли от юрт до 15 санок, поставили рядом одна подле других и на оные положили кости с головы прошлогодних оленей, а подле санок поставили копыя. И двое санок, как кибитки, были одеты оленьими, в коих зимою и осенью ездят женщины с грудными и маленькими своими детьми и в кои положены их постели. Каждая женщина начала добывать огонь из дощечки в палец толщиной деревянной палочкой. Один конец палочки сверху упрут в камень или кость, а другой конец — в доску и начинают вертеть. Со ста раз верчения от дерева пыль загорается, и с сухим мхом или травой раздуют огонь; после чего начали ловить оленей — прежде всего поймали молоденького пыжика, привели к воде, ткнули ножом под сердце, который вскоре и упал. Кровь, из него текущую, горстью из раи бросали к воде, на землю и в разные стороны, потом ловили оленей и кололи копыями таким же порядком. Вскоре пригнали к юртам еще 5 табунов, в каждом от 500 до 700 оленей, а в одном до 1000 оленей, начали их ловить и колоть; многие женщины кровью мазали себе лицо, говорят, для излечения недугов или болезней, мазали сани и старые кости на санях и отогнали оленей в поле. Убитых же оленей кало³ собирали, смешивали с листьями тальника и говорят, что употребляли это зимой в мороженом виде в пищу. Называется это маньяло...

В 10 часов пополудни в юртах начали чулки праздновать, а каким порядком сия церемония продолжалась, при сем описание имеется. В юрту Имлерата принесли к огню дощечку длиной до 2 футов, шириной до 8 дюймов, из которой достали вчерашнего числа огонь при оленях; вверх округлена наподобие головы с глазами и носом, которую обоготворяют за земного бога, и перед нею беспрестанно горящий огонь. Называют ее гырыгир. На середине ее сверху положена оленья голова с кожей и рогами, против огня в головах турсучок с водою

² Этот остров имеется на карте XVIII в.

³ Очевидно, автор имеет в виду содержимое оленьего желудка, полупереваренное питание оленей. (Прим. ред.).

для отмачивания бубнов, чтобы звук от оных был негромким; головою кладут на полдень, а к северу не кладут, потому что ту сторону почитают темнотою. У другого огня, который ближе к дверям, положены две оленьи головы, сложенные таким же подобием, из которых одна маленькая, а другая большего оленя и с большими рогами. В начале церемонии Имлерат и еще 3 старика — у каждого в руках бубен — и с ними переводчик Дауркин с бубном начали ходить вокруг огней, тихонько колотя в бубен, раз 5 обошли, остановились у дверей — в середине Имлерат, а от него на обе стороны по двое стояли с бубнами, и один из них пел, через что они привязывают земного бога и ему покоряются; между тем и другие, стоящие с бубнами, покрикивали изредка го-го-го и смачивали из турсуков бубны водою, потом пошли вокруг и остановились прежним порядком; к ним прибавилось еще двое чукоч с бубнами, и началась пляска — стоя на месте, били в бубны крепче, а в другом конце юрты женщина стоя плясала, потом обошли и стали по другую сторону огня, несколько бья в бубен, и напротив него девка плясала, а в другом конце две женщины и одна девка плясали; потом ходили с бубнами вокруг и бегом скакали, бья в бубен, и обратились в другую сторону, таким же образом скакали, бегая вокруг огней; вскоре оборотились и три раза обежали, остановились, начали все бить в бубны, а девки и женщины, стоя близ круга, плясали, и была тут же старая старуха; и обошли кругом два раза, остановились, один начал петь песни, попевши, все вскричали «гей!» и пошли вокруг с остановкою; один пел, было сказано, что они тем пением земных богов просят, чтобы были здоровы и не было бы болезней и никакого другого поветрия. Потом припевали, чтобы были здоровы и благополучны, мы, дескать, в припевах просим земного и высшего, чтобы и вы были здоровы. Потом, ходя тихонько вокруг, Имлерат остановился против одного полога у дверей и разговаривал с другим, сидящим в пологе стариком. Они радуются русским людям и просят, чтобы благополучно путь проводить, потом обошли вокруг. Имлерат говорит теперь — видим, что солнце светит благополучно, и здорово нам всем в юрте было, потом разговаривал с тем же стариком — теперь благодарю бога, что мы гостей дождались, и прошу своего бога, чтобы благополучно довести в Колыму, — обошли вокруг и разговаривали о дровах, чтобы не было нужды. Прежде сего шаманили и думали, что на судне есть поветрие, а теперь, дескать, мы видим, что никакого поветрия нет и все благополучно, просит благополучия командующему, и нам, дескать, через то будет благополучие. Обошли раза три, разговаривали с тем же стариком. Правда, что мы ожидали с этим судном какого-то поветрия, но видит, что оно другим каким-то местом прошло, и мы, дескать, радуемся, что видим ныне vyšних командиров в первый раз, что у нас еще никогда не бывало, и радуемся, что нас всех одарили табаком и кораллками, всем так довольны, что не только мы, но и земля, дескать, видит. Потом, ходя вокруг, остановились, перестали петь; Имлерат на месте начал ударять

в бубен и приплясывал, напротив его с другой стороны одна старуха и баба плясали, и стоящая за кругом шаманка начала кричать — ее-де забирает пляска, и подле ее стоящие бабы и девки плясать начали, тут же и шаманка плясала, кричать перестала; потом другой старик с бубном плясал на месте, и напротив него бабы и шаманки также плясали, обошли вокруг, и третий начал плясать, и напротив него баба, и обошли вокруг, остановились. Один начал петь песни, шаманка тоже пела, ходила по кругу, а потом начала бегать, бья в бубны. Потом поворотились в другую сторону, остановясь, начал один чукча с бубном плясать и, бья в бубен, кричать «га», напротив его баба и одна девка подошли близ круга, плясали, и вокруг стоящие бабы тоже плясали; потом обошли вокруг, остановились, припевали, потом шаман, стоящий с бубном в кругу, начал сильно бить в бубен и разговаривал с ним, другой ближний, напротив его стоящий чукча, он сказал, что ему показалось, что из юрты олени выбегают, а другой его спросил, что это к худу или к добру; на то он промолчал. А потом сказал — к добру, и ходили вокруг с остановкою, били в бубны, один шаман припевал, и шаманка, стоя близ круга, также припевала, постояла несколько. Чукчи с бубнами начали кругом бегать быстро и били в бубны сильно, поворотились назад и бегали в другую сторону, остановясь, начали бить в бубны. Один стал плясать, напротив него вышла небольшая девка, плясала, и стоящая шаманка с другою бабою тоже плясала. Императ из круга вышел, и с таким порядком весь день продолжалось сие их празднование — пляска.

Репорт И. И. Биллингсу сотника И. Кобелева¹

Служилый русский человек, казачий сотник Иван Кобелев принимал участие в сухопутном путешествии И. И. Биллингса по Чукотской земле.

В 1789 г. Биллингс послал И. Кобелева, который раньше уже был на Чукотке и хорошо знал чукотский язык, к чукчам, чтобы подготовить их к приезду отряда экспедиции. Кобелев выполнил возложенную на него задачу и содействовал успеху сухопутного путешествия Биллингса.

От 12 августа прошлого 1789 г. отправлен я из Охотска от Вашего Высокоблагородия через г. Гижигинск в Чукотскую землю с переводчиком дворянином Дауркиным² с данным мне от Вашего Высокоблагородия секретным наставлением, в коем между прочим, во втором отделении предписано по свидании моем с чукотскими народами как невозможно стараться на первый случай свести с оными дружество и дарить их поелику возможно на их вкус данными мне от Вашего

¹ ЦГАВМФ, ф. 214, д. 28, лл. 394, 394 об.

² Николай Иванович Дауркин, чукча по происхождению, состоял переводчиком при Гижигинской крепости. Он вместе с И. Кобелевым был участником сухопутного перехода И. Биллингса по Чукотке.

Высокоблагородия на тот случай подарочными вещами, как-то: табаком, коралками, бисером и самыми маленькими ножичками.

19 декабря того же года отправился из г. Гижигинска в коряцкие стойбища и 24 декабря прибыл в стойбище к старшине Оммату Яхвикову. 8 марта 1790 г. прибыли на стойбище к корякам с Тихого и Северного Ледовитого морей оленные чукчи, с коими 10-го числа того же марта свел дружество и дарил по их вкусу данными мне от экспедиции подарками. 4 апреля с оленными чукчами во главе с Имлератом отправился в их землю и прибыл на самое Северное море к острову Кулючину. С 19 мая 1790 г. находился при них до прибытия Вашего Высокоблагородия (март 1791 г.). По прибытии моем в их землю до-вольно разговаривал с мужчинами оленными чукчами о бытии вечном и непоколебимом Ее Имп. Величества подданстве; чукчи как себя, так и родственников своих утверждали быть хотя в подданстве непоколебимо, с российскими народами в дружестве вечно обходиться желают и со оными свидание иметь будут в г. Гижигинске и в Нижне-Колымской крепости, в которые и ныне по желаемости своей для торгу ка-ждо-годно ходят на оленях.

Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю сотника И. Кобе-лева. 1789—1791 гг.³

12 августа 1789 г. отправлен я из Охотска от начальника морской секретной экспедиции флота господина капитана второго ранга Йосифа Биллингса по данному мне секретному наставлению через г. Гижигинск в Чукотскую землю.

2 октября прибыл в г. Гижигинск.

19 декабря того же года отправился из г. Гижигинска для ожидания чукчей в коряцкие стойбища.

24 декабря прибыл в коряцкое стойбище к старшине Оммату Яхвикову.

10 марта 1790 г. прибыли в оное стойбище оленные чукчи, с коими по уговорам моим свел дружество и дарил их по их вкусу данными мне от экспедиции подарками... Старшина Имлерат со своими родственниками, кои при том были, согласились вестъ меня с переводчиком дворянином Дауркиным в их землю.

4 апреля с чукчами в их землю возымел путешествие от самого Каменного пеших коряк острожка, от называемой Шестаковой сопки.

6 апреля... перешед реку Аклан, коя течение имеет в р. Пенжину...

10 апреля... переехали р. Пенжину, коя течение имеет в Пенжинскую губу...

14 апреля... перешед р. Майн, коя течение имеет в р. Анадырь...

³ ЦГАВМФ, ф. 214, д. 28.

27 апреля... перешед р. Анадырь, коя течение имеет в Восточное Тихое море...

14 мая... перешед р. Нерпичью⁴, коя течение имеет в р. Анадырь...

19 мая... вышел на Ледовитое море против острова Кулючина, где нашел лучшего оленного чукчу Кагилевута с его родственниками.

2 июня остановились летовать при урочище Инниляк, поблизости пеших чукоч. В летнее время оленные табуны отгоняют в горы, а сами оленные питаются от пеших морским зверем.

18 октября... перешед р. Велмаи, коя течение имеет в Северное Ледовитое море...

21 октября... перешед р. Омгеян, коя течение имеет в Северное Ледовитое море...

25 октября... пришел к камню, называемому по чукотскому званию Тырки-гей, где остановились зимовать в числе десяти юрт, а прочие прокочевали далее к р. Чавуну.

20 ноября... прикочевали все дальние чукчи и остановились близ леска для зимовки. Всего с прибывшими неподалеку соединились 18 юрт.

30 ноября... прикочевали с Тихого моря с урочища, называемого Ягвягей камень, чуцчи, кои следовали для торговли в Колыму, числом мужска полу 25 человек, женска полу 21; при них санок 55 и езжалых оленей 220.

24 февраля 1791 г. ... получил сведения, что с Колымы чукчи возвращаются обратно и прибыли на Чавун к зимовавшим тут чукам.

8 марта... поехал со своим хозяином к оленним кочевавшим чукам, кои жительство имеют на р. Чавун.

17 марта... прибыл на р. Чавун, около коей реки довольно было оленных чукоч... При мне ж все покочевали поблизости к Кулючину острову, а почему в летнее время там чукчи не бывают, потому что подле моря, за провалами льда, не имеется никакого морского зверя.

28 марта... прибыл к своей юрте.

3 мая... поехал на собаках к морю подле берега к восточному мысу с прибывшими пешими чуками.

8 мая... прибыл к Северному морю в селение пеших чукчей, называемое Ванкаремаң.

26 мая... будучи в Увеленском острожке, нашел пешего человека, коего всячески уговаривал, чтоб он свозил меня в байдаре через пролив на американскую землю и посмотрел бы я на тамошних народов. Через уговоры мой согласился.

4 июня... В числе десяти байдар поехали на Имаглин остров, на коем жительствоющих народов мужеска с подростками сто три, женска с малолетними до ста пятнадцати человек. Питание имеют от морских зверей. А платье носят птичье. У мужска пола губы прорезаны,

⁴ Под именем реки Нерпичей вплоть до середины XIX в. на картах значилась современная река Канчалан.

и вставляются сделанные на то из морской кости наподобие запонок, токмо большие, а у прочих каменные. Со мною крайне обходились дружелюбно и ласково, потому что я и прежде на том острове в прошлом 1789 г. был. Народ отважный, завсегда обращаются в веселости, почасту собираются мужчины и женщины в ведренные дни на улице, а в ненастливые в юртах; когда соберутся, то женщины станут петь по их обыкновению песни, а прочие муж с женою парами пляшут, и так долгое время. Наконец расходятся по своим домам. А живут в юртах деревянных, которые обложены камнем с дерном, а вход и выход выведен по подземелью, длиною сажени по четыре и более; у которых юрт на полу прорезана дыра, тою вход и выход имеют. На потолке окно покрыто пленкой, содранной с китовой печени. В зимнее время варят в юртах на жирниках горящих. А лес на юрты перевозят из Америки, выкидной по берегам, еловый и лиственничный.

10 июня... переехали через второй пролив на Игеллин остров, на коем таков же народ, как и на Имаглине острове; и разговор один. Жительство имеют в таковых же юртах, нрав и поведение имеют единственное, платье носят такое же птичье. И те со мною крайне обращались приятно. На оном мужчин с подростками сорок пять, женщин с малолетними пятьдесят пять человек. Питание имеют таковое ж, морским зверем.

12 июня. На самом восходе солнца подгребли к острову. Те укипанцы, усмотрев нас еще в море, что наши все байдары остановились, оделись в куяки⁵, в руках копые, луки и стрелы на тетивах. Я спрашивал, на что готовитесь к войне, мы идем не с войною. На то мне объявили, что у тех укипанцев всегда обращение таковое и они нас так же встречать будут. Потом, приваля к берегу, наши выносили бброшень⁶ на берег, а прочие стояли вооруженные. После того жители разобрали всех по своим юртам. Укапан остров крайне небольшой, токмо высок. Юрты таковы ж, как и на Имаглине острове, на нем живущих народов мужска с подростками до семидесяти, женска с малолетками до ста человек. У мужска пола нижние губы прорезаны, как и у имаглинцев; мужчины у себя имеют жен по три и по восьми. Разговор таков же, как и на Имаглине и у пеших чукок, кои около восточного мыса живут, которые со мною в крайнем дружестве обращались. Через перевод мне говорили, ходи-де по всему их селению и смотри. Того же самого дни сделалась между ними торговля. Укапанцы променивали куньи парки, лисицы, волки, росوماхи, выдры, рыси и олени постели⁷ небольшой частью, которые все достаются с Аме-

⁵ Куяк — чукокские латы, изготовленные из толстой кожи морского зверя, костяных, деревянных, а позднее кованых металлических пластин (Черненко М. Б. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казацкого сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. — «Летопись Севера», 1957, вып. 2, с. 133).

⁶ Бброшень — пожитки, товары для обмена (Даль В. И. Указ. раб., т. 1).

⁷ Олени постели — зимние шкуры взрослого оленя.

рики. С иной стороны променивают же копыя, ножи, топоры, пальмы⁸, котлы железные, коральки всякие, бисер. А питание имеют те жители морским зверем, китовиной, моржовиной и нерпиной. Платье носят сделанное из оленьих кож, которые достают из Америки; на том же острове нашел самих американцев человек до десяти, которые жительство имеют по реке Хевереню⁹, кои переехали еще прошедшим летом на трех байдарах для торгу; те же американцы со мною обращались все крайне дружелюбно и ласково. Разговаривал с ними через перевод, которые сказывают, давно-де они слышали имя мое, что я был на первых двух островах. И очень много они разговаривали, только переводчиков никак принудить не мог, чтобы перевести мне хоть один их разговор. Они, американцы, свое лицо и грудь и мое лицо и грудь глядят и обнимают, что значит большое и неразрывное их дружество.

20 августа... Во время моего жития в Чукотской земле довольно разговаривал как с оленными, равно и пешими, живущими по Северному морю, об житии вечном и непоколебимом подданстве Ее Имп. Величества, которые утверждали себя со всеми родами быть непоколебимо, хотя-де у Тихого моря живущие около устья р. Анадыря может какую ни есть сделать пакость над российскими, то есть смертное убийство, как и прежде они в 1784 г. побили отставного казака Долгополова с товарищами. А они, жители Ледовитого моря, такого случая не токмо что чинить, но и слышать не желают. С русскими народами в дружестве вечно обходиться желают и с оными свидание иметь будут в г. Гижигинске и в Нижне-Колымской крепости.

Чукотские как оленные, равно и пешие нравы, узаконения, обряды и случающиеся церемонии.

1-е. Бога не знают, закону над собою не имеют, а живут каждый по своей власти, а иногда в злобах между собой: сын отца, брат брата, племянник дядю убивают не из чего, из одной злости. За то ни от кого судим или наказан не бывает, а кто как себе вздумать может, так и находит, да и впредь начальников над собою иметь не желают. Почему-де как прежние деды и отцы находились в их земле, не имея у себя начальников, с тем же и они жизнь свою кончить имеют.

2-е. Жертвы приносят в том месте, где в данный момент находятся, будь то гора или море. Оленные бьют оленей, из раны берут кровь рукою и бросают на воздух горе или морю, по большей части на западную сторону; тоже кровью муж у жены мажет лоб и брюхо, а жена у мужа и детей те же места.

⁸ Палма — длинный нож с односторонним широким лезвием, прикрепленный к длинной палке; использовался как охотничье и боевое режущее и колющее оружие.

⁹ Здесь речь идет об эскимосах с р. Хеверен.

3-е. При рождении, когда младенец родится, то, взявши его, оботрут мягкой оленьиной и обернут в оленьину ж и по большей части младенца держат или кладут в иловник.

4-е. Когда хотят вступить в брак, во-первых, посылают свата, и когда согласится, то с жениховой стороны поедут на оленях женихов отец или мать по невесту и возьмут еще человека из родственников. А жених остается в доме. Когда придут к невесте и объявят невестину отцу и матери, что они прибыли по невесту, напротив того невестин отец объявляет, что невеста готова, потому должны начинать [переговоры]. Поутру невестин отец запрягает в санки оленей и дает невесте в руки [вожжи], с тем и поедут к жениху. А более того никаких церемоний, ни плача, ни придан не бывает.

5-е. При погребении, когда кто помрет, то, взявши его, оденут в белые оленьи парки, штаны и обутки, на бедро нож большой, другой маленький и положат на санки, к санкам пристегнут копье, лук со стрелами и с налучнем и повезут на гору, какая получится ближняя, соберут дрова и зажгут, а мертвого положат с санками на огонь и сожгут, а подпряженных оленей из-под них двух убьют, кости из оленя вынут и оставят над мертвым, а мясо употребят при том в пищу, с чем и уедут обратно; а после того, когда случится близ того места кочевать, то родственники ездят на оленях для поминовения, возят оленьи рога и становятся в одно место над самим мертвым, и кладут небольшой огонь, и бросают в него олений жир, и сами себе в пищу употребляют; а когда случится табак, малую часть кладут в огонь и говорят: «На те[бе] табак, покури» — и сами при том курят. А когда случится далеко кочуют, для такого поминку ездят дня по четыре и по три, а летом ходят пешком.

6-е. У пеших чукчей, как и у оленных, жеңитьба, погребение все одинаково бывает, только при жертвоприношениях бьют собак, также из раны единственно кровь бросают, как и оленные. А когда случится в летнее время убьют кита, то жены их выйдут в край моря и станут рядом, поют песни по их обыкновению и скажут, то якобы веселым образом кита встречают; как скоро байдары привалят к берегу и мужчины выйдут, то растекшею синей краскою у каждого перепоше поперек жены их мажут, а более ничего не бывает.

7-е. Как оленные, равно пешие между собою по согласию женами меняются, которой прежде придется, а другой к его жене поедет ночевать, а которые счастливо, меняются с пятнадцатью человеками и в том между собою никакого зазрения не имеют.

8-е. Оленные и пешие чукчи, живущие по берегу вокруг Чукотской земли, равно и находившиеся на всех в море трех островах, чистоты ни в чем не имеют, умываются каждый человеческой мочой и посуду моют мочою, из которой себе пищу употребляют, а для очищения выставляют ту посуду лизать собакам, а единственно все веруют дьяволу через шаманство; при том шаман бьет в бубен и испрашивает у дьявола, что им надобно... и при том всему я был свидетелем.

Дневная memoria геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе до реки Пенжины в последовании под командою титулярного советника Баженова с 14 сентября по 21-е число 1787 г.¹

Геодезист Ф. Елистратов вместе с чиновником Баженовым, шихмейстером Гаузом, штурманским учеником Песковым и командою в 20 человек был послан на двух байдарках для описания западного берега Камчатки от Тигиля до р. Пенжины.

От р. Тигиля до р. Лесной в губе Пенжине живут камчадалы (Кинкильский острожек), которые не могли сказать ничего толкового о себе, а думать надобно, что произошли они от тех народов, которые обитание свое имеют по большей части при устьях рек. (В рукописи дела 189 под тем же заглавием читаем на листе 6: ...и речек для того, чтобы к пропитанию себя получать кормы из оных, как-то: рыб, морских зверей и т. д.). До крещения какой имели закон, чему верование и преклонение, какие приносились жертвы, с какими обрядами, не знают. Иные еще слепо верят предсказаниям шаманов, и что те прикажут с крайним расчетом, то исполняют. В Подкагирском острожке случилось видеть нечто похожее на жертвоприношение. По неминуемой нужде пропитания как команды, так и самих себя требовано было от тамошнего тойона кормов, который и принес лишь только убитых лавтаков и, урезав по небольшой частице нижней челюсти, на спрос же, на что они ему надобны, сказал, что часть из них бросит в море, чтобы то более таких производило, а остальное положит на тот камень, где они убиты, для того, чтобы более выходили. Сему же подобное жертвоприношение видели на речке Шаманке. На одном очень высоком камне поставлено множество оленьих и диких баранов рогов, посредине их — медвежьих и собольих голов лобовые части; под которыми и вокруг множество как костяных, так и каменных, и железных стрел — что это значит, для чего, ни от кого узнать не могли.

Одежда, как у русских, и только если кто к ним в гости придет из россиян, то надевают женщины лучшее свое платье, подобие рус-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 188, 189. Рукопись дела 188 является заверенной копией рукописи дела 189. В некоторых случаях в рукописи дела 188 нет тех сведений, которые имеются в деле 189. В таких случаях мы эти сведения давали в скобках с указанием листов.

скому: холщовые рубахи, юбки и душегрейки камчатые и китайчатые и большей частью цветные, головы повязывают итальянскими штофными платками.

К питью горячих вин склонны, женолюбивы, женский пол к дето-рождению горяч. Нравы их несколько грубы, мягкосердечны, к добру медлительны, переменчивы, злобны и мстительны. Роста посредственного, по большей части малого и неплотного, но проворного; лицом смуглы, волосом черны, который мало чешут, взгляд потуплен. (В рукописи д. 189, л. 8: нравы их несколько грубы, но кои чаще имеют дело с россиянами — мягкосердечнее, к добродетели посредственны, слово к добру медлительны, непонятны, а в противном случае весьма поспешны и переменчивы, злобны и мстительны. ...Взгляд имеют потуплен, и, если о какой вещи говорят, на нее не смотрят, обманчивы и несправедливы).

Живут в зимнее время в юртах, несколько углубленных в землю и посыпанных ею, с имеющимся наверху, вместо окна и дверей, отверстием, куда по приставленной внутри лестнице входят и выходят, а подле лестницы раскладывают огонь и тем согревают юрту и как собакам, так и себе варят пищу. Летом живут на балаганах, поставленных на столбах от земли вышиной на 1,5 и на 2 сажени, делая площадь, вымашивая корбасником, которую по самой середине обставляют четверовидно тонкими жердями, сводя их кверху остро, подобно пирамиде; кроют травой, а иногда скалою²; по краям же той площади подобно делают стропилами, их делают столь часто, чтобы с одного на другой ходить было без нужды можно; а делают их столько, сколько семей находится; когда же случится летом холодней и сырей воздух, забираются в сделанные на земле и осыпанные ею же подобно юрте, с разницей той, что с одной стороны подобно дверям делают лазею, похожую на штольную, в длину сажени 2, а вышиною в аршин, в которой человек проходить может сгорбясь, на коленях, употребляя в помощь руки, и называют оную бараборою; в ней кладут огонь. В зимних юртах и бараборах в ночное время употребляют для света сделанные из камня, похожие на небольшие корытца, налитые китовым, нерпичьим и прочих морских зверей жиром, и к одному краю корытца в ряд кладут мох и зажигают. По семьям имеют полога пестроватые из китаек и китайских платков, и каждый с своим семейством помещается.

Хозяйство же их состоит в промысле зверей и на платеж ясака — соболей и лисиц и на другие потребности. Женщины употребляются в воспитании детей, коих воспитывают очень дурно и неопрятно; в шитье же платья и обуви и выделывании разных звериных кож, в летнее время вообще в заготовлении рыбных кормов и в прочем

При свадьбах никаких церемоний не имеют, а как с жениховой стороны уведомление будет, что невестины родители пока не препят-

² Скала (сиб.) — камень (Даль В. И. Указ. раб., т. 4).

ствуют, то, приходя, берет ее и венчается в церкви или в юрте священником. Когда же одного нет, то приводит домой, и живут, как будто и всегда жили.

Умерших оплакивают немного, и если не при церкви, то при жилье. Летним временем закапывают в землю, а зимой отвозят в лес и заваливают валежником так, чтоб птице достать было не можно.

Болезни их по большей части чирии, от натуги бываемые или от испорченной худою пищею крови; их прорезывают ножом и выдавливают. Когда сего сделать будет не можно, то та материя проходит во внутренность и умирают. Горячки и прочие боли по суеверию своему лечат через шаманство.

Платье как мужской, так и женский пол в зимнее время носит из оленьих, бараньих и собачьих кож, называемые по их парки и куклянки, которые опушивают росомашьими и собачьими лапами, редко выдрой, но весьма узко. А в летнее время имеют камлей из оленьих дымленых и пареных кож.

За промыслом в лес ходят в зимнее время на лыжах, обтянутых лапками; в отдаленные места ездят на собаках.

Пляски и музыки не имеют; но только бывает, что женщины для собиранья ягод или корней ходят на тундры — берут они с собой лучшее из платья, там, наряжаясь, представляют разных или, лучше сказать, передразнивают русских им известных людей, кто как говорит, ходит, какбе телодвижение имеет, и многие еще делают кривляния; тем и забавляются.

Для зимы в пропитание собирают ягоды: рябину, морошку, голубицу, бруснику, шикшу, жимолость. В пищу летом употребляют травы: дегильник, шаламайник, кипрей сладкую и припасают оную к зиме для продажи в казну. На курение водки употребляют корни: кымчиги, сараны и макарши. Во время приезда к ним их родителей и приятелей угощают, во-первых, юколою, обмакивая в китовый или нерпичий жир, и киликилем; делают оные киликили из ягоды шикши, смешанных с вареной свежей рыбой и с лахтачьим жиром. Для любимых гостей крошат сушеной кипреи очень мелко, положи в посуду и налив несколько воды, толкут, в оное сыпят истолченной мелко икры, смешав, прибавляют воды и лахтачьего жира, толкут до тех пор с подливанием воды и жиру, покуда все оное делается подобно сметане. Для родителей, нарезав бараньего или оленьего жиру, называемого ими здор, мелко, положи в посуду, толкут, прибавляя к тому мелкого кипрею и сушеной истолченной же икры, все сне, смешав толчением и наливая по пропорции лахтачьего жиру и воды, до тех пор толкут, покуда делается, как сметана.

Шли от р. Шаманки до р. Подкагирной. Жители Подкагирного острожка пропитание свое по большей части имеют от морских зверей, мясом и жиром, к тому в летнее и осеннее время ланными гусями, утками и лесными зверями. В этом острожке одна юрта и несколько балаганов; от устья в одной версте одна юрта с балаганами, в ней

жителей коряк при тойоне мужска полу и женска...³ душ. Оные жители от камчадал во всем отменны⁴, чрезвычайно уже неопрятны, грубы до крайности, в юртах чистоты не имеют.

Егаекесский острожек в Пенжинской губе. Коряк тут два рода, первые по имению множества оленей называются оленными, а другие сидячими или пешими. Род оленных берет превосходство, почитая себя господствующими; бога на своем законе почитают, именуя его хозяином всего видимого света и в благодарность за все посылаемые блага приносят жертвы. Они умоляют в ниспосланных печалях и болезнях; веруют и в то, что умирающих души и по смерти имеют житие в небе и что будет одним явлена благодать, а другим, кои волшебствуют, отправляя или портя людей, или которые смуты между их делают, или оклеветывают другого, а паче и тем, которые приводят людей в слезы (значит растление девиц и насилдование женщин), будет мучение. Учат же миловать и скотова тварей, без нужды не убивать, думая так, что не милуемая ими скотина или тварь будет препятствовать входу в уготованный покой; собака будет его кусать, олень бости рогами и бить копытами. Убитые же оружием, а паче умертвившие сами себя имеют будут блаженнейшую жизнь от прочих. И тамо живут родами, имея множество хороших и белых оленей. О умирающих же само собою мнят, будто бы оные не получают покоя, и по своему зловерию почитают их съеденными дьяволом. О бытии божием говорят, что тот хозяин, ни от кого не зависяш, сотворил все по своей воле, не имеет ни начала, ни конца, всем управляет, одним словом, он всего добротворитель и все им подает, что они ни имеют, и за то должными себя считают делать возблагодарения жертвами чистых скотов. О находящихся в болезнях мнят, что за грехи свои мучатся от дьявола, которых ближние родники дьяволу жертву дают убиванием хороших собак, чтобы он большого мучить перестал, а чтобы не свел, успевают самоубийством.

Жертвоприношение бывает ради следующих причин: 1-я — испрашивая хороших промыслов; 2-я — в браках, чтобы имел любовь со своею женою; 3-я — в возблагодарение хорошего промысла; 4-я — о больных. За первые три причины жертвоприношение бывает следующим образом: тот, который приносит жертву, из всех табунов выбирает оленя самого удалого в бегании, станом складного, жирного и шерстью белого, когда же у него нет, покупает от других дорогою ценою и украшает оленя привешиванием к ушам серег и шурупов, обвивая рога разных цветов разных материй лоскутьями и, поставя головой на восток, берет копье и колет под левую лопатку, крича слова сии

³ Пропуск в оригинале.

⁴ По административному делению конца XVIII в. северная граница Камчатской области проходила по р. Лесной на западном побережье и по р. Караге — на восточном. Все коренное население к югу от этих рек называлось камчадалами. В действительности от р. Лесной на юг до р. Тигиль и от р. Караги до р. Ука жили оседлые коряки, а далее к югу — ительмены. Кроме того, по западную сторону Камчатского хребта в районе рр. Тигиль и Большая кочевали оленные коряки. (Прим. ред.).

громко: «Прими, хозяин мой, приносимое самоохотно и лучшее; ты знаешь, что не имею лучшего, и обмануть мне тебя не можно; ты видишь мое сердце, слыши и вопль мой, услыши просьбу мою». Потом отрезывает голову, не вынимая языка, втыкает на кол глазами к востоку, а мясом, с прибавкою к сему другого и разных жиров делая толкуши, чувствуют собранных родников, покуда изрыгать не начнут; вместо же вина употребляют грибы красные, называемые мухоморами, с которых бывают пьяны или, лучше сказать, бешены до крайности, кои же не потчеваны мухомором, может, по неимению оных, те стараются пить урину от взбесившихся, и от того еще более бешены, нежели первые.

Первородного человека называют Куй-Кеника или Кук-Кул, а жену — Мит; они были роста большого, так что ни одна гора вышины не превышала, сильные и чрезвычайно тяжелые, и где они ходили и ложились, земля проваливалась вниз, отчего и сделались между гор великие ложбины и буераки. Жили долго и, таскаясь с места на место, в разных местах оставили множество детей своих, между которыми первыми и знаменитейшими были сын Емемхут, которого Куй-Кеника и Мит горячо любили; он был великий красавец, разумен, удал и силен; к тому же великий охотник есть мухоморы; наевшись некогда оных, уснул, жена же его любила больше, нежели самое себя, и по ревности к прочим вымарала ему лицо сажею и углем, но как он проснулся, то пошел на одну чистую и быструю речку напиться и, в ней себя увидя, влюбился, думая, что видит там женщину столь прекрасную, кричал, звал ее к себе, а как голос его по реке и дальше раздавался, то он, почтя, что видимая им красавица ему отвечает, так обрадовался, что от радости и умер. Сестра же его Мигнул также была великой красоты и, любя своего брата, вышила свою рожу; напоследок, пошед на место, где он умер, бросилась в воду и сделалась пеною. Почему пошло у них в обычай вместо вымарывания лиц прошивать оные иглой с ниткой, вымаранною в китовом или нерпичьем жиру и саже, фигурами, а паче у женщин. У них и теперь есть еще поговорка о мужчинах и женщинах: «Ведь ты не так хороша, как Мигнул, дочь Куй-Кеникова». О прочих же детях Куй-Кениковых ничего не упоминают.

Пропитание имели разными ягодами, кореньями, мешая с китовым и нерпичьим жиром или толкли с рыбною юколою и оленьим салом; что и ныне у них за первое и лучшее употребление имеют.

Поминки об умерших творят поставлением на пригорках оленьих рогов с тем, что из оных выйдут умершим олени и расплодят они там великие табуны. К утесам или камням настреливают стрелки для того, чтобы умерший тот утес мог пройти или проехать безвредно. А стреляя, говорят: «Старик, помилуй, не сделай мне вреда, моим оленям и моим собакам».

Празднество отправляют два раза в году. 1-е — когда промыслять начинают китов, то против находящихся в их юртах идолов до самого

огнища делают проход шириною до 5 четвертей и по обеим сторонам обставляют решетками подобно баясам, высотой в три четверти аршина, на середину же сего прохода кладут сделанного небольшого кита, обвитого травой — тоншичем (тончищем?). И когда промысел окончен, сядя по обе стороны прохода, едят мясо и жир китовый и потчуют своих родственников до изыггания и при обжирании своим обливают жиром как своих идолов, так и сделанного кита, мясо ж с жиром втыкают на острые сваи, поставленные против юрт, которое до тех пор там остается, пока жир, истекши, и мясо, высохнув, собаками съедено будет. Это исполняют во весь тот промысел. По прошествии же сего промысла проход тот со всем к нему принадлежащим относят в правую сторону юрты к стене и ставят так же, как он там поставлен был, а кита выбрасывают из юрты, чем торжество и кончается. Напоследок в проходе сем лечат больных, кои страждут горячкою; таким образом: поставя в нем к задней стене юрты идола, обвитого травой, из другого конца водят больного по проходу взад и вперед до тех пор, пока он сил лишится или, лучше сказать, таскающие его устанут, потом сажаят его на того идола и сие повторяют до выздоровления или смерти.

Брак происходит так: жених, полюбя девку, рассказывает о том своему отцу, а он, рассмотрев обстоятельства и пользы, идет с женихом в дом невесты, взяв в подарок копьё, нож большой и малых несколько, табаку и мухоморов, а иногда и водки, а пришед к родителям девки, кладет все оное на колени отцу невесты или перед ним; когда же тот возьмет оные и разделит по своей семье и родникам, то говорит женихов отец: «Я пришел к тебе, моему другу, свататься за сына своего, на такой-то-твоей дочери, вот тебе мой сын; я тебе его отдаю; хочешь — держи за сына или за работника, может, на старости будет тебе в замену» — и, оставя сына, уходит, а жених остается у тестя. Отец же невесты и родники его, наевшись мухоморов и взбесясь от оных, поступают с сим бедняком тирански, да и во все время его у них бытия употребляют в презираемые ими и тяжелые работы, ежечасно браня и бив, тем самым искушают его в незлобии, думая так: «Если все оное он от нас снесет, то он ласков и незлобив и никогда впредь на жену свою злобиться не станет». По некотором времени полагают день тот, в который бедено-трудящийся жених получить должен невесту. Ее наряжают во все их платья, а больше стараются о крепких хонбах (штанах), которых надевать две или три пары; потом всю опутывают ремненными сетями и в пологе девки хранят опасно. Жених же по утешении в юрте огня усматривает оплошность невесты и ее караульных, стараясь тихо войти к ней в полог, раздрать все прикрывающее ее; но как скоро сего ему учинить не можно, то стерегущие невесту бьют его чем попало, царапают медвежьими лапами и орлиными когтями, не щадя лица и глаз; он, снося все мучения, исполняя свое намерение, а когда оное ему удастся, то девка кричит необычным голосом, давая тем знать, что жених получил что ему хотелось, и родственники

бить перестают. Поутру на другой день невестин отец и мать берут жениха и его невесту с ласкою за руку и вводят в девкин полог, жених садится в переднее место на невестиной постели, где его и оставляют. Уведав о том, мать женихова приходит и уводит сына своего с его женою в его юрту и также в особливом пологе оставляет наедине. Тут обряд брака кончается. По всем сим обрядам у жениха как своим, так и невестиным родственникам бывает обжорство.

При родах детей у родильницы бывает бабка, которая ей в нужном помогает, и по рождении младенца обтирают онного мохом. Пуповину отрезает также бабка и завязывает далее шести вершков от живота младенца. Имена дают родившимся по совету всего рода на воспоминание прежде бывших в их роде именитых предков, а сие делают для того, чтобы возвратился тот из умерших, и бывает пир, готовят все жирное, как-то: олени, киты, белуги, нерпы.

К родителям слепое дети имеют послушание так, чтобы какое ни есть великое имел сын к чему пристрастие, но по запрещении отца тотчас оставляет; у них нет обычая детей бить, и редко случается, чтобы дети не были почтительны и послушны отцу; если же таковое случается, все ими гнушаются и отшатываются. Мужской пол женится по дозволению родителей от 18 лет, а женский отдается по воле родителей в те поры, когда иметь будет женихов, то почитают ее приспешною к браку.

Извлечено из рапорта П. С. Палласу о поездке в Якутию К. Мерка¹

Чтобы собирать вдоль Вилюя растения и образцы камней, а также чтобы осмотреть горы каменной соли, которые находятся вблизи этой реки, 30 марта 1788 г. я отправился туда верхом с рисовальщиком и одним охотником из Якутска.

В Вилюе водится нельма — по-якутски Tutbalyk; стерлядь — Kchatyss; чирок — Mnugur, шуки — Sordong; сига — Majangas; плотва — Kyssyl-Garach; налимы — Salysar; окуни — Alhar или Alaser.

В 60 верстах от города Оленский среди рассыпанных прибрежных камней находят в изобилии железную руду, которую якуты собирают летом и осенью при отливе и которую, как они утверждают, река выбрасывает весной при приливе. Якуты плавят эту руду и изготавляют из нее ножи, косы, топоры. Я заставил зарисовать печь, которой они пользуются для плавки руды, и то, как они обрабатывают железо.

В этом году не было по берегам Вилюя зайцев, которые уходят через 3,5 или 10 лет, а потом снова возвращаются в больших количествах. То же самое имеет место и с белками. Якуты утверждают, что лисицы вследствие недостатка их главной пищи не имеют лисят. Когда

¹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редкой книги. Ф. 1000. Собр. ед. пост., 1969, № 38.

снег начинает таять или, согласно другим утверждениям, в начале июня выходят из нор лисята по 2—4—5 и до 8 из каждой норы. Якуты ловят их тогда руками и выращивают до осени, так же, как делают это на Колыме, в темных сарайчиках, построенных из тонких стволов лиственницы поблизости от своих жилищ. Осенью они лисят душат, а мясо съедают. В разные годы бывает разный приплод. Якуты утверждают, что из одного гнезда получаются красные, черные и пестрые лисята. Гоняют лисиц собаками, причем якуты сидят на лошадях и стремятся ударить лисицу грубыми кнутами. На Колыме лисят выкапывают из нор в конце мая, захватывают петлями за шею и кормят рыбой до октября.

Язь по-якутски — Tenchly, ельцы — Husbach, маленький чирок — Bueranchabda, совсем маленький чирок — Tschonog.

Весной ловят якуты рыб во внутренних озерах с помощью ставных ловушек — Ilim, а при выходе рыб из озера — вершами — Ju, которые они делают из тонких стволов лиственницы, а соединяют их корнями лиственницы или корой ив. Исток запружают поперек стволами лиственниц, между которыми они ставят верши. Щук якуты сушат на воздухе. Из других же рыб они делают свое Bartscha, русские называют это порса. Они жарят рыб иногда на деревянных вертелах на огне и растирают их затем руками или разбивают. Варят они рыб в котле, размельчают и сушат на древесной коре на солнце. Этот грубый порошок они плотно набивают в своего рода кадку — Kuerty, сделанную из древесной коры, крышку пришивают наверх кадки и так сохраняют порсу в своих маленьких кладовых до зимы. Из внутренностей рыб вываривают они жир — Ballik-Jutha.

Путевой журнал группы командующего экспедицией И. Биллингса 1785 и 1786 гг. от С.-Петербурга до Верхне-Колымского острога через Иркутск, Качуги, Якутск, Охотск

Заверенная копия¹

«Путевой журнал» экспедиции И. Биллингса содержит этнографические материалы о якутах.

Шли по р. Лене. На островах Унары, Гугари и Кадолак кочуют крещеные якуты зимними стойбами, на которых имеются юрты, промысел имеют рыбной ловли и зверей; а рогатого скота и лошадей довольно число.

На р. Урак встретили ясашных якутов 10 человек. Эта речка впадает в р. Охоту. В оной реке промысел имеют рыб: нерки и кеты, которые по объявлению в летнее время ловятся с начала и в последних числах июня и до самой осени. Промысел имеют сетями, которые бьют сажен по десяти длиною и шириною фут до трех, которую один

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, д. 162.

человек шестом закинет и оттуда выбирают через самое короткое время с рыбою, которую сушат, называя оную юколой, и солят.

На р. Арке в селении встретили тунгусов 17 человек, юрт 5; стоит оное на левом берегу р. Арки при устье и при Охоте, по объявлению платят ясак лисицами, которых промысел имеют, рыб — нерки и кеты, также лисиц, соболей, сохатых, оленей, диких коз и птиц — куропаток, гусей и уток стреляют из луков стрелами. Юрты свои имеют на речных местах, юрты сшиты берестяные. Когда надо переносить, то складывают в тюки и перевозят с собой на оленях; оленей имеют малое число, и называют оные тунгусы — сидячие и вдаль не ездят, а промысел и пищу имеют от рыбной ловли и промысла зверей, и птиц, и оленей.

Река Уега впадает в Охоту. Приехали к тунгусскому селению, юрт в оном 10, тунгусских князцов два, тунгусов 30 человек, крещеные ясашные, которые имеют небольшое число оленей, питаются от промысла зверей и рыбы, как вышеописанные тунгусы.

В 40 верстах с левой стороны впадает в р. Охоту речка Порог, есть тунгусское селение — 3 юрты, крещеных ясашных тунгусов 6 человек, которые имеют табунами в тундрах оленей, и называются оные оленные тунгусы, которые по объявлению пищу имеют от промысла сохатых, диких оленей, коз и рыбы, также лисиц, соболей, бурундуков, горностаев, белки, зайцев и тарбаганов. К зимнему же времени перекочевывают от рек в горы и юрты свои перевозят на оленях.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Журнал, или поденник, флотского капитана Иосифа Биллингса. Путешествие из С.-Петербурга в Охотск, из Охотска на реку Ковыму и в Ледовитый океан; возвращение в Якутск, Иркутск и потом в Охотск, возвращение из Охотска в Якутск и описание якутского народа; возвращение из Якутска в Охотск и оттуда в Камчатку на судне, именованном «Слава России», от 1785-го до 1789 г. С рукописного английского подлинника, хранящегося в Адмиралтейств-Коллегской архиве. (Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 1)	19
Путешествие господина Биллингса из Охотска на Камчатку; пребывание его в сей стране, отправление на американские острова; возвращение на Камчатку, вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны; оттуда в Берингов пролив и на Чукотский нос. 1789—1790—1791 гг. (Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 2)	43
Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса. Поход землемерный по чукотской стране до Анюйской крепости в годах 1791 и 1792. (Перевод с английского Ф. Каржавина. Ч. 3)	54
Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске. (Перевод с немецкого З. Д. Титовой)	59
Слова кадьякского языка, встречающиеся в тексте рукописи К. Мерка о жителях о. Кадьяк	93
Слова алеутского языка, встречающиеся в тексте рукописи К. Мерка о жителях о. Уналашки	94
Описание обычаев и образа жизни чукчей. (Перевод с немецкого З. Д. Титовой)	98
Слова чукотского языка, встречающиеся в тексте рукописи К. Мерка о чукчах	151
Слова эскимосского языка, встречающиеся в тексте рукописи К. Мерка о чукчах (с литерой «и»)	153
Журнал Чукотской земли от бухты Св. Лаврентия до Ангарской крепости, веденный геодезистом сержантом Гилевым с 11 августа 1791 г. по 17 февраля 1792 г.	155
Журнал описания Чукотской земли от губы Св. Лаврентия до Ангарской крепости 1791 г. Подпись: «Штурман Ботаков»	157
Репорт И. И. Биллингсу сотника И. Кобелева	160
Журнал о путешествии вторично в Чукотскую землю сотника И. Кобелева. 1789—1791 гг.	161
Дневная memoria геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе до реки Пенжины в последовании под командою титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 г.	166
Извлечено из рапорта П. С. Палласу о поездке в Якутию К. Мерка	172
Путевой журнал группы командующего экспедицией И. Биллингса 1785 и 1786 гг. от С.-Петербурга до Верхне-Колымского острога через Иркутск, Качуги, Якутск, Охотск. (Заверенная копия)	173

Этнографические материалы Северо-Восточной географической
Э91 экспедиции: 1785—1795 гг. / Сост. и пер. рукописи К. Мерка
З. Д. Титова; под общей ред. д-ра ист. наук И. С. Вдовина. —
Магадан: Кн. изд-во, 1978. — 176 с., ил. (Дальневосточная исто-
рическая библиотека).

95 коп.

Дневники, записки, журналы, рапорты участников Северо-Восточной географической экспедиции содержат сведения о быте, материальной культуре, формах общественных отношений населения Чукотки, северо-западной Америки, Аляски и Алеутских островов в конце XVIII века. Полностью текст рукописей публикуется впервые.

Для специалистов, исследующих вопросы истории и этнографии народов северо-востока Сибири и бывших владений Российско-Американской компании, и для краеведов.

Э 0164—027
М—149(03)—78 23—78

902.7
63.5

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

1785—1795 гг.

**Составитель
З. Д. ТИТОВА**

**Под общей редакцией
доктора исторических наук
И. С. Вдовина**

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИБ 00142

Редактор Л. Н. Ягунова. Художественный редактор Д. Д. Власенко. Технический редактор В. В. Плоская. Корректор Г. А. Козеева. Сдано в набор 21.03.78 г. Подписано к печати 19.10.78 г. АХ—02148. Формат 70х90/16. Бум. тип. № 2. Литературная гарн. Высокая печать. Объем 12,87 усл. п. л., 13,22, уч.-изд. л. Тираж 5000. Заказ 4092. Цена 95 коп. Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, ул. Пролетарская, 45. Областная типография Управления издательства, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, Магадан, пл. Горького, 9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	12-я снизу	в зависимости сей России	в зависимости России
10	11-я сверху	Аймекан	Оймекон
21	1-я снизу	«ор»	«ог»
22	9-я сверху	Ниж-	Верх-
27	19-я снизу	Колымского	Верхнеколымского
29	4-я сверху	Тигинова	Тыгинова
	18-я сверху	Тигина	Тыгина
	19-я сверху	Памшского	Намшиго
	18-я снизу	Кубей-Готюна Kubey-Ghotüen	Кубей-Готюн Kubey-Ghotuen
	11-я снизу	Аксит	Аксыт
	8-я снизу	Вехсит	Вехсыт
30	13-я сверху	Ашара и Биохо	Ашара ы Биохо
	18-я сверху	Енахсис	Енахсыс
31	21-я сверху	Енахсисе	Енахсысе
56	3-я сверху	партных	парных
63	17-я снизу	Tschigidak	Tschigdak
65	7-я сверху	Chochik	Choschik
67	4-я сверху	(рис. 2а-д) или от (рис. 2е-ж)	(рис. 2а — г); от (рис. 2д — ж)
70	20-я снизу	Pilchkalaktutt	Pilchkalaktut
71	9-я сверху	Ujuungut	Ujungut
72	19-я снизу	Maidat	Maidatt
74	11-я снизу	Tochsytt	Tochsytt
78	4-я сверху	Kaniagi	Koniagi
80	16-я сверху	Sasignan	Sessignan
	21-я сверху	Sassignan	Sessignan
	25-я сверху	antantajagon	atantajagon
83	5-я сверху	Ingbak	Inglak
84	23-я снизу	Kuschpejok	Kuschpaejok
86	13-я снизу	Kumunack	Kumunak
93	12-я снизу	Avttchaat	Attchaat
135	4-я сверху	awawei	awawai
138	10-я снизу	Pabliangok, и.	Publiangok, и
143	7-я сверху	Acha-Mitill	Acha-Mimill
145	12-я снизу	Kohun	Kokun
	5-я снизу	Matku	Mamku
146	16-я сверху	речки отдых	речки Ourken отдых
	6-я снизу	Fuchni	Juchni
148	19-я сверху	Ingaatwantsch	Ingaatwaatsch
	21-я сверху	Keingin	Kaingin
152	2-я колонка,		
	5-я сверху	Antragulus	Antragulus
159	10-я сверху	привязывают	призывают
163	15-я сверху	Ванкареман	Ванхареман
170	12-я сверху	Кук-Кул	Куй-Кул

